

ДЯДЯ САМЫХ ЧЕСТНЫХ ПРАВИЛ 7



АЛЕКСАНДР ГОРБОВ

Дядя самых честных правил 7

Глава 1

Пайцца

В первый же день пути Васькина механическая лошадь сломала ногу, и он полетел в грязь, но, слава богу, отделался только ушибами и изгваздался, как свинья. Судя по развороченному металлическому суставу, это была цвергская поделка, да ещё и с приличным пробегом. Знаем, знаем — хитрые купцы гонят подержанных лошадей из германских княжеств, чтобы сбывать их здесь как авалонских.

В результате этой досадной аварии нам вдвоём пришлось ехать на одной лошади, отчего скорость прилично упала. К тому же передвигались мы ночами — в этих землях не так много народу путешествует, а мы выглядели бы слишком приметно.

На третий день Васька вызвался сходить в деревню, встретившуюся на пути, чтобы достать нам припасов. Там он попал на ярмарку и по случаю прикупил себе новую одежду. Переодевшись, превратился из дворянского слуги в небогатого купеческого приказчика. Сейчас его бы ни за что не опознали как моего камердинера, а я старалсяшний раз не попадаться никому на глаза.

Со всеми этими предосторожностями мы добрались до Казани. На подъезде к городу было полно народу: купцы с товарами, крестьяне на подводах, изредка встречались дрожки и кареты дворян. Я прикинул, что в камзоле с короткими кюлотами буду здесь слишком замечен. Местные помещики, кого мы видели по пути, одеваются по-другому, сильно провинциальнее, в ходу ещё дедовские кафтаны. Так что я укрылся в лесочке вёрст за пять от города, а Васька отправился добывать одежду мне.

* * *

Почти весь день я просидел под деревом, ожидая возвращения камердинера. Васька вернулся только под вечер с большим узлом на плече, будто зажиточный крестьянин, несущий гостинцы с ярмарки.

— Вот, Константин Платонович, достал, что смог. Оно,

может, и не новое, но всё чистое и добротное.

Пока я переодевался, он делился впечатлениями о Казани.

— Огров сколько, Константин Платонович. Просто тьма-тьмушая! Везде они: в лавках они, на улицах они. В корчму поесть зашёл — а там хозяин огр. И откуда столько взялось?

— Так Казань — изначально огрский город. Его царь Иван Четвёртый к Руси присоединил.

— Да?! — Васька искренне удивился.

— Ага. Так и живём теперь вместе. Дворянских родов огрских у нас множество, в Петербурге их только по фамилии отличить можно.

— Никогда бы не подумал, — он покачал головой. — Сколько лет живу, а что в мире делается, и не знаю.

— Ничего, — я усмехнулся, — в Пруссии ты со мной уже был, сейчас Казань увидел. Потом и в другие страны, может, поедem, насмотришься ещё. Ты, кстати, нашёл, где нам переночевать?

— Как не найти? Нашёл, Константин Платонович. У купца одного, тож огра. Там на базаре бабка есть, пирогами торгует. Всех знает, все с ней здороваются. Я у неё пирог купил, с капустой да грибами, и спрашиваю уважительно: мол, матушка, вы здесь всех знаете, не подскажете, где бы нам переночевать с торговым товарищем, чтобы чисто да без клопов. Так она мне того огра-купца и указала, Назира Абдуллаевича. Говорит, жена у него померла, детей нет, так у него часто купцы останавливаются. Вроде как последнее время даже орки-купцы, а не только его однородцы. Ну я и пошёл к нему в лавку.

— И как, он согласился?

— Сначала косо смотрел, отказывался. Говорил, что дом у него в огрской слободе, что мне там неудобно будет, на трактиры да постоянные дворы кивал. Только я подумал, нам, наоборот, их слободка лучше: там точно искать не будут, ежели что. Так я ему и сказал, что мы с вами не пьём, порядок соблюдаем. А потом взял и схитрил. Сунул ему в руки деньги, мол, держи задаток, — Васька ухмыльнулся. — Купцы, они такие, деньги хватать с сызмальства учатся. А раз взял, значит, дал согласие. Хоть и скривился, но отказать не смог. Потом мальчишку со мной отправил, чтобы дорогу показал. Так что будем ночевать с вами, Константин Платонович, у огрина.

— Молодец, Васька. Ну как? — я одёрнул кафтан и топнул

ногой в разношенном сапоге. — Похож я на купца?

Он осмотрел меня со всех сторон и покачал головой.

— Ой, не знаю, Константин Платонович. Лицо у вас не купеческое, сразу видно, что из дворян.

Он почесал затылок, поморщился и вдруг полез в сумку.

— Пойдите, я ж тут кой-чего прикупил на этот случай.

В руке у Васьки появился волосатый рыжий комок, похожий на мочалку.

— Борода, Константин Платонович. Вы её к лицу приладьте, чтоб не узнал никто.

Я с сомнением развернул накладную бороду. Она воняла скисшим пивом и нюхательным табаком, но выбора особого не было. Васька помог мне её прилепить с помощью то ли смолы, то ли клея.

— О! Прямо и не узнать, Константин Платонович. Я бы ни за что вас не признал, ежели бы на улице встретил.

Вышло как минимум забавно, по крайней мере на ощупь. Жаль, у нас даже крохотного зеркальца не было, чтобы самому полюбоваться. Но Васька аж надулся от гордости от своей задумки и утверждал, что получился вылитый купец третьей гильдии. Я махнул рукой и поверил ему на слово.

Механическую лошадь мы тоже замаскировали. Васька накрыл её неказистой дерюгой, а морду вымазал какой-то чёрной дрянью, чтобы она выглядела совсем старой. А я подкрутил коленный сустав, чтоб походка стала хромой.

Такие полурабочие механические лошадки не были редкостью. Когда они, обычно скверного немецкого качества, почти вырабатывают свой ресурс, дворяне продают их купцам или зажиточным мастеровым. Бегать уже не могут, а вот таскать грузы ещё годятся. Так что по российским дорогам можно встретить немало латаных-перелатаных, чиненных народными умельцами механических калек.

Закинув вещи на лошадь, Васька взял её в повод, и мы пешком двинулись в город.

* * *

Дорогу Васька запомнил точно, и плутать не пришлось. Сумерки только начали затапливать улицы, а мы уже подошли к нужному дому. На вид даже и не отличишь, что здесь живёт

огр, — точно такие же деревянные дома я видел и в Муроме на купеческой улице. Тоже деревянный, тоже окрашен синей краской, такие же резные наличники на окнах, только рисунок другой.

Васька постучал в калитку, и через пару минут нам открыл старик-огр в выцветшей тюбетейке. По-русски он не говорил, но заулыбался, показывая радушие, приложил правую руку к сердцу и поклонился, что-то бормоча. Отпер ворота, чтобы мы завели коня, и жестами пригласил в дом.

Обстановка внутри оказалась ничуть не восточная, я словно оказался у тех же Добрытниковых в гостях. Мебель старая, но явно купленная из какого-то дворянского особняка. Ковры на стенах, магический светильник под потолком, тоже жутко старый, но всё ещё рабочий. Было видно, что хозяин пытался создать атмосферу достатка, но последнее время запустил дом.

Купец, худощавый мужчина лет тридцати, встретил нас в столовой. По виду — чистый огр, а по одежде и не отличишь от купца орка или человека, только на голове огрская вышитая тюбетейка. Я представился Иваном Ивановичем Русовым — так и запомнить проще и не запутаюсь, если что. А хозяина звали Назиром Абдуллаевичем Баязитовым, относился он ко второй гильдии и занимался торговлей бухарскими товарами. Он усадил нас за стол и, заявив, что «сытый гость — радость для хозяина», хлопнул в ладоши. Тут же старик-слуга, встретивший нас на входе, стал выносить блюда с едой. Глубокие тарелки с токмачем, куриным супом с лапшой. Треугольные пирожки, которые хозяин назвал эчпочмаки. Какие-то лепёшки с начинкой, название которых я не запомнил. И всякую другую снедь, простую, но вкусно приготовленную.

Пока мы ели, я исподволь разглядывал купца. К удивлению, я почувствовал с ним некоторое родство. Такое, знаете, неуловимое, будто встретил очень дальнего родственника, похожего на тебя парой фамильных черт. А потом вспомнил — во мне же есть доля огрской крови! Мои предки, князья Урусовы, были потомками Едигея, беклярибека Золотой Огрской Орды, темника-генерала и шурина Тамерлана. Позже его правнук перешёл на службу к Московскому царю, став первым Урусовым. Так что родство с этим купцом несомненно есть, только очень-очень дальнее.

Убрав опустевшие тарелки, старик принёс самовар, и мы

принялись чаёвничать под неспешный разговор.

* * *

— Хлопок, Иван абый, из Бухары я везу хлопок, ткани, украшения, — по-русски Баязитов говорил чисто, совершенно без акцента. — Иногда оружие, если есть на него заказы. А туда везу мёд, замки, сталь, иногда порох. Целые караваны отправляем, по двести, триста верблюдов.

— Ого!

— Не в одиночку, — вздохнул купец, — по десять, иногда двадцать купцов собираемся, нанимаем охрану и едем. Три месяца в одну сторону, три в другую, там ещё два месяца, пока расторгнемся. А по дороге так и норовят ограбить. Возле Самарканда на нас однажды напали сорок разбойников во главе со знаменитым Ходжи-Бабой. И что бы вы думали? Наша охрана просто разбежалась! А этот Ходжи-Баба, да сгорит он в адском пламени, стал ездить вдоль верблюдов и с криком «Сезам, откройся» вспарывал мешки с товаром. Хорошо, что нам повезло и появилась стража.

— Поймали этого разбойника?

— Куда там! Эти сорок шакалов похватили часть товара и умчались прочь.

— Соболезную.

— Не стоит: до моих верблюдов, — Баязитов улыбнулся, — они не успели добраться.

Васька всё это время сидел тихо, в разговор не вмешивался и всюду уминал сладости с большого блюда.

— Уважаемый Назир абый, — я взял на вооружение огрское вежливое обращение, — хотел у вас спросить. На комод я заметил старую серебряную табличку. Откуда она? Никогда не видел символов, что на ней изображены.

— О, Иван абый, вы умеете задавать интересные вопросы! — купец аж расцвёл от моих слов. — Это не просто табличка, это самая настоящая пайцза хана Чингиса.

— Неужели? Откуда у вас такая удивительная редкость?

— Мой дед говорил, что его дед рассказывал, а тому передал его дед, что эта пайцза прародителя моего рода. По преданию, он был внуком хана Чингиса от одного из многочисленных его сыновей от младших наложниц.

Дослужившись до тысячника, он пришёл в эту землю вместе с дядей Джучи и остался здесь жить.

— Какая потрясающая история! Разрешите мне взглянуть на пайцзу?

— Конечно, Иван абый, как я могу отказать вам.

Я подошёл к комоду и принялся разглядывать потемневшую от времени пластинку. Надпись шла на ней вертикально, столбиком, а буквы были совершенно незнакомые. Интересно бы скопировать их, а потом найти специалиста по восточным языкам и перевести.

Во мне насмешливо фыркнул Анубис. Талант вынырнул из глубины, посмотрел на пайцзу моими глазами, и тут же буквы странного алфавита сложились в осмысленный текст.

«Повелением Вечного неба. Указ хана Узбека. Человек, который не покорится, виновен и должен умереть»

Вот те на! Это вовсе не пайцза сотника, а обычный указ, да ещё и гораздо более позднего времени. Похоже, легенда уважаемого хозяина — выдумка от первого до последнего слова. Но я не стал говорить этого вслух, а поблагодарил за возможность увидеть старинную вещь и сел обратно за стол.

В комнату вошёл старик-слуга и что-то сказал по огрски.

— Ай, Иван абый, извините, но приехал человек по торговым делам.

— Всё понимаю, Назир абый, — я приложил правую руку к сердцу, — не нужно извинений. Спасибо за ужин, за чай, за интересный разговор. Мы ляжем спать, чтобы не мешать вашим делам.

Пока мы с ним расшаркивались, в столовую вошёл орк в дорожной купеческой одежде. Я только моргнул от удивления. Ванька, Щербатов! Ты смотри, как изменился — заматерел, округлился, ходит важно. А глаза всё такие же хитрые, как и при первой нашей встрече.

Ванька поздоровался с хозяином, что-то сказал ему по-огрски и только потом соизволил обернуться к нам. И тут же выпучил глаза, узнав меня без каких-либо сложностей. Вот тебе и накладная борода!

Глава 2

Мертвец

Надо отдать должное, Ванька и слова лишнего не сказал. Поздоровался со мной, представился и переключился на Баязитова. А мы с Васькой пошли за слугой в выделенные нам комнаты. Я даже успел немного подремать, прежде чем в дверь тихо постучали.

— Константин Платонович, — слышался громкий шёпот, — это я, Иван Щербатов.

— Входи, не заперто.

Бывший коробейник втёк в маленькую комнату, будто ртуть, и запер дверь.

— Как я рад вас видеть, Константин Платонович, в добром здравии! А говорили, будто вас в ссылку отправили.

— Кто говорит?

— Да всякие. Вроде видели, как вас по Сибирскому тракту повезли в кандалах. Брежут, небось?

— А сам как думаешь?

В полумраке хитро блеснули глаза орка.

— Я мыслю, бежали вы, Константин Платонович. Чай, с фальшивой бородой в огрской слободе вы не от барской блажи прячетесь.

— Ну садись тогда, — я хлопнул по постели рядом с собой, — раз такой умный, поговорим.

— Да я постою, мне привычно, — Ванька расплылся в улыбке. — Меня ноги кормят, сиднем пусть чиновники да генералы сидят.

— Ну смотри, как хочешь. А чего в Казань занесло? Вот уж не ожидал тебя здесь увидеть.

— Так вашими же молитвами, Константин Платонович. Муромское огниво в Бухару и Индию продаю. С Назиром Абдуллаевичем уже вторую партию отправлять буду. Первую чуть ли не с руками отрывали, так понравилась.

Ты смотри, каков делец! Настоящий гений, поднявшийся из самых низов до международной торговли пробился.

— Константин Платонович, — Ванька наклонился ко мне и перешёл на самый тихий шёпот: — Может, я вам помогу до вашего имения добраться?

Я отрицательно покачал головой. Бывший коробейник понял это по-своему и быстро-быстро зашептал:

— Не сомневайтесь, Константин Платонович, довезу в целости и сохранности. Ежели вас опять в ссылку, не дай бог, отправят, так и мне разорение наступит. Я добро по гроб жизни помнить буду — если бы не вы, так я до сих пор бусы по деревням носил бы. Благодаритель...

Подняв ладонь, я остановил его болтовню и тихо сказал:

— Петербург.

Ванька на секунду задумался и кивнул.

— И туда можно. Только не быстро, у меня лошадки похуже ваших будут, но доставлю с гарантией. Вы пока у Назира оставайтесь, а я за вами заеду. Документики ещё вам выправлю, на всякий случай. Не беспокойтесь, со мной как у бога за пазухой доедете!

* * *

Утром я предложил огру-купцу купить коня, на котором мы приехали в Казань. Исправил «хромой» сустав и попросил за него четыреста рублей.

— Дорого, — огр цокнул языком. — Старый уже, шкура натянута плохая, задние ноги скрипят. Сто.

— Уважаемый Назир, ты ещё не проснулся и плохо его посмотрел. Скрипит? Капля масла, и он будет как новенький. Я сам готов смазать ему суставы, чтобы не причинять тебе беспокойство. Триста пятьдесят.

— Ай, Иван абый! Совсем дорого! Сто пятьдесят — только ради нашего знакомства, да будет благословен тот день, когда ты вошёл в мой дом.

— Назир абый, это же не тягловый конь, а настоящий скакун. Поменяешь шкуру, возьмёшь дорогое седло и будешь ездить, как настоящий хан. Видит бог, только ради тебя — триста двадцать.

— Без ножа режешь! Сто семьдесят!

Мы почти час с ним препирались, то ругаясь, то хлопая друг друга по плечам, как братья. В конце концов огр предложил:

— Иван абый, честное слово, больше дать не могу, нет сейчас свободных денег. Ты вчера, помнишь, пайцу смотрел? Хочешь, я тебе такую медную дам? А ты мне за сто пятьдесят

коня уступишь?

Щелчком пальцев он подозвал слугу, что-то гортанно крикнул по-огрски, и тот убежал в дом. Вскоре слуга притащил простую деревянную шкатулку, в которой действительно лежала толстая медная пластина. Старая, позеленевшая, с еле различимыми символами. В верхней части пластины было проделано круглое отверстие для ношения на поясе.

— Посмотри, Иван абый, старинная вещь. Мне её один купец в Бухаре подарил, сказал, удачу приносит. Согласись, удача ведь лучше, чем сто рублей, а? Считаю, даром отдаю!

Так и подмывало сказать, что уважаемый купец хочет меня надурить. Вещь, конечно, старая, но не смахивает на ценность. Разве что продать её любителю древностей, но поди ещё найди такого. Я повертел пластину в руках, переключился на магическое зрение и заметил вокруг неё лёгкий эфирный фон. Очень похожий на остаток наложенных Знаков.

— Бери, Иван абый, не сомневайся. Удача сама за тобой бегать будет, вот увидишь.

Я не стал сразу соглашаться и ещё немного поторговался. Через полчаса огр увёл коня, а мне досталось сто восемьдесят рублей и старая пайцца. Судя по огонькам в глазах купца, он считал, что неплохо поживился за мой счёт. А я не стал его разочаровывать и скрыл улыбку. Мне в любом случае надо было избавиться от лошади, взятой у погибшего опричника. А тут ещё и возможность сплавить её за деньги. Да и медную табличку будет интересно исследовать, чтобы занять себя во время пути. Так что мы разошлись довольные друг другом, каждый получил то, что хотел.

* * *

Щербатов сдержал своё слово. Вечером к дому Баязитова подъехала крытая кибитка, запряжённая парой механических лошадей. Васька загрузил наши небогатые пожитки, и мы двинулись в путь.

На выезде из города к нам присоединились ещё две кибитки, в которых сидел десяток мужиков самой бандитской наружности.

— Охрана, — пояснил Ванька, — ну и товара немного, чтобы не впустую ездить.

— Что-то на разбойников твоя охрана похожа, мил человек.

— Так они и есть, бывшие, — Ванька ухмыльнулся. — Лучше разбойника от других лихих людей никто не защитит. Не первый раз с ними ездю, своё дело парни знают.

Пришлось поверить ему на слово. Впрочем, по пути я разговорил этих «охранников» и, слово за слово, вытянул подноготную. Да, разбойничали, но «без кровушки», как они выразились. А к Щербатову пошли, потому что проще за денежку малую с купцом кататься, чем по лесам впроголодь шататься. Да и в бандиты эти бывшие крестьяне попали не в поисках хорошей жизни, а чтобы не протянуть ноги в неурожайный год. Но некоторые из «охранников» вызвали у меня подозрение — «пахло» от них нехорошими смертями, на мой некромантский вкус. Таких я взял на заметку и приглядывал за ними вполглаза.

Пока кибитки тряслись по дороге, я то спал, то разговаривал с Ванькой, то брался чистить старую пайцзу. Когда зелёный налёт удалось оттереть и медь снова заблестела, я смог рассмотреть надпись китайскими иероглифами, рисунок кречета и головы льва. Анубис снова помог мне перевести: «Силою вечного неба. Покровительством великого могущества. Должен вести дела по усмотрению!» Судя по всему, пайцза происходила из времён основания Великой Орды, когда хан Чингис только завоевал Китай и готовился взять под свою руку остальной мир. Осколок эпохи, когда Москва была крохотной крепостью посреди диких лесов.

А вот со Знаками я так и не разобрался. Древний мастер создал из эфирных линий какую-то мешанину непонятного назначения, да ещё и погрузил её глубоко в металл. Распиливать старинную вещицу только ради ветхой магии не хотелось, и я бросил пайцзу на дно дорожной сумки. Пусть лежит как историческая ценность, подарю потом какому-нибудь музею.

* * *

— Константин Платонович, у вас оружие есть? — тихонько спросил меня Ванька Щербатов на очередном привале.

— Что-то случилось?

— Сердце у меня не на месте. — Он кинул хмурый взгляд на

«охранников», сидевших подле кибитки. — Не так что-то.

— Думаешь, кто-то из твоих людей нас продал?

Ванька вздохнул и еле заметно кивнул.

— Не думаю, чую. Нюх у меня на такое.

— Буду иметь в виду. Насчёт оружия не беспокойся, есть чем угостить голубчиков.

Магия магией, а пару «огнебоев» я достал из сумки. Один выдал Ваське, предупредив о возможном нападении. А другой сунул за пояс — грохот выстрела отлично деморализует, гораздо лучше беззвучного колдовства.

На следующий день, ближе к полудню Анубис подал мне сигнал опасности. Впереди, примерно через версту, в придорожных кустах затаились люди. И, судя по эфирному следу, совсем не с добрыми намерениями. Я тут же дал команду Ваське, чтобы охранял задок кибитки, а сам перебрался на козлы к Щербатову, который сам правил лошадьми.

— Приготовься, — шепнул я ему, — вон за той кривой берёзой нас ждут. Как начнётся — прыгай в кибитку и не высовывайся.

Ванька коротко кивнул и крепче сжал вожжи.

Ждать долго не пришлось. Мы даже не доехали до той самой берёзы, как из леса высыпала целая толпа. Бородатые мужики с вилами, дубинами и даже парой ружей.

— Стой! — заорал здоровенный орк и поднял руку. — Приехал, купчина!

— Сымай портки, — выскочил рядом с ним мелкий рыжий мужичонка и потряс кулаком, — нам нужнее!

Щербатову не пришлось напоминать. Он дёрнул вожжи, а сам рыбкой прыгнул с козел назад.

— Ты смотри, точно сымать побежал!

Разбойники дружно заржали. А я смотрел на них с умилением — ну надо же, какая наивность! Впервые встречаю людей, у которых совершенно отключена интуиция.

Позади, возле кибиток, где ехала охрана, раздались два выстрела. Я не стал больше ждать, вытащил «громобой» и разрядил его прямо в лицо вожаку. А затем швырнул в толпу разбойников огненный всполох.

— А-а-а-а!

— Колдун!

Несколько полыхающих фигур заметались по дороге. А остальные разбойники кинулись в разные стороны, пытаясь скрыться за кустами. Вот собственно и всё, проще пареной репы. Сейчас разберусь с нашей собственной «охраной», если они сами не справились с предателем, и можно ехать дальше!

— А-а-а!

Разбойники снова начали выскакивать из кустов с правой стороны дороги. Распахнутые в ужас рты, выпученные глаза и белые от ужаса лица. Следом за ними появилась и причина их испуга. Тёмная фигура с палахом в руке металась среди бегущих мужиков, рубя, коля и убивая без разбора. Минута — и на дороге остались только бездыханные трупы. А борец с разбойниками исчез в кустах слева. Оттуда через некоторое время тоже раздались отдалённые крики, но быстро стихли. Ещё минута — и на дорогу вышел мужчина, вытирающий клинок платком.

Я не сразу узнал его. Лицо землистого цвета, ввалившиеся глаза, проступающие через кожу кости.

— Плохо выглядишь, Дмитрий Иванович.

Киж осклабился. Его улыбка больше напоминала оскал черепа, а не живого человека. Да, тяжело ему пришлось после встречи с магодавом.

— Да и вы, Константин Платонович, поиздержались в дороге, как я погляжу.

Соскочив на землю, я подошёл к мертвецу, и мы крепко обнялись.

— Рад тебя видеть, дружище!

— Знали бы вы, как я рад. Честно говоря, думал, в Сибирь за вами добираться придётся, а тут чую, вы обратно едете. Даже не поверил сначала.

— Сейчас разберёмся, что там случилось, и поговорим.

Моя помощь не понадобилась. Предателя пристрелили сами охранники и даже пытались организовать оборону. Так что я велел Ваньке пересечь к ним, чтобы я мог поговорить с Кижом без лишних ушей, и мы двинулись дальше.

— Борода у вас, конечно, Константин Платонович, и смех и грех. Будто мочалку к лицу прицепили.

— Ну извини, Дмитрий Иванович, что было под рукой, то и приклеил. Ты давай рассказывай, что там в Злобино. Как Лукиан и Марья Алексевна? Все живы?

— Все, Константин Платонович. Лукиан к вечеру за рябиновкой в подвал полез, а княгиня на следующий день собралась в Петербург ехать, за вас хлопотать.

— Поехала? Одна?

— Не успела, — Киж ухмыльнулся, — к нам новые гости пожаловали. Николай Девиер, помните такого?

Я кивнул.

— Вот он. Рожа обожжённая, будто в кипятке купался, сам перекошенный весь. Приехал с отцовскими опричниками ваше имение забрать.

Глава 3

Марфа

— Подробности, Дмитрий Иванович. Выкладывай, что там случилось.

Киж передёрнул плечами, будто вспоминать те события ему было крайне неприятно.

— На третий день, как вас магодав утащил, приехал Девиер с тремя десятками вооружённых бойцов. И стало понятно — эти сразу стрелять начнут, если не по их будет. Наши опричники их издали приметили, и Камбов людей поставил в усадьбе для обороны. Собирались ваши пушки включить да послал вывести Святогора. А я на крыше с «огнебоем» залёг...

— Дмитрий Иванович, не узнаю тебя. Ты же любитель рукопашной — и вдруг стрелять собрался.

Он помрачнел.

— После встречи с вашим магодавом, Константин Платонович, я даже ходить нормально не мог, с тростью ковылял, как калека. Это потом уже меня Лукиан чуть-чуть подлечил, чтобы я за вами ехал.

Я не стал ничего говорить. Положил руку ему на плечо, зачерпнул силу и влил в Киж полную горсть.

— А-а-ах...

Он даже голову запрокинул от удовольствия. Сила впитывалась в него, словно вода в сухую землю. Буквально на глазах он оживал, из мертвеца становясь похожим на человека. Цвет лица из землистого стал просто бледным, черты смягчились, а губы расслабились, и он перестал скалиться.

— Хватит с тебя пока, — я убрал руку а, — потом ещё добавлю.

— Спасибо, Константин Платонович. — Во взгляде Киж стояла благодарность и преданность. — Так обидно было чувствовать себя бесполезным бревном.

— Ну, так уж и бесполезным, — я рассмеялся, — вон разбойников как нашинковал. Рассказывай, что там дальше было.

Киж кашлянул, прочищая горло, и продолжил:

— Мы уже собирались стрелять, но тут из дома вышла Марья Алексевна, злая как чёрт. Ну, вы знаете, как она может.

У меня вырвался непроизвольный смешок. Старая княгиня при желании кому хочешь хвост накрутит, невзирая на лица, чины и Талант.

— Вышла она и как гаркнет! Мол, кто это осмелился мешать её покою? Девиер чуть с лошади не свалился, честное слово. Я, говорит, приехал забрать конфискованное имение. А сам на княгиню косится да руку на шпаге держит.

Я представил эту картину и ухмыльнулся. Нет, не этому сударю тягаться с княгиней. До сих пор помню, как она в один момент успокоила меня с Шереметевым.

— А Марья Алексевна его и спрашивает: кем конфисковано? Где бумаги, мальчик? Вы бы видели, как его перекосило от этих слов! Рожу свою обожжённую скривил и начал нести чушь, что раз хозяин отправлен в ссылку, то имение его по закону подлежит конфискации. Вот он и прибыл забрать собственность, которую ему должны пожаловать за службу. Княгиня на него посмотрела как на жабу, руки в бока упёрла и как рявкнет: а не вор ли ты, мальчишка? Ограбить бедную женщину вздумал? Княгиню Долгорукову? Мне эту усадьбу Урусов ещё год назад подарил, на старость, а ты отобрать хочешь?

Меня разобрал смех, стоило представить эту картину. Даже не сомневаюсь, возможностей Марьи Алексевны хватит, чтобы оформить подобную дарственную задним числом. Тем более что конфискации-то скорее всего и не было, а Девиеры собирались забрать чужое на чистом нахальстве, раз хозяин отправился в Сибирь.

— Как она на него кричала! Я, говорит, до императора дойду, чтобы вас, ворьё, наказать. А лучше сейчас вызову родовую гвардию и весь ваш род поганый под корень изведу. А потом как Талант её наружу попёр...

Киж поёжился.

— Уж на что я привычный, Константин Платонович, и то страшно стало. Будто чудовище вылезло размером со всю усадьбу. И гром послышался, раскатами аж уши заложило.

— Прибила их Марья Алексевна?

— Не, — мертвец разочарованно вздохнул, — только они увидели такое, так сразу развернулись и галопом унеслись прочь. Даже «огнебои» побросали, так драпали.

Из-за поворота дороги появилась телега, и Киж замолчал,

пока мы не разминулись.

— Только они уехали, так Марье Алексевне от напряжения дурно сделалось. Пришлось её в дом заносить, Настасья Филипповна компрессы ей ставила, травами до ночи отпаивала. Вроде полегче стало, но сил ехать в Петербург не осталось совсем. Как её отпустило, она упросила Лукиана меня починить, чтобы я за вами поехал.

— Он не хотел?

— Учитель ваш, — Киж состроил недовольное лицо, — заявил, что нужды во мне нет. Вроде как вы сами должны справиться, что вам этот магодав на один укус. Скажите, Константин Платонович, вы его убили?

Я кивнул, и Киж удовлетворённо хмыкнул.

— А как?

— Цепью задушил.

Он аж расцвёл, хищно улыбнувшись.

— Спасибо, Константин Платонович. Я бы сам его с удовольствием на кусочки порвал, но так даже лучше.

— Как Таня?

— Не беспокойтесь, с ней всё хорошо. Она быстрее всех в себя пришла, когда вас увезли. Просила передать, что ждёт вашего возвращения. — Киж лукаво посмотрел меня, но я сделал непроницаемое лицо.

— Тебе придётся вернуться в Злобино.

Он возмущённо вскинулся, но я не дал возразить.

— Передашь, что со мной всё в порядке. Заберёшь кое-что нужное, возьмишь у Лаврентия Палыча денег и найдёшь меня в Петербурге.

— Будем мстить? — В его глазах полыхнул холодный огонь. — Отдайте мне Девиера!

— Посмотрим, как пойдёт. Тебе лошадь нужна? Как ты сюда доехал?

— Ничего не надо, — Киж покачал головой, — я так доберусь. Не волнуйтесь, всё сделаю. Что именно я должен привезти?

Я продиктовал ему список и выдал инструкции, что делать в Петербурге. Напоследок ещё подпитал мертвеца силой и посадил на ближайшей почтовой станции. А сам отдал вожжи Ваське и завалился в кибитке подремать — в конце пути мне будет не до отдыха, так что стоит отоспаться про запас.

* * *

В Нижнем Новгороде Щербатов оставил свою ненадёжную охрану и сменил лошадей. Не знаю, где он достал двух не совсем заезженных авалонцев, но дальше мы поехали гораздо быстрее.

Во время путешествия, останавливаясь на постоянных дворах, я обнаружил забавную штуку. Бороду можно было и не клеить, одежда купца и так делала меня незаметным. Разночинцы, купцы, крестьяне и мастеровые, существовали с дворянами в параллельных вселенных. Для путешествующих высокородных сударей другие сословия выступали фоном, будто пролетающие за окном кареты берёзки. Все на одно лицо, на которое не стоит даже обращать внимание.

Мне было любопытно и очень познавательно наблюдать жизнь простых людей изнутри. Вынужденное пребывание среди купцов, случайные беседы на постоянных дворах и даже участие в одной поножовщине дали мне богатую пищу для размышлений.

По пути из Москвы в Петербург я стал свидетелем нескольких случаев произвола помещиков над крепостными. И подобное жестокое обращение с людьми вызывало во мне глухой гнев и раздражение. Всю эту уродливую систему сословных отношений хотелось вырвать и выкорчевать до последнего корешка. Вот только никакой возможности для этого не виделось в ближайшие полтора века.

Так что в столицу я прибыл в несколько расстроенных чувствах. Не скажу, что стал революционером и желал свергнуть монархию, но некоторые выводы для себя сделал. Впрочем, сейчас требовалось решать другие проблемы, а не восстанавливать социальную справедливость.

* * *

На окраине Петербурга я попрощался с Ванькой Щербатовым и дальше двинулся пешком. Не слишком торопясь, я прогулялся по городу и заглянул в несколько кабаков, прислушиваясь к разговорам и впитывая обстановку. К моему удивлению, среди столичных жителей множилось недовольство императором. Пока ещё глухое, ворчливое, оно явственно проскальзывало

среди мелких чиновников, военных и даже лавочников. Первые жаловались на засилье приглашённых пруссаков, назначаемых на высокие должности в коллегии. Вторых раздражала вводимая прусская форма, муштра по-фридриховски и желание императора вернуть Кёнигсберг, полученный в результате прошлой войны. А третьи тихонько возмущались какой-то реформой, связанной с церковью.

В одном из кабаков я прикинулся восторженным простофилей и выставил выпивку двум рядовым гвардейцам. Они-то мне и рассказали по пьяной лавочке, что император собирается вывести гвардейские полки из столицы, а затем отправить их на войну с Данией. В результате почти вся гвардия негодовала, и кое-кто вспоминал славные деньки, когда Преображенцы возвели на трон молодую Елизавету.

Разыскивая дом по адресу, что дал мне Шешковский, я раздумывал над увиденным. Ясное дело, что обыватели ропщут из-за смены внутренней политики. Эти настроения постепенно расползаются по стране, прорастают в Москве и других крупных городах. Но абсолютно ни на что они не влияют. Решать в этой ситуации будет отношение к императору дворян и крупных родов. Именно у них есть силы что-то изменить или устроить бунт. Но, что говорят в светских салонах, мне пока неизвестно.

Конспиративная квартира располагалась недалеко от Коллегии Адмиралтейства. В тихом переулочке прятался небольшой дом с таким унылым фасадом, что даже взгляд на нём не желал останавливаться. А вот входная дверь при ближайшем рассмотрении оказалась массивной и прочной. Такую придётся выбивать магией или тараном, если захочешь войти сюда с недобрыми намерениями. Но я пришёл сюда с миром и просто постучал костяшками пальцев.

Ждать пришлось минут десять, пока мне соизволили открыть. Дверь распахнулась, и за ней появилась огромная баба-орка. Сурово посмотрела на меня и рявкнула:

— Чегой надобно? Ничё не покупаем, убогим не подаём.

Я смерил её взглядом, посмотрел в глаза и спросил:

— Марфа?

— Не знаю тебя, кто таков?

Поморщившись, я отодрал от подбородка бороду и призвал Анубиса, нависнув эфирным полем над оркой. Ну давай,

вспоминай меня, работница Тайной канцелярии.

— А теперь, милочка?

— Ы...

Глаза орки округлились. Она попятилась, перекрестилась, но затем опомнилась и поклонилась.

— Константин Платонович! Да как я могла вас не узнать! Заходите, не стойте на пороге. Подальше от чужих глаз, и дверку закрём, чтобы никто не углядел. А я уж и не чаяла вас снова увидеть. Завтра же свечку поставлю, что сподобилась...

— Тихо.

Она дисциплинированно закрыла рот и уставилась на меня со всем вниманием.

— Комнату, помыться, новая одежда, ужин. И сообщи Степану Ивановичу, что я прибыл и жду встречу с ним.

— Слушаюсь, ваше благородие.

Орка поклонилась и рукой указала на лестницу.

— Прошу вас на второй этаж.

И засеменила впереди, то и дело оглядываясь и проверяя, что я следую за ней.

* * *

Шешковский слукавил, когда говорил про «не шикарные условия». В моём распоряжении оказалось четыре комнаты: спальня, столовая, гостиная и нечто среднее между кабинетом и библиотекой. Ещё была условная ванная, куда орка прикатила бочку и наполнила горячей водой. Одежда, подходящая дворянину, ждала меня после купания, свежая и выглаженная. Ужин из ухи, кулебяки и чая с баранками оказался вполне съедобный, а постель гораздо лучше того, на чём я спал последнее время. Так что засыпал я в отличном настроении, с оптимизмом смотря в завтрашний день.

А вот проснулся совсем не так, как ожидал. Снилось мне какая-то милая ерунда, которую в клочья разорвал тревожный звонок Таланта. Я открыл глаза и увидел в сумерках фигуру, на цыпочках крадущуюся к моей кровати.

— Степан Иванович, я не соблазнительная девица, чтобы пробираться ко мне в спальню. Боюсь, никаких поцелуев вы от меня не получите.

Я вытащил руку из-под одеяла и зажёг на пальцах

магический огонь. Шешковский замер на месте и зажмурился от яркого света.

— Это точно вы, Константин Платонович?

— А что, есть сомнения? — усмехнувшись, я сел на постели.

— Честно говоря, да.

Шешковский смотрел с недоверием, будто подозревал во мне бесплотный дух.

— Я до последнего не верил, что это вы. Думал, кто-то прикрылся вашим именем и обманул Марфу. Скажите, что вы отдали мне в последнюю нашу встречу?

— Степан Иванович, если уж вы разбудили меня в такую рань, позвольте умыться и одеться, как положено. А после я отвечу на все ваши вопросы.

Глава 4

Гарантии

Наскоро умывшись холодной водой, я оделся и вышел в гостиную. Шешковский нетерпеливо ходил по комнате, но при моём появлении замер на месте и принялся буравить меня взглядом.

— Вот уж не ожидал, Степан Иванович, что вы меня будить придете.

— Всё бывает впервые, Константин Платонович. Будьте любезны, присядьте и ответьте на пару вопросов.

Я хмыкнул и сел в кресло. Неужто Шешковский сомневается, кто перед ним?

— Кто напал на меня во дворе дома на Садовой? Припомните, пожалуйста.

Ну и вопросыки с утра пораньше! Это же больше года назад было. Так, что там происходило на этой Садовой? Я вроде бы отпускал призраков заложных мертвецов.

— Покойный протоколист, умерший на рабочем месте. Врезал вам по спине, если мне не изменяет память. А вот имя, извините, уже не назову.

— Предположим. Зачем я навещал вас в артиллерийском полку под Петербургом?

Пришлось напрячь память, вспоминая тот случай. Ах да, ну конечно!

— Вы привезли моего кота.

— И всё?

— И личные вещи.

Шешковский пристально посмотрел на меня.

— Да, пожалуй, это всё-таки вы, Константин Платонович. Тогда ответьте на последний вопрос. Как вы смогли сбежать от фон Катте?

— Это имеет значение?

— Первостепеннейшее.

В этот момент до меня дошло — Шешковский же тоже магодав. И пусть фон Катте пренебрежительно отзывался о русских мастерах, но бывшего тайного канцеляриста крайне волновал побег от своего собрата по ремеслу.

— Бойтесь, что я нашёл средство против магодавов?

Взгляд Шешковского стал ледяным.

— От вашего ответа, Константин Платонович, зависят наши дальнейшие отношения. Если вы...

— Не стоит так переживать, дорогой Степан Иванович, — я рассмеялся. — Вашему Таланту не угрожает никакое тайное заклатье. Любезного фон Катте я задушил кандалами.

Шешковский закашлялся.

— Как?

— Очень просто. Самым банальнейшим образом обернул вокруг шеи и подержал, пока он не перестал дышать. Если казнённые магодавы не будут брать с фон Катте пример и пьянствовать во время конвоирования заключённых, им ничего не угрожает.

Шешковский почти минуту молчал, а затем матерно выругался совсем не по-дворянски.

— Вы невообразимы, Константин Платонович! Задавить самого известного магодава, как курёнка, и сидеть при этом в полном спокойствии!

— А что вы хотите? Чтобы я по потолку бегал? Ну извините, не знал, что ваш фон Катте такой непобедимый. В следующий раз предупреждайте заранее.

— Вот теперь я точно уверен, что это вы, — Шешковский вздохнул и утомлённо опустил в кресло. — Честно говоря, как только стало известно, что послали фон Катте, я мысленно простился с вами.

Он протянул руку и дёрнул висевший на стене шнур. За стеной почудился звон колокольчика.

— Вы знали, — Шешковский потёр глаза пальцами, — что хороших магодавов воспитывают строгой муштрой Таланта? В Пруссии мальчиков с нужными задатками забирают из семей в пятилетнем возрасте и до совершеннолетия натаскивают, будто бойцовых псов. Большинство не выдерживают — Талант безнадёжно травмируется и становится ни на что не годен. Но те, кто заканчивает обучение, могут разом согнуть десяток магов в бараний рог. — Он посмотрел на меня и криво улыбнулся. — За редким исключением.

Дверь без стука отворилась, и на пороге появилась Марфа.

— Кофий и завтрак на двоих, — строго велел Шешковский.

Орка кивнула и также беззвучно исчезла.

— А вот у нас такой школы не сложилось, — продолжил мой

собеседник. — Таких, как я, начинают учить уже подростками. Сурово, местами жестоко, но даже близко не так, как в Пруссии. И знаете, я думаю, это к лучшему.

У меня возникло стойкое ощущение, что Шешковский не просто так начал этот разговор и вроде как разоткровенничался о магодавах. Пожалуй, стоит прислушаться внимательней и быть начеку.

— Почему, Степан Иванович?

— Когда в руках правителя такое орудие, как фон Катте, появляется искушение решить все проблемы силой. Зачем договариваться, если можно надавить?

Дверь снова отворилась, и вплыла Марфа с подносом в руках. По комнате разлился запах свежесваренного кофья и блинов. Орка молча расставила на столе между мной и Шешковским тарелки с едой. Налила кофий в две чашечки и подала нам. Шешковский взял, кивнул и жестом отослал Марфу.

— В результате, Константин Платонович, — он отхлебнул из чашечки и взял с тарелки блин, — недовольных становится всё больше. Нет, наказывать необходимо, не спорю, но делать это нужно с умом. А если за каждую мелкую провинность присылать магодавов, да ещё и пруссаков, то рано или поздно ситуация может стать взрывоопасной.

— Всё настолько плохо?

— Ещё не настолько, чтобы я подал прошение об отставке, — он невесело улыбнулся, — но всё к этому и идёт, Константин Платонович. Тайная канцелярия распущена, а среди дворян зреет недовольство. Если не дать выпустить пар — нас будут ждать очень неприятные последствия.

Мы встретились взглядами и долго смотрели друг на друга. Это был намёк или он просто жаловался на происходящее? Нет, Шешковский не такой человек, чтобы болтать попусту. Я несколько секунд сомневался, а затем решил рискнуть.

— Полагаете, я мог бы помочь «разрядить обстановку»?

Шешковский беззвучно усмехнулся.

— Да, вы могли бы сдвинуть ситуацию в нужное русло. Ваше участие в грядущих событиях видится крайне желательным.

— Видится вам лично? Или вашим коллегам?

— Всем нам, Константин Платонович, всем нам. У нас сложилось мнение, что некоторые изменения там, — он

показал взглядом на потолок, — пошли бы на пользу стране.

— Вот как...

Слово было сказано. Судари из распущенной Тайной канцелярии решили поддержать готовящийся переворот, но не хотят демонстрировать своё участие. Вот Шешковский и приехал вербовать меня стать их эмиссаром. Полагаю, я буду не один такой «красивый», и с нашей помощью они надеются контролировать процесс.

Оставалась только пара вопросов. Где гарантия, что эти судари не собираются подставить заговорщиков под гнев императора? И второй — а что мне с этого будет? Таскать бесплатно для них каштаны из огня совершенно не хотелось.

— Степан Иванович, давайте не будем ходить кругами, и вы скажете всё прямо. Чтобы не возникло ситуации, что я неправильно вас понял. Полагаю, есть определённые нюансы, без которых результат вас совершенно не устроит.

Шешковский поджал губы и с осуждением посмотрел на меня.

— Вы прямолинейны до неприличия, Константин Платонович.

— Увы, Степан Иванович, — я развёл руками, — ведь я артиллерист, а эта служба располагает к простым решениям. Бью куда вижу, без хитрости и уловок.

— Хорошо, скажу прямо.

Поставив чашку на стол, Шешковский сложил руки на животе.

— Мы хотим, чтобы вы примкнули к партии императрицы Екатерины Алексеевны и поспособствовали смене власти в России.

— Полагаю, вы желаете каких-то конкретных целей. Там ведь и без меня есть кому устроить переворот.

— Верно, — Шешковский вздохнул. — Вы должны удержать их в рамках, чтобы не пролилось лишней крови. Желательно вовсе обойтись без стрельбы и убийств. Сделайте всё тихо и аккуратно, без военных действий.

Я пробарабанил пальцами по столу, раздумывая над его словами.

— Что ещё?

— На трон должна взойти Екатерина, а не кто-то другой.

— А как же Павел? Ведь наследник именно он.

Шешковский поморщился.

— Павел ещё ребёнок. Его коронация будет означать долгое регентство, борьбу за власть и грызню дворянских родов за влияние. Поверьте, это уже было при Петре Втором — Меншиков, Долгоруковы и Трубецкие рвали друг друга и страну. Боярское царство, вот что там было. Меньше всего хотелось бы повторения тех времён.

— А Екатерина на престоле вас устраивает? Не боитесь, что ею будут управлять фавориты?

— Ну, Константин Платонович, — протянул Шешковский, — фавориты ведь не появляются из пустоты по собственному желанию. Мы постараемся окружить императрицу умными людьми, которые не только под себя гребут, но и думают о державе. Тем более и сама Екатерина Алексеевна вовсе не глупа и не взбалмошна.

— Может быть, — я скрыл улыбку, сделав глоток кофий, — не буду спорить.

— Так вы согласны?

— У меня остался один вопрос, Степан Иванович. А какой интерес для меня в этом деле?

Часто заморгав, Шешковский уставился на меня будто на упавшего с неба единорога.

— Интерес? А вы шутник, Константин Платонович. Думаете, Екатерина Алексеевна не осыпет вас милостями после восхождения к трону?

— Ни в чём нельзя быть уверенным, Степан Иванович. Кроме того, она наградит меня за услуги, оказанные именно ей. А как отблагодарите меня вы с вашими коллегами? Ведь вы тоже ставите передо мной задачи.

Некоторое время Шешковский жевал губами, собираясь с мыслями.

— Девиеры, — наконец сказал он, — их головы. Никто не будет дознаваться, что случилось с фаворитами прошлого императора.

— Этого мало, Степан Иванович. В текущем положении я могу и без переворота их взять так, что никто и не узнает. Уж поверьте, у меня есть средства.

— Константин Платонович, скажите прямо, не будем играть в угадайку.

— Кроме Девиеров я хочу получить следующее. Во-первых,

вы поспособствуете моему проекту «эфирной дороги». Вопрос с землёй, проведение документов через инстанции и всё такое прочее.

— Вы про ту игрушку, что летает у вас в усадьбе? — Шешковский усмехнулся. — Хорошо, будет вам всемерное содействие.

— Во-вторых, вы защитите моих близких и поместье, пока я работаю на вас в Петербурге.

— Законное требование. Думаю, нам несложно будет это организовать.

— В-третьих, после того, что должно случиться, у меня образуется множество новых врагов. Вы же хотите без крови? Значит, тем, кому я отдаю любимые мозоли, мне придётся сохранить жизнь. Сами понимаете, я не настолько силен, чтобы противостоять всем сразу.

— Не приbedняйтесь, Константин Платонович. Напомнить, чем вражда с вами закончилась для князя Голицына?

— Неважно. Дайте мне иммунитет от преследования на двадцать лет.

— Что, простите?

— Никаких ссылок, конфискации и внезапных арестов на двадцать лет.

— Может, вам ещё корону Елизаветы Петровны отдать?

— Это лишнее, Степан Иванович, она не в моём вкусе. И в-четвёртых... Не бойтесь, это последний пункт.

— Выкладывайте.

— Если на престол взойдёт Екатерина, наследник Павел Петрович будет каждое лето проводить в моём имении и обучаться деланной магии.

Шешковский посмотрел на меня как на сумасшедшего.

— Константин Платонович, вы в своём уме? Требовать подобное от меня? Вы не подумали, что это не в моей власти? Весь двор будет против подобного поворота! Да и Екатерина Алексеевна наверняка запретит...

— Степан Иванович, это и в ваших интересах.

— Да что вы говорите!

— Я ведь не буду возражать, если с вашей стороны тоже будет пара наставников. Подумайте сами — это отличный шанс показать наследнику жизнь за пределами дворца и выправить перекосы воспитания.

— Всё равно, ваши требования чрезмерны. А последнее так и вовсе возмутительно. Я готов пообещать вам...

* * *

Мы спорили с ним почти час, прежде чем пришли к соглашению. Пришлось пригрозить, что я вообще откажусь от их затеи и уеду за границу, подальше от переворотов и всяческих интриг. В конце концов Шешковский согласился пойти навстречу, правда, и мне пришлось чуть-чуть поступиться. Иммуниет был обещан всего на десять лет, но такой, чтобы меня никто, кроме императрицы, не мог тронуть. А вот с воспитанием Павла сошлись на двух месяцах в году с участием самого Шешковского и одного наставника со стороны Екатерины Алексеевны. Договор скрепили клятвой на Талантах, гарантирующей её соблюдение.

— Я пришлю к вам человека, — пообещал перед уходом Шешковский, — он будет оказывать поддержку в Петербурге и передавать сообщения от меня. Можете ему полностью доверять. А сейчас рекомендую найти вашего знакомого Орлова — по моим сведениям, он ближайший друг Екатерины Алексеевны.

Едва за Шешковским закрылась дверь, я упал в кресло и рассмеялся. Пожалуй, этот раунд могу записать на свой счёт. В клятве я оставил несколько лазеек, дающих мне возможность выйти из игры. Я мог бросить всё и уехать в любой момент.

Но главное: цели Шешковского и его товарищей полностью совпадали с моими на данном этапе. Убрать Петра, имеющего на меня зуб. Посадить на трон Екатерину, или Павла на крайний случай. Первая будет мне обязана, а второй ещё слишком мал, чтобы на что-то влиять. За всей этой смутой потеряются все следы, ведущие к Тане, и я окончательно выведу её из-под угрозы.

Пункт насчёт Павла я вставил в договор как страховку. Или я смогу влиять на наследника и обеспечу себе некоторое положение в будущем, или разменяю его на что-то другое, если дела пойдут плохо.

Что же до переворота, то я был настроен крайне серьёзно. Если бы Пётр меня не трогал, я бы на пушечный выстрел не подошёл ко всей этой истории. А теперь уж извините! Задев

некроманта — не надейся, что обойдётся без покойников.

Глава 5

Дворецкий

После завтрака я вызвал Марфу и спросил, есть ли у неё средства для изменения внешности. Орка почесала в затылке и молча вышла. Вернулась через четверть часа с небольшим сундучком. Серые разводы свидетельствовали, что с него только что стёрли толстый слой пыли. Ключа от сундучка не было, но хватило и ножа, чтобы открыть немудрёный механизм.

Под крышкой меня ждали многочисленные коробочки, где прятались накладные усы разных фасонов, бороды, бакенбарды и парики. Кроме них имелись баночки со свинцовыми белилами, пудрой, сажей и засохшей зелёной краской. Так-так, похоже мне достался набор какого-то актёра или небольшой театральной труппы, судя по тому, что в сундучке нашлись и женские парики.

Изменить внешность — не такое уж и сложное дело, когда всё нужное есть под рукой. Я наклеил пышные усы, добавив к ним бородку клинышком. Орудуя острой щепочкой, нарисовал сажей на лбу тоненькие морщины и прошёлся сверху пудрой. Да, это вам не мочалка, купленная Васькой в Казани! На меня из зеркала смотрел небогатый провинциальный дворянин средних лет, совершенно непохожий на отставного полковника Урусова. В таком виде можно было спокойно идти на прогулку, не боясь, что меня кто-то опознает.

— Погодите, Константин Платонович!

Марфа остановила меня уже у самых дверей. Метнулась из прихожей в одну из комнат и чуть ли не бегом принесла трость.

— Возьмите, ваше высокоблагородие.

Трость оказалась неожиданно тяжёлой, с массивным изогнутым набалдашником в виде цапли. Я взвесил её на руке, прикидывая, что внутри, должно быть, спрятан потайной клинок.

— Вы рукояточку поверните, Константин Платонович, — орка подобострастно оскалилась, — там сюрпризец, на всякий случай.

Прокрутив набалдашник, я разделил трость на две половины. «Сюрприз» оказался не лезвием, а стволом «громобоя». Коротким, но достаточно толстым. Из рукоятки с

щелчком появился спусковой крючок и удобно лёг под палец.

— Спасибо, Марфа, не откажусь.

— Пожалуйста, Константин Платонович, всегда рада услужить.

Собрав трость в единое целое, я вышел на улицу и отправился гулять по Петербургу. Пусть в арсенале у меня есть Скудельница, но бывают случаи, когда стальной ствол, направленный в лицо, оказывает просто волшебное действие.

* * *

Впрочем, я не только изображал из себя провинциального барина, приехавшего посмотреть столицу. У меня имелась вполне конкретная цель, ради которой и затевалась «прогулка».

Глазея по сторонам, я дошёл до Фонтанки и перешёл по мосту на другую сторону. На всякий случай проверил «хвост», но слежку не обнаружил. Немного поплутал по улицам и вышел на Гороховский проспект, где легко отыскал вывеску «Трактир купца Пятницкого».

Публика в этом заведении собиралась далеко не нищая. Всё больше купцы средней руки, но можно было заметить и чиновников, и студентов, и каких-то преподавателей. Даже дворяне из небогатых не брезговали здесь столоваться, так что я совершенно не выделялся на общем фоне. Кормили сытно, обильно, но без иностранных изысков — каши, пироги, уха, суточные щи с щековиной, кулебяки, жареные куры, утки, поросята и всякие разномастные закуски. Так что я успел плотно пообедать, прежде чем в зале появился нужный мне человек.

— Еле узнал вас, Константин Платонович, — шепнул Васька, подсаживаясь за мой стол, — прямо на себя непохожи.

Камердинер, выполняя моё поручение, приоделся, превратившись в зажиточного купца, и рассказал, что поселился где-то поблизости, сняв пару комнат в доходном доме.

— Чисто как барин живу, — похвастался он, — на перине сплю, кофий мне утром подали. А горничная там одна так и стреляет глазами. Вашим степенством называет, сама чуть не облизывается, чертовка.

— Не увлекайся только, — я улыбнулся, — тебе сейчас

только жениться не хватает.

— Да ни за что, Константин Платонович! Мне рано ещё, да и горничная эта в невесты никак не годится. Мне нормальную надо, тихую да скромную, а не вертихвостку.

— Вот и чудно. А теперь слушай, что надо сделать.

Васька всем своим видом превратился в одно сплошное ухо.

— Узнай, где казармы гвардейских полков. Походи там, присмотришься, поспрашивай, в какие кабаки ходят рядовые гвардейцы.

— Так разве ж простого солдата отпускают пьянствовать, Константин Платонович?

— Ты простых с гвардейцами не сравнивай.

Пока я служил в армии, то наслушался от офицеров о гвардейских нравах. Нет, воевать они умели, дело своё знали, но, после того как они Елизавету Петровну на трон возвели, им многие вольности дали. Начальству главное, чтобы на утреннем разводе все солдаты были на месте, а что ночью старшие из них выбираются в город «самоходом», ему и дела нет. Если же при этом побили «конкурентов» из другого полка, то солдаты даже гордятся и ставки делают. В общем, в гвардии царят странные, на мой вкус, порядки.

— В общем, как присмотришься к гвардейцам, заведи с ними знакомство. Выпивку им поставь, закуску и всё такое.

— Выпросить у них чего надо, Константин Платонович?

— Даже не пытайся про службу спрашивать. Твоё дело свести с ними дружбу, мол, сам из солдат, в купцы выбился, а помню, какая служба тяжкая.

— Эт я могу!

— Отправь им в казармы угощение, вроде как гостинцы.

— Всё сделаю, не извольте беспокоиться. Я солдатскую жизнь знаю, найду, как угодить.

— Вопросов не задавай, но если про командиров будут говорить, запомни на всякий случай. А здравицы поднимай за императрицу Екатерину Алексеевну.

— И за императора?

Я отрицательно покачал головой.

— Наоборот. Если за него пить будут, то не возражай, но и восторгов не выказывай. Обмолвись, что здоровье потерял на войне под Кёнигсбергом, а теперь тебе обидно, что город, взятый нашей кровью, император хочет пруссакам вернуть.

— Ах вот оно как, — Васька закивал. — Понял, Константин Платонович. Как нужно скажу и моргать буду в нужном месте. За императрицу, стало быть, пить будем?

Он довольно ухмыльнулся.

— За неё, Василий. Деньги, что у тебя есть, не экономь, пускай в дело. Но чтобы подход к гвардейцам во всех полках нашёл.

Напоследок мы договорились, как будем держать связь и обмениваться посланиями. Адрес конспиративной квартиры я ему говорить не стал, для большей безопасности. А для срочных случаев выдал табакерку с наложенными Знаками, вроде телеграфных. Стоило ему начать щёлкать крышкой, как у меня запищит такая же коробочка. Телеграфной азбуки он, конечно, не знает, но подать сигнал о проблемах сможет.

Я оставил Ваську в трактире доедать обед, а сам выбрался на улицу и, сделав большой крюк, вернулся на конспиративную квартиру.

* * *

Едва я скинул камзол, в дверь постучалась Марфа.

— Константин Платонович, к вам человек пришёл от Степана Ивановича. Прикажете впустить или вы отдохнуть изволите?

— Зови, сейчас приму.

Я снова надел камзол, не собираясь панибратствовать с сударем из Тайной канцелярии. Коли мне его выдали в помощь, надо сразу показывать, кто здесь хозяин.

Человек Шешковского оказался высоким худым мужчиной лет пятидесяти. С первого же взгляда он показался знакомым. Я точно где-то видел его вытянутое, слегка надменное лицо. Но вот где? Память отказывалась помогать и вертела хитро скрученный кукиш.

— Добрый день, Константин Платонович.

Он поклонился с таким видом, будто служил королевским дворецким. Точно! Он! Дворецкий Василия Фёдоровича! Сударь с потерянным именем, уехавший, едва дядя умер. Как там его, дай бог памяти?

— Добрый день, Франц Карлович. Не думал, что встречу вас при таких обстоятельствах.

— Вы меня помните? Рад, очень рад видеть вас в здравии, Константин Платонович.

— А вы, я смотрю, вернулись к основному месту службы. Что же, похвальное рвение.

Франц Карлович покачал головой и взглянул на меня с укором.

— Константин Платонович, мне кажется, вы неправильно истолковали моё занятие. Я вовсе не следил за Василием Фёдоровичем и согладатаем не был.

— А что же вы делали, Франц Карлович?

— До ссылки Василия Фёдоровича я долгие годы служил под его началом. А после работал при вашем дяде «нянькой», — он печально улыбнулся, — можно сказать, был при нём государственным опричником. У Василия Фёдоровича за время службы в Тайной канцелярии образовалось множество врагов. Кое-кто из них даже навестил Злобино.

— Что с ними стало?

— Одним достаточно было показать мои документы. Другие... — по его лицу скользнуло довольное выражение. — Другие посетили с визитом Злобинское кладбище.

— Предположим. Почему же вы уехали так внезапно?

— Простите, Константин Платонович, — он развёл руками, — но такие у меня были инструкции. Поверьте, я бы с удовольствием остался в Злобино, где прожил долгие годы. Честно говоря, я скучаю по Настасье Филипповне и старом пне Лаврентии. Но служба, служба...

Я кивнул, удовлетворившись его объяснениями. Понятно, что он писал отчёт в Тайную канцелярию, а не просто был «нянькой». Но по-другому и не могло быть — спецслужба не оставляет бывших высокопоставленных сотрудников без надзора.

— Что же, в любом случае теперь вам предстоит работать уже со мной.

Франц Карлович поклонился.

— Буду рад оказаться вам полезен, Константин Платонович.

— Какие задачи поставил вам Степан Иванович?

— Исполнять ваши поручения, обеспечить финансами. В случае необходимости защитить от всяческих неожиданностей.

Я удивлённо поднял бровь.

— Как я уже говорил, я вполне успешно обеспечивал

безопасность Василия Фёдоровича.

— Каким оружием?

— Мне не требуется оружие, — Франц Карлович чопорно задрал подбородок, — у меня специфический Талант, если угодно.

На мой немой вопрос он отрицательно дёрнул головой.

— Простите, Константин Платонович, я не могу об этом говорить. Если случится, вы увидите его в деле. А нет — так нет.

— Хорошо, оставим. У меня есть для вас первое поручение.

Всё было понятно с этим «дворецким по особым поручениям». Он будет не только помогать, но и приглядывать, чтобы я не вышел за рамки. Ишь ты, Талант у него секретный! Нет уж, ничего важного я ему не поручу, не заслуживает он доверия. И внимательно прослежу: если он станет угрозой, никакой Талант против Скудельницы ему не поможет.

— Найдите капитана Григория Орлова. Мне необходимо встретиться с ним без лишних свидетелей как можно быстрее.

— Уточните: следует договориться с ним о подобной встрече или найти возможность вам подойти к нему в удачный момент?

— Хм, лучше второе.

— Что-нибудь ещё?

— Мне нужен small wand. Сердцевина — платина или золото, корпус из дерева. Без нанесённых надписей и рисунков.

Вот тут я его озадачил. Франц Карлович нахмурился и поджал губы.

— Не уверен, что достаточно осведомлён в подобных устройствах. Потребуется время, чтобы найти его.

— Постарайтесь уложиться за неделю.

Ничего, пусть побегает и поищет. Заодно станет меньше совать нос в мои дела.

— Это всё? Тогда я вас покину, Константин Платонович. Думаю, завтра вечером я доложу вам об Орлове.

— Очень хорошо. Всего доброго, Франц Карлович.

* * *

Остаток дня и вечер я провёл, сидя на диване с книгой в руках. Делал вид, что читаю, а сам напряжённо работал с Анубисом.

Талант практически восстановился после столкновения с магодавом, и я взялся настраивать защитные контуры. Во-первых, накачал эфиром Знаки-татуировки на груди и ладонях и поставил их на непрерывную подпитку. Во-вторых, включил вокруг себя первый уровень предупреждения об опасности.

К моему радостному удивлению, встреча с фон Катте оказалась даже полезной. Мой резерв силы скачком увеличился чуть ли не в два раза! Конечно, было ещё далеко до того же Лукиана, но и этого хватит для хорошей драки на полной мощности.

Уже перед тем, как лечь спать, я потянулся через эфир и попробовал связаться с Кижом. Увы, он был ещё слишком далеко, и я «услышал» только слабый отклик. Но даже так чувствовалось, что он движется в мою сторону. Вот и отлично! У меня и для Кижы есть роль в будущем спектакле, именно такая, как он любит.

Глава 6

Сеятель ветра

Франц Карлович, как и обещал, явился на следующий день вечером.

— Ваш сударь Орлов крайне непоседливый молодой человек. Днём в Канцелярии главной артиллерии служит, а вечерами то в карты играет, то с офицерами-гвардейцами выпивает, то пропадает непонятно куда и возвращается лишь под утро.

— Вы что, за ним давно следили?

— Зачем? — Франц Карлович пожал плечами. — Поговорил со слугами в доме, где он живёт, с лакеями в присутственном месте, с половыми в кабаках, где он кутит. Любой человек, Константин Платонович, оставляет массу следов, по которым его можно прочесть как книгу.

В его взгляде мелькнула добродушная усмешка. Мол, и тебя, мил человек, если потребуется, разберём на косточки и осмотрим со всех сторон.

— Возможно, завтра представится удачный случай, — продолжил он, — чтобы вы встретились. По средам он почти всегда бывает дома: гвардейцы обычно заняты, а...

— К чёрту подробности. Как мне его найти?

— Я пришлю за вами экипаж, если всё сложится.

— Очень хорошо. Что со small wand'ом?

Франц Карлович поморщился.

— Ну и задачку вы мне задали, Константин Платонович. Ей-богу, легче императорскую корону достать, чем вашу волшебную палку. Их привозят из Европы под заказ, а Академия наук их даже не пытается делать. Там считают, что наши мастера «слишком грубые, чтобы доверить им столь тонкий прибор».

Про бардак в Академии я был наслышан. Большая часть академиков — иностранцы, смотрящие на всех свысока. Редкие русские дарования, вроде Ломоносова, увы, погоды там не делают.

— Вы точно не обойдётесь без этой палки?

— Не обойдусь, Франц Карлович.

Тяжело вздохнув, он уточнил:

— А серебро для неё не подойдёт? Вроде бы, такую проще найти.

— Нет, или золото, или платина. Кстати, если не найдёте готовую, я могу её сам сделать.

— Что же вы сразу не сказали, Константин Платонович!

— Но есть нюансы с материалами, — остудил я его. — Нужны старые золотые монеты, чем старше, тем лучше. Только не лежавшие в закромах, а стёртые, ходившие по рукам.

— Это легко устроить.

— Сложнее с деревом. Требуется палисандр, а лучше эбеновое дерево или олива.

— Не вижу проблем.

— Но не простое, Франц Карлович. Дерево должно пережить удар молнии или какое-то сильное заклятье, чтобы оно пропиталось горячим эфиром, а после вылежалось несколько лет. Причём подойдёт не абы какой кусок, а ровный, длиной не меньше десяти дюймов, без сучков и трещин.

Дворецкий посмотрел на меня с осуждением, будто я специально над ним издевался и требовал достать личный дневник императора. Впрочем, может, дневник ему и легче было бы принести.

— Ну извините, я сразу предложил вам самый лёгкий вариант — найти готовый small wand.

— Я уже понял, Константин Платонович, — он гордо вздёрнул подбородок. — Но мне приходилось решать и более мудрёные задачи, так что и с вашей справлюсь. А теперь разрешите откланяться. Экипаж я за вами пришлю, как только Орлов будет один.

* * *

Пришлось ждать два дня, прежде чем поздним вечером за мной приехали старые скрипучие дрожки. Правил ими мужичок-орк, такой же старый и разваливающийся, как и его экипаж. Кобыла была под стать обоим и только чудом не померла, пока мы ехали до места. Порой она так плелась, что я ждал просьбы от старичка выйти и подтолкнуть дрожки.

Высадил он меня на пустой улочке где-то на Васильевском острове. Стоило ему отъехать, как из подворотни появилась высокая фигура бывшего дворецкого.

— Добрый вечер, Константин Платонович.

— Скажите, Франц Карлович, а ваш кучер видел основание города Петром?

— Не могу сказать, — хмыкнул он. — Главное его достоинство, что он ничего не помнит. За это и держим. Идёмте, вам надо застать Орлова дома, пока он куда-нибудь не уехал.

Жил Орлов в не слишком шикарном доходном доме, немного обшарпанном и требующим ремонта. Лакея или сторожа на входе не оказалось, и мы легко вошли внутрь.

— Поднимайтесь на третий этаж, — шепнул Франц Карлович, — третья дверь слева. Через час возвращайтесь, я прослежу, чтобы вас никто не увидел.

Я оставил его внизу, а сам пошёл искать указанную дверь.

Открыли мне не сразу. Пришлось несколько раз громко постучать, прежде чем изнутри послышался шум, лязгнул засов и передо мной появился заспанный Орлов.

— Сказал же, — буркнул он, протирая глаза, — что завтра.

— Точно?

— А...

Он уставился на меня сверху вниз. Несколько раз моргнул и завопил:

— Костя!

Схватил меня в охапку и сжал в объятья так, что мои ноги оторвались от пола. Вот же здоровый, чёртыка!

— Да неужто ты, а? Откуда? Как здесь очутился?

— Пусти, медведь, задушишь, — просипел я и добавил, когда он вернул меня на землю: — И дверь закрой, а то весь дом знать будет.

— Да, заходи, конечно. Костя, ты не представляешь, как я рад тебя видеть!

* * *

Я не стал скрывать от Орлова положение дел и рассказал о магодаве, его смерти и побеге из-под ареста.

— О-хо-хо! — Момент удушения кандалами вызвал у него неподдельный восторг. — Вот так прям цепью? Силён, брат! Силён! Я на медведя в одиночку ходил, но магодава бы не решился, ей-богу!

Но упор в рассказе я сделал не на месть фон Катте, а на неприязнь императора. И недвусмысленно выразился, что испытываю злость на Петра. Таковую, что аж обедать не сажусь, если не помяну его дурным словом.

— Вот такие мои дела, Гриша. Кто я теперь? Беглый каторжник? Государственный преступник? Только и остаётся, что бежать за границу.

— погоди, не пори горячку. Оставайся у меня — здесь тебя точно искать не будут.

— Спасибо за предложение, но у меня уже есть безопасная берлога. Да и не хочу я впутывать тебя в эту историю.

Орлов вскочил и начал порывисто ходить от стены к стене.

— Это всё неправильно: твой арест, прусский магодав. Пётр не должен был так поступать, это против всех традиций...

— И что? Мне явиться во дворец и так ему сказать?

— Нет, конечно. Ты правильно сделал, что пришёл ко мне. Мы тебе поможем!

— Мы?

— Ну, — Орлов смутился, — в смысле Екатерина Алексеевна, императрица. Я попрошу её замолвить за тебя слово и отменить этот глупый арест. Она войдёт в положение и посодействует.

Я понял, что настал подходящий момент подсекать и идти на повышение ставок.

— При нынешнем императоре она ничего не сможет сделать. Пётр не тот человек, чтобы вспылать ко мне симпатией. Он меня ненавидит и сделает всё, чтобы уничтожить убийцу его любимого кумира Фридриха.

— Нет, погоди...

— Да ладно, я же слышал, что происходит. Он собирается вступить с Пруссией в союз и объявить войну Дании. Так? Ну вот, сам понимаешь, моим арестом он в первую очередь потрафит пруссакам. Нет, пока он на троне, никакой отмены ареста мне не видать. И Екатерина Алексеевна помочь не сможет, только навлечёт на себя его гнев. А ведь Пётр и так не в ладах со своей супругой. Я прав?

— Прав, — Орлов соорудил гримасу отвращения и сел обратно. — Последнее время император живёт со своей фавориткой. Даже проговаривался, что хочет жениться на ней, а Екатерину Алексеевну отправить в монастырь. А неделю

назад скандал случился на торжественном обеде. Екатерина отказалась пить за союз с Пруссией, так он накричал на неё при иностранных послаx, а вечером хотел её арестовать. С трудом, как я слышал, отговорили.

— Вот видишь, куда ей мне помогать, сама в шатком положении. Жаль её — красивая женщина, — в этот момент Орлов покосился на меня, — умная к тому же. Ей бы самой править, без Петра, больше толку было бы. Я бы поддержал такую рокировку.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно. Пётр слишком любит Пруссию, чтобы быть хорошим императором. А меня он ненавидит, и, пока сидит на троне, моя жизнь будет в опасности.

— А как же наследник?

Ага, Орлов начал прощупывать меня! Очень хорошо, рыбка проглотила наживку.

— Павел слишком мал, чтобы править. Стране нужен самодержец, а не кучка регентов.

Развивать тему я не стал, аккуратно свернув разговор на другую тему. Но интерес в глазах Орлова был явно замечен. Вот и отлично, пусть он обсудит моё появление и слова с Екатериной и другими заговорщиками. Уверен, в следующую нашу встречу он попытается завербовать меня в их ряды.

Я не стал долго засиживаться. Орлов предложил прийти к нему через день, в то же время. Но я ничего не обещал. Сказал, что пришлю записку, прежде чем соберусь уезжать из столицы, попрощался и исчез в ночи.

* * *

Встречаться с Орловым повторно и кидаться в объятия заговорщиков я не спешил. Одно дело, если я к ним «напрашиваюсь» и должен буду согласиться на их условия. И другое, когда они уговаривают меня — в этом случае требования буду ставить уже я. Будущее равновесие сил закладывается именно сейчас, когда ещё ничего не произошло. Потом, после успеха, менять расклады будет поздно. Так что пусть ждут и волнуются, чтобы я не уехал за границу.

В ожидании, пока «клиент созреет», я встретился с Васькой. Дела его шли превосходно: он успел завести знакомства во всех

гвардейских полках столицы. В нём видели своего собрата-солдата, пусть и из обычного полка. Так что Васька легко выяснил — гвардейцы недовольны Петром. О Екатерине говорили с симпатией, но не больше.

— Напомни им про Елизавету Петровну, как она взяла власть с помощью семёновцев. Триста гренадеров, что присягнули первыми и пошли за ней, получили дворянство и имения.

— Так и было, Константин Платонович?! Или враньё всё?

— Истинная правда. Намекни, что самые большие награды получают те, кто быстрее других поддержит Екатерину. Ну и напомни, что гораздо лучше нести службу в столице, чем воевать в Дании под началом Петра.

Взятые у Франца Карловича пятьсот рублей я отдал Ваське и велел на эти деньги отправить гвардейцам угощение от имени Екатерины. Пока она додумается до такого хода, может пройти слишком много времени. А я не собираюсь сидеть в подполье ещё полгода. Так что события надо форсировать, а не ждать случая.

Франца Карловича, чтобы ему жизнь мёдом не казалась, я нагрузил задачей найти ещё несколько человек, включая младшего Девиера. В том числе я хотел увидаться с Ягужинской. Неплохо бы напомнить ей о нашем союзе, а заодно посмотреть, не может ли она быть чем-то полезна.

Остальное свободное время я занимался Талантом и Знаками. Вспомнив давние опыты, начал тренировать мгновенное создание деланных символов с помощью Алубиса и needle wand'a. После нескольких дней тренировок Талант запомнил базовые символы и научился за доли секунды их воспроизводить. Не было необходимости их представлять, достаточно просто назвать. Сложные связки Знаков не получались, а вот простые комбинации выходили на отлично. Как только я получу в руки small wand, то вопрос работы с высокими энергиями станет делом тренировок и величины резерва.

Меня ещё не оставляла надежда, что получится подружить Алубиса с Нервным принцем. Если своенравный middle wand пойдёт на сопряжение, то может выйти очень весёлая связка. То-то будет сюрприз для голштинцев!

На пятый день, уже поздно вечером, явился Франц Карлович

и высыпал мне в ладони горсть золотых монет.

— Такие вам подойдут, Константин Платонович?

— Да, без сомнения. — Монеты оказались старыми византийскими безантами, с профилем базилевса и надписью на греческом. — Где вы раздобыли такую редкость?

— Поверьте, вам лучше не знать, — Франц Карлович поморщился. — А сейчас, Константин Платонович, не изволите ли собраться и поехать со мной?

На мой немой вопрос он пояснил:

— Я нашёл нужное вам дерево, — и ехидно добавил: — Но отмерять и орудовать пилой вы будете сами. К несчастью, я не владею навыками плотника.

Глава 7

Вторый

За «нужным деревом» пришлось плыть. Небольшое судёнышко с одной мачтой доставило нас к острову Котлин. Но не стало заходить в порт Кронштадта, а обогнуло остров с юга.

— Посмотрите вон туда, Константин Платонович.

Франц Карлович указал в сторону берега. В рассветных сумерках мне почудился кит, выбросившийся на камни. А через минуту я разглядел — нет, не кит, а огромный корабль. Старый, с дырой в борту и огрызками мачт.

— «Пётр Первый и Второй», — торжественно, с ноткой грусти, произнёс Франц Карлович, — стопушечный корабль первого ранга. Император Пётр сам нарисовал чертежи и до самой смерти руководил постройкой.

— Что с ним стало?

— Он воевал с французской эскадрой возле Данцига в тридцать четвёртом. Получил несколько ударов магией и вернулся в Кронштадт на ремонт. Не успели починить, как в него ударила молния, — он многозначительно посмотрел на меня. — Возник пожар, и корабль больше не выходил в море. Его хотели сохранить как память о Петре, но несколько лет назад всё-таки решили разобрать из-за ветхости. Но то ли потеряли приказ, то ли деньги на это разворовали, в результате корабль отвели сюда, чтобы он не мешался в порту. Так и гниёт здесь памятник былому величию.

Мы молча смотрели на приближающийся остов деревянного линкора. Грустью веяло от умирающего исполина морей, лежащего на камнях, чуть накренившись набок.

— Нам придётся забраться на палубу, Константин Платонович. Вы готовы к такому приключению?

— С удовольствием, Франц Карлович. Никогда не был на борту подобного корабля.

Всё оказалось проще, чем можно было предположить. Мы подошли к борту гиганта на шлюпке, матрос с помощью крюков ловко забрался на борт и скинул верёвочную лестницу.

Я поднялся первый и с разочарованием оглядел палубу. Доски некогда славного корабля прогнили, и местами зияли дыры. Обрубки мачт смотрели в утреннее небо культями

калеки, а истлевшие канаты колыхались на ветру, как обрывки савана. Жаль, что на корабли магия некромантов не действует и я не в силах воскресить гордый парусник.

— Осторожней, Константин Платонович, ступайте за мной след в след.

Не дожидаясь меня, Франц Карлович двинулся к надстройке на корме корабля. Шёл он хитроумным зигзагом, то замирая, то перетекая, будто осторожный зверь. Я не заметил, чтобы он пробовал ногой доски перед собой на прочность, но ни разу гнилое дерево не проломилось и даже не хрустнуло.

Я осторожно следовал за ним по наклонной палубе. Только раз чуть оступился, и тут же доска треснула, проваливаясь под сапогом. К счастью, мне удалось отдёргнуть ногу и удержать равновесие.

Дверь в надстройку висела на одной петле, и Францу Карловичу пришлось приложить усилие, чтобы её открыть.

— Сюда, — махнул он рукой, — здесь темно, так что не отставайте.

Бродить во внутренностях корабля без света не хотелось, и я зажёл на пальцах магическое пламя, холодное и голубоватое. Бывший дворецкий покосился на меня с неодобрением, но ничего не сказал.

— Здесь, — указал он на дверь, — была кают-компания. А там — лестница в трюм.

— Что мы ищем?

— Каюту, предназначенную для Петра. Её отделали по проекту в соответствии с его вкусами, но он так и не смог побывать в ней. Ага, вот и она.

Дверь открылась с визгливым скрипом. Ого, ничего себе размерчик! Стены огромной императорской каюты терялись в полумраке. С потолка капали редкие капли влаги, а пол скрипел при каждом шаге. Обстановка давно превратилась в груды деревянной рухляди — вон там был шкаф, а тут, видимо, диван.

— Вот он, Константин Платонович.

Франц Карлович тронул меня за рукав и указал куда-то вглубь. Там, на краю тёмного провала стоял монументальный стол. Поверхность, чёрная как смоль, была расколота широкой трещиной.

— Молния во время грозы ударила в надстройку, прошла

через каюту и вызвала пожар в трюме. По свидетельствам, она и расколола стол.

— Откуда вы это всё узнали?

— Умею задавать вопросы нужным людям, — усмехнулся он. — Столешница сделана из эбенового дерева, как вы и хотели.

Я подошёл ближе и прикоснулся к чёрному дереву. Точно, оно и есть! Настоящее!

— Пока вы будете пилить, — съязвил Франц Карлович, — я осмотрюсь вокруг. Может, найду что-то интересное.

* * *

Когда есть Талант и немного воображения, никакой пилы не требуется. Анубису так понравилась моя идея, что он полез наружу и сам принялся творить необычное заклятье. Собрал из сырого воздуха и влажных досок воду, превратил в тонкий диск и закрутил до невероятной скорости. «Циркулярная водяная пила» с тоненьким визгом вырезала десяток брусков нужных размеров всего за пять минут. Ну а что? Если уж нашёлся подходящий материал, то грех будет не взять его про запас. Может, Тане новый small wand сделаем или лучшим из моих «деланных инженеров». Жаль, остальная столешница покрылась трещинами и не годилась для заготовок.

Анубис с сожалением развевал диск «пилы» — резать подобным способом ему жутко понравилось, и он с удовольствием попилит бы заодно и стены каюты. Ну-с, где мой провожатый?

— Вы уже закончили? — Франц Карлович появился из темноты будто призрак. — Тогда не будем задерживаться, корабль разрушается буквально на глазах.

Обратный путь мы снова проделали гуськом до самого борта корабля, спустились в шлюпку и отплыли обратно, к нашему крохотному судёнышку.

Я смотрел на удаляющийся корабль и снова почувствовал, как кольнуло сердце жалостью к несчастному линкору. Вместо славной гибели в битве он получил дряхлую старость, брошенный и никому не нужный.

Анубис толкнул меня в грудь с немим предложением. Секунду подумав, я кивнул, соглашаясь.

Водяной диск Анубис создал прямо из воды за кормой шлюпки. На секунду зависнув, он беззвучно закрутился и с ускорением полетел в сторону корабля.

— Посмотрите!

Франц Карлович вскочил со своего места. Корпус «Петра Первого и Второго» задрожал и начал оседать. С треском ломались доски, рушась на камни. Грохот стал последним вздохом старого корабля, после которого осталась только груда бесполезных деревянных обломков. Спасибо, гордый линкор! Это всё, чем я могу тебя отблагодарить за роскошный подарок!

* * *

Следующей ночью я изготовил small wand. Анубис вырезал из заготовки деревянное тело, расплавил золотые монеты без печи и тигля, а затем мы соединили всё в одно целое. Впрочем, пользоваться им я не торопился — каждый день «продувал» эфиром и держал в кобуре под мышкой, чтобы small wand подстроился под меня.

А через пару дней пришло время навестить Орлова. В сопровождении Франца Карловича приехал на место, оставил его на страже и поднялся в уже знакомые комнаты.

— Уж и не знал, что думать, — Орлов отпер мне и хлопнул по плечу, — то ли тебя снова арестовали, то ли ты за границу уехал.

— Бежать мне рановато пока, не все долги роздал.

— Как раз об этом я и хотел с тобой поговорить.

Орлов кивнул на диван, а сам вытащил из шкафа бутылку и пару рюмок.

— Хочу предложить тебе присоединиться к нам.

— К вам?

— Да, к нашей екатерининской лейб-кампании.

В памяти всплыло название «лейб-кампании» — так Елизавета Петровна назвала ту самую роту, триста гренадеров, которые стали движущей силой в её перевороте. Вот и мои заговорщики взяли себе проверенное название.

— Лейб-кампания, говоришь? Екатерининская?

— Именно так. — Мы переглянулись. — Ты всё правильно понял.

— И ты хочешь...

— Мы хотим, чтобы ты присоединился к нам. Ты ведь сам в прошлый раз говорил, что хотел бы видеть на престоле Екатерину Алексеевну.

— Возможно.

— Обещаю, ты не пожалеешь о своём выборе! Катя... — Я усмехнулся про себя. Значит, Катя? Что же, понятно, в каких ты, друг Гриша, отношениях с императрицей. — Катя очень щедра к своим сторонникам. Она не пожалеет наград для тех, кто встанет на её сторону.

Я не спешил соглашаться, и Орлов принялся меня убеждать со всей своей горячностью. Всё же он не был профессиональным заговорщиком, простоватый и прямой Григорий Орлов. И в разговоре разболтал основных сторонников переворота: воспитателя Павла графа Панина, уже известную мне княгиню Дашкову, своих братьев и других офицеров-гвардейцев.

— Скажи прямо, зачем я вам нужен?

— Ты дворянин, один из самых честных и смелых офицеров, тебя знают...

— Таких в столице пруд пруди, и смелых, и честных. Говори прямо, Гриша.

Орлов насупился, помолчал немного и «выложил карты».

— Рядом с Петром находится прусский некромант. Приехал две недели назад из Пруссии. Говорят, он может мгновенно поднимать убитых и снова кидать их в бой. Только ты сможешь с ним справиться!

— Вот оно что.

Теперь уже мне пришлось задуматься. Стоит ли связываться со своим европейским коллегой? Но что-то внутри подталкивало — надо, ещё как надо! Он заехал на мою территорию, шептал Анубис, а значит, не в своём праве. К тому же Лукиан упоминал: некроманты не дерутся в открытую, а выносят спор на границу, где царствует Хозяйка. А там я буду в ипостаси Анубиса, который не новичок в таких драках.

— Я понимаю, — Орлов налил ещё по одной, — ты сомневаешься.

— Некромант это серьёзно, Гриша.

Мы с ним выпили, и я поморщился.

— Кроме того, я не уверен, что не стану разменной монетой. Быть может, ты и близок с императрицей, но кто я для неё?

Какой-то еле знакомый полковник без связей и поддержки рода. Едва она взойдёт на трон, и я окажусь не нужен.

— Едем! — не выдержал Орлов.

— Куда?

— К Екатерине. Поговоришь с ней и убедишься, что должен её поддержать. Она даст императорское слово, что не забудет про тебя!

* * *

С нашей прошлой встречи Летний дворец Елизаветы ничуть не изменился. Деревянные стены по-прежнему дышали старой магией и запахами дурных смертей. Но в этот раз попасть внутрь было гораздо сложнее — меня сопровождал не всесильный Разумовский, а обычный капитан Орлов. Он сам мог войти без проблем, а вот провести меня было сложно.

Я остался ждать в карете, а он отправился на разведку. Вскоре вернулся и заявил:

— Придётся подождать, Костя. Через час будет смена караула, как раз рота моего брата заступит.

Мы долго молчали, думая каждый о своём, а затем Орлов спросил:

— Скажи честно, почему ты не уехал за границу?

— А что мне там делать?

— Развлекаться, жить в своё удовольствие. Говорят, итальянки очень хороши — горячие, страстные. С твоим Талантом ты везде себе покровителя найдёшь.

— Во-первых, я не хочу искать покровителя, как ты говоришь. Я сам себе хозяин и не буду служить какому-то князьку, что в Италии, что здесь. А во-вторых, я привык к России и не желаю всё бросать и побираться по чужим странам. Знаешь, когда я жил в Париже, всё время чувствовал себя чужим. Вернее, мне не забывали напоминать, что я приехал из варварской России. Каждый божий день, на протяжении многих лет. Нет уж, спасибо, я не собираюсь снова испытывать это на себе.

Орлов закашлялся.

— Извини, Костя, я не знал.

— Ерунда, забыли.

— Ты говорил, что у тебя неприятности в имении были?

— Угу.

— Как звали того дворянчика, что отнять усадьбу хотел?

— Девиер. Николай, кажется, генеральский сынок.

Орлов наклонился ко мне и понизил голос.

— Я вспомнил, кто он такой. И знаю, где его найти.

— Рассказывай.

— Нет, — Орлов ухмыльнулся. — Как закончим здесь, поедem вместе и устроим ему достойную месть. Неважно, что ты решишь с Екатериной Алексеевной, я помогу тебе наказать негодяя.

— Спасибо, Гриш.

— Не за что. Таких подлецов надо стрелять самым решительным образом. Кстати, нам пора идти, караулы только что сменились.

Глава 8

Имперский шкаф

Тёмные переходы дворца давили тягостным запахом смерти. Где-то неподалёку я чувствовал призрачных заложных мертвецов, стонущих и непрерывно бормочущих. Плюс к этому раздражающе потрескивали и моргали огромные защитные заклятья, от чего начала болеть голова. Интересно, а в прошлое посещение здесь этого не было или мой Талант серьёзно прибавил чувствительности?

Поразмышлять об этом я не успел. Мы свернули в узкий коридорчик, Орлов отпер ключом неприметную дверь и завёл в крохотную комнату.

— Погоди.

Он придержал меня за локоть, подошёл к следующей двери и чуть-чуть её приоткрыл. Одним глазом заглянул в щёлочку, предупреждающе выставил ладонь и прошептал:

— Фрейлина, чёрт бы её побрал.

За стеной послышалось сопрано, пропевшее: «Да, Ваше Величество», а затем простучали быстрые шаги.

Выждав пару минут, Орлов махнул рукой, и мы вошли в покои императрицы.

Бросилось в глаза, что обстановка в комнатах несколько потёртая. Нет, всё было в золоте, изящное, от европейских мастеров. Вот только пользовались этим слишком долго, позолота постепенно осыпалась, а обои давно стоило поменять. Кажется, император не особо выделял супруге средства на такие вещи.

— Ваше Величество, — я поклонился, едва заметил Екатерину.

Императрица поднялась с кушетки и протянула руку для поцелуя. Да, могу понять Орлова, ставшего её любовником. В свои тридцать лет она была чудо как хороша. Изящная, стройная, с правильными чертами лица. Чистокровная цверга из древнего рода, но очень хорошо говорящая на русском. Хотя, по сравнению с моей близкой знакомой графиней Эльзой она смотрелась бледновато.

— Рада вас видеть, Константин Платонович. Спасибо, что откликнулись на моё приглашение.

— Я не мог вам отказать, Ваше Величество.

Приглашение? А я-то был уверен, что Орлов меня сюда затащит. Или это была их с Екатериной домашняя заготовка?

— Не нужно так официально, Константин Платонович. Называйте меня по имени-отчеству.

Следующие полчаса императрица пыталась меня обаять и мягко переманить на свою сторону. Орлов сидел рядом и поддакивал. А я не торопился кидаться к ним в объятия — слушал, улыбался и кивал. Поняв, что со мной одними лишь комплиментами не справиться, Екатерина перешла к более конкретным вещам.

— Вас недооценили, Константин Платонович. Елизавета Петровна не должна была так поступать с вами, как и мой супруг. Вы единственный, кто может справиться с некоторыми бедствиями. Ваш Талант должен помогать своей стране, а не жить в ссылке где-то в глуши.

— Простите, Екатерина Алексеевна, но допрашивать всю жизнь мёртвых — не моя мечта.

— Что вы, Константин Платонович! Я вовсе не это имела в виду, — императрица посмотрела на меня с лёгким укором. — У нас достаточно... специалистов, чтобы узнать правду у живых. А мёртвых, по моему убеждению, грешно тревожить.

Я согласно кивнул.

— Мне удалось выяснить, — продолжила она, — что ваш родовой Талант не ограничивается допросами. Я читала некоторые документы из Тайной канцелярии: ваш дядя, кроме дознаний, ещё и спас множество людей.

— В самом деле?

— Да, он ликвидировал несколько очагов эпидемий. Да и вы, насколько я знаю, сделали то же самое в Касимове. Ведь так? Меня не обманули?

— Вы правы, сделал. Против подобной службы я не имею возражений.

— Это я и имела в виду, когда говорила о недооценке. Ведь вас даже не наградили по заслугам за Касимов! Кто, как не вы, Константин Платонович? В России больше нет подобного Таланта!

Может, рассказать ей про Лукиана? Пусть его агитирует на подобную работу. Будет смешно, если монах вернётся ко двору и влезет обеими руками в политику.

— А ваш телеграф? — императрица всплеснула руками. — Великое изобретение, на которое мой муж так и не подписал привилегию. Не ошибусь, если скажу, что у вас наверняка немало идей, которые поспособствуют славе России. Я же, со своей стороны, хочу оказать вам всемерную поддержку

Звучит, конечно, красиво, но как оно обернётся, дойдя до дела? Впрочем, это можно проверить только на собственном опыте.

— Кроме того, я должна восстановить справедливость и вернуть вам титул князя.

Тут я не удержал улыбку.

— Ах, Екатерина Алексеевна, ни в коем случае! Моих родичей, князей Урусовых, хватит удар, если вы создадите ещё одну ветвь рода. Да и не стоит оно того — князь без княжества, на мой вкус, бесполезное сотрясение воздуха.

— Вот как, — Екатерина прищурилась. — В ваших словах есть определённая истина. Я подумаю, что можно сделать в таком сложном случае.

Орлов и императрица переглянулись, тот еле заметно кивнул, и она снова посмотрела на меня. На этот раз совершенно по-другому — пристально и напряжённо.

— Вы очень прямой и честный человек, Константин Платонович. Нет, это не лесть. Я достаточно слышала о вас, чтобы сделать такие выводы. Вы не юлите, не заискиваете перед сильными, не бежите от опасности. Поэтому я прямо попрошу вас, без недомолвок и намёков. Помогите мне!

Она выставила ладони вперёд.

— Нет, не перебивайте, Константин Платонович, выслушайте сначала. Без вас мы не сможем убедить императора отказаться от власти. К тому же ваша репутация в войсках поможет склонить офицеров. Я прошу, я умоляю вас — помогите!

В порыве Екатерина взяла мои руки в свои ладони.

— Я буду вам обязанной, Константин Платонович. Поверьте, я умею быть благодарной! Обещаю, клянусь — вы не пожалеете о своём выборе.

Ответить я не успел. В комнату вбежала девушка лет двадцати, некрасивая, но с простым открытым лицом.

— Матушка, Пётр Фёдорович к вам идёт!

— О боже мой! — императрица побледнела и вскочила,

уронив на пол веер.— Гриша, уходите немедленно!

Увы, бежать тем же путём не представлялось возможным. Из той комнаты, где была дверца тайного входа в покои императрицы, уже слышался шум и приближающиеся шаги.

Орлов дёрнул меня за рукав и уверенно потянул к шкафу у дальней стены. Быстро распахнул дверцу, втолкнул меня внутрь, залез следом и закрылся изнутри. Судя по отработанным действиям, Орлов пользовался этим укрытием не первый раз.

— Тихо, — прошептал он, — это не надолго.

* * *

Темнота в шкафу пахла какими-то цветами и пылью. Висящая на вешалках одежда колыхалась от дыхания и, будто привидение, касалась лица. А снаружи грохотал раздражённый голос императора.

— Фот фы где, мадам! Ещё не спите? Злоумышляете против меня?

— Побойтесь бога, Пётр Фёдорович, я никогда... — Екатерина взяла себя в руки, и её голос звучал уверенно.

— Фы собираете у себя фсякую шфаль! Мне донесли, кого фы притащили к себе! Моего фрага!

— Вашего врага?

— Да! Этого убийцу! Его фидели здесь, сегодня!

— О ком вы, Пётр Фёдорович? Какого убийцу?

— Фы знаете, о ком я! Не притворяйтесь мадам. Фыдайте мне его, немедленно!

Слушать скандал царственного семейства из шкафа — то ещё удовольствие. Голос императора звучал неприятно и слишком громко. А тут ещё страшно захотелось чихнуть, и я с трудом сдерживал этот порыв.

— Я не понимаю, о чём вы говорите.

— Ах так? Хорошо, я сам найду его. Но тогда! Тогда! Я прикажу арестовать фас, мадам. Моё терпение кончилось!

Снова застучали шаги, голоса отдалились, и я перестал разбирать слова. Судя по тону, император устроил обыск в спальне Екатерины, чем вызвал её неподдельное возмущение.

Минут через десять снова слышались шаги — императорская чета возвращалась обратно.

— ... я же вам говорила...

— Мне не могли солгать! Он здесь!

Голоса смолкли, и повисла напряжённая пауза. Будто император оглядывал комнату в поисках убежища, где прятался «убийца». То есть именно я.

— Фот! Шкаф! Он там! А, мадам, я разгадал фашу хитрость!

Я почувствовал, как напрягся Орлов. Только бы он не наделал глупостей! Открытого убийства императора ему не простят, и мы оба отправимся на плаху.

Надо было срочно спасти ситуацию, но в голову упорно лезла только невидимость. Я вспомнил, как Киж набрасывал «плащ мертвеца», и дёрнул Анубиса. «Сможешь?» — спросил я его про себя. «Да легко», — ответил без слов Талант и задрожал от напряжения.

— Не шевелись, — шепнул я и сжал локоть Орлова.

Эфир вокруг меня заколебался и укутал нас обоих могильным маревом. Мир выцвел, как старая картина — ни запахов, ни вкусов, и даже темнота в шкафу растрескалась и стала цвета могильного праха. Я ощутил, как Орлов дрогнул и зашатался, но мои пальцы крепко держали его, не давая броситься прочь.

— Ага!

Пётр распахнул шкаф двумя руками и уставился на содержимое. Но, кроме висящей одежды, не увидел ничего. Он закашлялся, рукой сдвинул плаття, несколько секунд пялился перед собой и жевал губами. А затем с грохотом захлопнул дверцы.

— Я же говорила вам, Пётр Фёдорович — у меня никого не было.

— Да, я фижу. Похоже, — в голосе императора промелькнула досада, — меня обманули. Что же, благодарю фас, мадам, за уделённое мне фремя. Простите, что нарушил фаш покой.

— Я всегда к вашим услугам, Ваше Величество.

— Раз так, тогда фы не откажите мне ф просьбе?

— Слушаю, Пётр Фёдорович.

— Фы будете распорядительницей на моих именинах в Петергофе?

— Конечно, Ваше Величество. Вы же знаете, это приятная для меня обязанность.

— Фот и слафно. Спокойной ночи, мадам.

Снова слышались шум и шаги, но я не рисковал пока снять «плащ мертвеца». Орлов обмяк, приходилось держать беднягу, чтобы он не упал.

— А!

Шкаф распахнулся. Екатерина хлопала глазами, не понимая, куда мы делись. Только тогда я сбросил заклятье и позволил Орлову шагнуть вперёд.

— Ы-ы-ы!

Он буквально выпал из шкафа. Рухнул на колени, с трудом борясь с приступом тошноты, и замотал головой.

— Костя... Никогда так больше не делай!

— Где вы были? — Екатерина вцепилась в руку Орлова. — Где вы были? Как...

— Семейный секрет, — заявил я твёрдо. — Магия, но очень вредно для здоровья.

— Я так испугалась!

— Всё хорошо, Катенька, — бормотал Орлов, пытаясь встать на ноги, — всё хорошо. Мы немедленно уйдём, сейчас, только чуть отдышусь.

— Сядь, Гриша, сядь. Воды налить?

Орлов потряс головой и посмотрел на меня с ужасом и уважением.

— Не делай так больше, — повторил он, — никогда.

— Как получится. Идём, надо быстрее убираться, пока не перекрыли все выходы.

Прежде чем уйти, я поклонился императрице.

— Благодарю за аудиенцию, Ваше Величество. Вы можете всецело на меня рассчитывать.

— Подождите.

Она выбежала из комнаты в спальню и почти сразу возвратилась с золотой табакеркой в руках.

— Константин Платонович, вам потребуются деньги. Возьмите, — она сунула табакерку мне в руки, — заложите её и используйте, как потребуется. Всё, идите!

Я снова поклонился, подхватил под локоть Орлова, всё ещё не твёрдо стоящего на ногах, и мы двинулись в обратный путь.

Выбраться из дворца оказалось непростой задачей. Почти час мы осторожно крались по коридорам, прячась от слуг и караулов гвардейцев. К счастью, Орлов отлично ориентировался в лабиринте комнат, галерей и залов, и в конце концов мы вышли через чёрный вход для слуг.

— Туда, — Орлов указал куда-то в темноту, — там наша карета.

Оказавшись на улице, я наконец-то смог глубоко вздохнуть и сбросить рваные остатки «плаща». Внутри здания, среди охранных заклинаний, он не желал распасться до конца и давил на меня ощущением могилы.

— Прости, Костя, не могу. Давай отложим Девиера на следующий раз. Мне сейчас хочется напиться и забыть твоё колдовство как страшный сон. Ей-богу, будто меня заживо похоронили. Даже казаться начало, что я схожу с ума и...

— Не вспоминай, это вредно.

Пока мы добирались до его дома, Орлов молчал и только косился на меня. Но в итоге его прорвало:

— Ты меня извини, Костя, но я тебе скажу. Страшный ты человек! Честное слово, не завидую твоим врагам.

— Ерунда, полно магов сильнее и опытнее.

— Нет, Костя, ты всё равно страшнее. Я сегодня будто за грань заглянул, вот за самый краешек. И знаешь, что я там увидел? Тебя. Стоишь, улыбаешься и слушаешь, как Пётр ругается.

Он помолчал несколько секунд и добавил:

— Я теперь полностью уверен, что с тобой мы победим.

Глава 9

Искушение

— У меня есть свежие новости из дворца, Константин Платонович.

Франц Карлович застал меня как раз за обедом. От еды он отказался, а вот чашку чая налил себе с видимым удовольствием.

— И какие же? Узнали, что император ел на завтрак?

— Если вам интересно, он употреблял любимые сосиски с капустой. Были ещё варёные всмятку яйца и соус из вяленых оленьих язычков, любимое блюдо императрицы. Но я пришёл рассказать не об этом: вчера ночью один из слуг видел вас во дворце.

Когда мы с Орловым поехали во дворец, Франца Карловича я отпустил, не говоря о своих дальнейших планах. Сейчас же я сделал лицо кирпичом и не собирался ничего подтверждать — пусть думает, что хочет.

— В самом деле?

— Именно. Вроде как он заметил вас подле покоев Екатерины Алексеевны, о чём немедленно донёс императору. Тот поднял на ноги караулы, велел осмотреть весь дворец и собственноручно учинил обыск в комнатах супруги.

— Да вы что! Представляю, какой переполох поднялся.

— Знатный, — кивнул Франц Карлович. — Но всё оказалось зря, никого постороннего не нашли. Император ещё раз допросил слугу, уже с пристрастием, и тот вспомнил, что вы выглядели крайне бледно, шли бесшумно и вообще ни звука не издавали. А когда доложили, что Духовидческий стол...

— Что, простите?

— Духовидческий стол. Вы не знаете? После смерти Елизаветы Петровны в одной из комнат дворца стол начал парить над полом. Было решено, что это дух покойной императрицы шалит, и несколько фрейлин пытались с ней говорить посредством спиритической доски.

— Забавно, — я с трудом сдержался, чтобы не рассмеяться.

— И что с этим столом?

— После явления вашего призрака стол снова воспарил над полом. Император захотел увидеть это чудо и даже приказал

обратиться к вашему духу с вопросом, зачем он явился.

— И я, то есть мой дух, ответил?

— А как же. Заявил, что впереди ожидается война, огонь, а император узрит лицо смерти. Пётр Фёдорович истолковал это как пророчество победы над Данией, приказал запереть комнату и не тревожить ваш дух, а после отслужить по вам заупокойную службу.

— Насыщенная во дворце жизнь, как я погляжу.

— Что есть, то есть. Слугу, кстати, он велел выпороть на конюшне и отдать в солдаты за поднятый зря шум.

Да уж, смешно получилось. И неожиданно обернулось пользой — император утвердился во мнении, что я мёртв. Теперь, если меня случайно опознают в городе, он не поверит свидетелю.

— О Девиире не могу порадовать, — продолжил Франц Карлович, — он не покидает особняк своего отца и не выходит в свет. Боюсь, сейчас с ним встретиться невозможно.

Я разочарованно покачал головой. Ладно, зайду со стороны Орлова, он вроде говорил, что знает, как достать Девииера.

— Анастасия Николаевна Ягужинская сейчас в Петербурге. Гостит в доме Головиных, посещает некоторые салоны и приёмы, но к императорскому двору не представлена. Если желаете, я устрою с ней встречу.

— Да, устройте. Только без свидетелей, в каком-нибудь тихом месте.

Франц Карлович на мгновение замялся, а затем спросил:

— Разрешите задать вопрос, Константин Платонович? Личного, так сказать, характера.

Я кивнул.

— Зайду издалека, если позволите. Вы зря считаете меня соглядатаем от Тайной канцелярии. В своё время я долго служил под началом вашего дяди, а после отправился с ним в ссылку, формально взяв на себя роль контролёра. Волей-неволей Василий Фёдорович посвятил меня во многие тайны, которые я не спешил передавать новому начальству.

— К чему вы ведёте, Франц Карлович?

— Я знаю, что в вас течёт кровь Годуновых. Почему вы сами не возьмёте власть и не сядете на российский престол?

— Как вы себе это представляете?

Бывший дворецкий пожал плечами.

— Есть масса способов. Вы можете воспользоваться помощью старых родов. У Годуновых было много союзников, друзей и родичей, которые не прочь поквитаться с врагами и снова возвыситься. Сначала поддержите смещение Петра, а затем сместите малолетнего Павла. Или станьте новым мужем Екатерины при поддержке тех же родов. Немка с радостью пойдёт на это, чтобы укрепить под собой трон.

Я с интересом разглядывал Франца Карловича и не спешил отвечать. Действительно ли это его собственные мысли или это ещё одна игра Шешковского с сотоварищами? Хотя это может быть запрос от некой третьей силы, «старых родов», как он сам их назвал. И для тех, и для других я мог бы стать интересной альтернативой. Кому я буду обязан? Кто будет стоять возле трона? Сколько власти при таком раскладе возьмёт возрождённая Тайная канцелярия?

Нет, ни при каких условиях я не должен поддаваться на подобное искушение. Или правильнее назвать это провокацией? Надо сразу закрыть этот вопрос, чтобы ко мне больше не подходили с подобным.

— Франц Карлович, в память о Василии Фёдоровиче я отвечу вам как на духу. Не хочу.

— Но почему, Константин Платонович?! Вы для России были бы куда полезнее и Петра, и Павла, и всех остальных! Я слышал, что вы делаете для ваших крестьян, про ваши изобретения. Вы могли бы поднять страну...

— С колен? — я усмехнулся.

— В полный рост.

— Нет, Франц Карлович, сейчас это неподъёмная задача. Последуй я вашему совету, и времени на изобретения у меня не останется вовсе.

Взяв стакан с морсом, я крутил его в руке и не смотрел на собеседника.

— Мне многое не нравится, что сейчас происходит в России. Получив власть, я бы взялся исправлять уродливые гримасы нашего времени, например беспредельную власть помещиков над крепостными. И в результате отдал бы мозоли и своим противникам, и всем тем «старым родам», чью помощь вы посулили. Пришлось бы залить кровью всю дворянскую вольницу, чтобы привести её в чувство.

— Вы могли бы не спешить, действовать мягко...

— Рубить хвост по частям? Или исправить только половину? Нет, не хочу. Ненавижу половинчатые решения.

— И вы оставите всё как есть?

— Нет, дорогой мой Франц Карлович, я иду другим путём. Меняю жизнь изнутри, для начала в своём имении, а там доберусь и до остального. К тому же я не люблю придворную жизнь, да и климат в Петербурге мне не подходит.

Франц Карлович помолчал и вздохнул.

— Вы очень резкий и принципиальный человек, Константин Платонович. После ваших слов мне страшно вато представить, чем бы могло обернуться ваше правление. И в то же время я буду рад, если вы передумаете. С вашего разрешения, пойду заниматься нашими делами.

Он поклонился и вышел. Да, без сомнения, это был не пустой разговор, а почти прямое предложение от пресловутых «старых родов». Мне даже лазейку на «передумать» оставили. Нет, судари хорошие, на подобный вариант я не соглашусь ни за какие коврижки.

Кроме того, есть ещё одна причина сторониться трона. С каждым новым путешествием за грань я всё лучше чувствовал Хозяйку и её желания. И практически наверняка могу сказать — некромант на троне станет проклятием для дворян. Ужасом, приходящим к ним в ночи. Хозяйка не упустит возможности получить как можно больше Талантов и принудит меня стать жнецом, собирающим кровавый урожай. Даже не сомневаюсь, что у неё есть для этого средства. А такой судьбы я не пожелал бы и злейшему врагу. Тем более что у меня есть занятия гораздо интереснее, чем копить чёрный песок, рубя Таланты направо и налево.

* * *

Поздним вечером того же дня я заглянул к Орлову. Брат Франца Карловича в качестве сопровождения в этот раз я не стал, рассудив, что и сам справлюсь. Да и не хочу лишний раз показывать ему мои дела.

— Слышал, что говорят? По дворцу бродит твой неупокоенный дух и пугает фрейлин!

Едва закрыв входную дверь, Орлов начал хохотать, тыкая меня в бок пальцем.

— Хватит, Гриша, не паясничай. Я к тебе по серьёзному делу: что ты говорил про Николая Девиера? Мне донесли, что он сидит в отцовском особняке и никуда не ходит.

— Плохие у тебя источники, — отсмеявшись, Орлов полез в шкаф и принялся греметь там бутылками. — Он регулярно бывает на квартире у одного моего знакомого. Играет в карты, бильярд и пьёт горькую.

— Переживает, что на дуэли со мной испортил себе лицо?

— Ему плевать на внешность. А вот то, что отец его женить собрался, печалит его невообразимо. Невеста богатая, но уже в возрасте, лет за тридцать.

— Так-так.

Я прошёлся по комнате, раздумывая над ситуацией.

— Сумеет его подловить после игры?

— Попробовать можно. Обычно его сопровождают шестеро опричников, но ты с ними легко справишься.

— Может, и справлюсь, но вот шуметь не хотелось бы.

Орлов с сожалением выставил из шкафа очередную пустую бутылку.

— Кажется, у меня всё закончилось. Погоди, сейчас пошлю мальчишку в трактир.

— Не надо, Гриша, лучше вели чаю принести.

Пока Орлов звал слугу, я продолжал ходить по комнате. Вариант явиться к знакомому Орлова под гримом, устроить скандал и вызвать Девиера на дуэль я отбросил сразу. Слишком велик риск, что меня опознают. Нападать на него и опричников тоже чревато последствиями. А вот послать подставную утку...

— Гриша, скажи, а враги у нашего Девиера есть?

— Враги... — Орлов задумался. — Пожалуй, что и найдутся. Его отец постарался замаять, что он с тобой на дуэли бесчестно магию использовал. Слух распустили, что у него «громобой» взорвался, император высказался, что тот невиновен, в общем, замели под ковёр. Но не до конца.

Нам пришлось прерваться. Двое слуг принесли самовар, калачей и вазочку с яблочным вареньем.

— Так вот, — Орлов налил себе чаю и потянулся за калачом, — есть у меня друг, молодой поручик из Семёновского полка. Его родственника в том году застрелил Девиер — вроде всё честь по чести, только свидетелей нет.

— А секундант?

— Где-то через месяц после дуэли у этого секунданта появились дорогие золотые часы, совсем не по средствам. А его самого видели в компании Девиера.

— И поручик подозревает...

— Не подозревает, уверен. Вот только Талант у него слабоват, не вытянет он магической дуэли.

Я забарабанил пальцами по столу.

— Пусть он вызовет Девиера и сойдётся с ним в схватке. Неважно, на «громобоях» или магии. Обещаю, он останется жив, а Девиер получит по заслугам.

Орлов прищурился.

— Ты...

— Позабочусь обо всём. Налеплю усы, бороду, оденусь в мундир какого-нибудь провинциального полка, и ты проведёшь меня к своему знакомому вместе с тем поручиком. Он вызовет Девиера, потребует немедленного удовлетворения, и во время поединка я всё сделаю.

— Как-то, — Орлов щёлкнул пальцами, — бесчестно получается.

— Гриша, я не собираюсь атаковать со спины. Он привык жульничать на дуэлях, и эта подлость погубит его самого. Я только не дам навредить тому поручику. Кстати, как его зовут?

— Серафим Волконский.

Я закашлялся. Смотри-ка, старый знакомый! Да ещё и в гвардию успел попасть. Молодец, Серафим, умница. Но придётся ему немного рискнуть, чтобы восстановить справедливость, а заодно помочь мне отомстить.

* * *

Не успел я вернуться на конспиративную квартиру, как почувствовал натянувшуюся эфирную связь с Кижом. Как паук к добыче, я пробежал по ниточке и обнаружил, что тот уже в Петербурге и ждёт со мной свидания. Откладывать встречу я не стал — велел извозчику поворачивать и везти меня по другому адресу.

Киж не изменил своей привычке и снял комнаты в том же доходном доме на Аптекарской улице. Впрочем, должен согласиться — весьма удобное жильё, да и расположено удачно. Я велел извозчику дожидаться и поднялся на второй

этаж.

— Константин Платонович! — Киж распахнул предо мной дверь. — Как я рад вас видеть! Проходите, у меня для вас сюрприз.

— Надеюсь, приятный?

Он на мгновение замялся.

— Да, я думаю, да. Проходите, они ждут вас в гостиной.

Глава 10

Сюрпризы

— Константин Платонович!

— Вы живы!

— Мы так волновались!

— Не делайте так больше!

На меня налетел вопящий вихрь и обхватил в четыре руки. С одной стороны прижалась Таня, а с другой Александра.

— Я этого магодава руками бы порвала!

— Больше никуда вас не отпустим одного!

— Сударыни, будьте любезны меня отпустить. Во-первых, вы нарушаете всякие приличия, а во-вторых, я сейчас задохнусь.

Девушки разомкнули руки и отступили на полшага, с восторгом глядя на меня.

— Мяс!

С дивана на пол прыгнул Мурзилка и громко мявкнул, сообщая, что он тоже тут. Подошёл, потёрся головой о колени и лениво потрусил обратно, решив, что с меня этого хватит. А девушки снова перехватили инициативу.

— Константин Платонович!

— Как вы тут один?

— Зачем вы сюда поехали?

— Вы голодный?

— Мы вас сейчас накормим!

— Тихо! — я обвёл их взглядом. — Для начала ответьте мне, сударыни, как вы здесь оказались?

Девушки переглянулись и синхронно пожали плечами.

— Приехали.

— С Димой.

Я бросил взгляд на Киж. Тот с увлечением рассматривал потолок и делал вид, что его здесь нет вовсе.

— Вы не ругайте его.

— Он нас не хотел брать.

— Было очень сложно его уговорить.

— Даже сбежать хотел.

— Но мы ему не дали уехать без нас.

— Мы так рады вас видеть!

Они снова собрались повиснуть на мне, но я оборвал их

порыв.

— Сударыни, я тоже рад вас видеть. Но хотелось бы кое-что уточнить.

— А...

— Сядьте, пожалуйста, и ответьте на пару вопросов.

Они поняли, что за вопросы я собираюсь задать, и потухли. Сашка схватила Таню за руку и утянула вместе с собой на диван. Этим тут же воспользовался Мурзилка — полез к ним на колени и разлёгся во всю длину. Кота как раз хватило на обеих девушек, даже ещё и осталось.

Без сомнения — я страшно соскучился по обеим. Но вот их появление здесь, когда я на нелегальном положении, перед самым переворотом, вызывало законное беспокойство. Куда их девать?

— Скажите, Александра, а ваш муж в курсе, где вы сейчас?

Рыжая посмотрела на меня честными глазами и кивнула.

— Конечно, я ему записку оставила. Вы не волнуйтесь, Константин Платонович, он за нами не поедет. Ему в Павлово есть чем заняться, там столько всего сделать нужно, на год хватит.

— Что с Марьей Алексевной?

— Ей гораздо лучше, — откликнулась Таня. — Настасья Филипповна возле неё как наседка хлопочет. Даже на арфе уже играет. Это она нам сказала, что обязательно надо ехать.

— Обязательно?

— Конечно. — Глаза у Сашки загорелись, — Марья Алексевна сказала, что вы императора ни за что не простите. А во время смены власти лучше быть поближе к центру событий.

Под моим взглядом она потупилась.

— Это не я придумала, честное слово!

Вот княгиня, вот старая авантюристка! Это же надо додуматься, подбить двух девиц на поездку в столицу! Ей-богу, не посмотрю на её возраст, вернусь в Злобино и всё ей по этому поводу выскажу. И ведь догадалась, к чему дело идёт. Остаётся вопрос — что теперь мне с ними делать? Запереть в этих комнатах и не выпускать? Так ведь они через пару дней на стенку полезут от скуки и обязательно выберутся. Отправить обратно? Одних их отпускать нельзя, а на Кижя у меня были свои планы. Чёрт, как же неудачно сложилось!

— Марья Алексевна может считать всё что угодно. Но сейчас

вам не место в столице.

Сашка вспыхнула, но даже рта не успела открыть.

— Кост... нстантин Платонович, — Таня встала и посмотрела мне в глаза, — мне нужно поговорить с вами тет-а-тет. Я объясню, почему мы приехали и всё остальное.

Она обернулась к подруге и сделала ей знак оставаться на месте. Сашка кинула на меня лукавый взгляд, вздохнула и сложила руки на коленях, как примерная девочка.

— Сюда, Константин Платонович, — Таня взяла меня под локоть и указала на дверь в соседнюю комнату. — Там нам никто не помешает.

* * *

— Итак, я слушаю. Что ты хотела мне рассказать, Таня?

Я прикрыл дверь и остался с девушкой наедине. Она замялась на несколько мгновений. Смотрела в пол и теребила в руках платочек. А затем решительно подняла взгляд.

— Константин Платонович, вы должны оставить нас в Петербурге. Рядом с собой.

В голосе Тани прорезалась сталь, будто острый стилет вынырнул из бархатного рукава бретёра. И тут же меня атаковал её Талант.

Нет, никаких всполохов, никаких огненных шаров или ледяных дротиков. Просто ко мне устремился эфирный туман, пронизанный ажурным плетением. Таким тонким, что его можно было вдеть в игольное ушко. Совершенно безопасные ниточки, но с очень знакомой вязью — точно такой, какие плела Елизавета, когда брала с меня клятву.

Только в этот раз со мной был Анубис, а защитные контуры включены. И теперь я точно распознал, что это такое — магия принуждения. Редкое, особенное волшебство, о котором мне доводилось читать только в исторических хрониках. Пипин Короткий, Филипп Четвёртый Красивый, Генрих Наваррский, Ярослав Мудрый, Иван Грозный, Алексей Тишайший и царевна Софья — всех их подозревали в наличии подобного Таланта, но никто не знал достоверно. А кое-кто из учёных мужей, по слухам, даже лишился головы, когда проявлял интерес к этой теме. Династии королей и царей крепко хранили свой секрет втайне, не позволяя даже прикоснуться к источнику своей

власти.

И вот передо мной самый опасный Талант, умеющий принудить и заставить любого поступить по воле своего носителя. Теперь понятно, как смог свергнуть властную сестру юный Пётр Первый и как возшла на престол его дочь Елизавета. И почему она была уверена, что я выполню клятву.

Только Таня ещё не умела пользоваться Талантом как следует. А во мне сидел не слабенький дворянский дар, а древний опытный Анубис, не желающий чужого вмешательства. Эфирные нити ударились о непроницаемую завесу и распались в пыль. Крохотные искорки побежали по кружевам плетения, сжигая хрупкую конструкцию. Таня побледнела. Губы её сделались белыми, она вздрогнула, пошатнулась и чуть не упала.

— Осторожно!

Я подхватил её под локоть и усадил в кресло. Таня посмотрела на меня со смесью ужаса и восхищения, всхлипнула и разрыдалась, уткнувшись лицом в ладони.

— Ну, ну, тихо, девочка.

Налив из графина воды, я сунул Тане в руку стакан.

— Выпей. Давай, пей до дна. Вот так, умница. А теперь скажи, что это было?

— Мой Талант, — Таня шмыгнула носом. — Простите Константин Платонович!

Она снова расплакалась, спрятав от меня лицо.

— С этого места поподробнее, пожалуйста.

Таня кое-как справилась с чувствами, выпила ещё воды и рассказала короткую историю. После удара магодава, когда она приходила в себя, то обнаружила открывшуюся способность. Её просьбы что слуги, что Настасья Филипповна выполняли сразу же и чуть ли не буквально. Сначала Таня была в недоумении, а затем, когда поняла, что происходит, испугалась. Но не впала в панику, а сразу же пошла к наставнице — Агнес.

— Она тоже испугалась. Чуть-чуть, только старалась не показывать мне. Объяснила, что такой Талант у царей был. Научила упражнениям для контроля, чтобы я не принуждала всех постоянно. И взяла обещание, что никому рассказывать о своей силе не буду. Ну, кроме вас, Константин Платонович.

— И ты «попросила» Дмитрия Ивановича взять вас с собой.

— Угу.

Таня подняла на меня жалостливый взгляд.

— Костя, ты очень на меня сердишься?

— Не сержусь, — я покачал головой, — но обратно в Злобино всё равно отправлю.

Девушка вскочила. Поджала губы и уставилась на меня с полной решимостью.

— Никуда я не поеду.

— Поедешь.

— Никуда я не поеду, — упрямо повторила она. — Я уже один раз тебя потеряла из-за этого ареста, и не собираюсь терять второй. Можешь сердиться, можешь приказать выпороть на конюшне, но я не уеду. Я должна быть рядом. Особенно сейчас, когда ты рискуешь собой.

— Я не могу рисковать тобой, ты это понимаешь? Я твоей матери клялся, я тебя Лариной делал, чтобы спрятать...

— А ты понимаешь, — она передразнила меня, — что я без тебя не могу? Не думал, что я делать буду, если тебя убьют? Да мне хоть в петлю лезть или в омуте утопиться. Останусь! С тобой! Если ты погибнешь, то и я! Понял?!

Я поражённо смотрел на Таню. Талант Елизаветы повлиял на девушку серьёзнее, чем можно было предположить. Она и до этого была решительной, даже волков не боялась, но никогда бы не посмела возразить мне. Далеко же она ушла от простой крестьянки, которую я впервые встретил два года назад. Да уж, волшебное преображение, ничего не скажешь. Но такая она мне нравилась ещё больше — ей хотелось не только обладать, но и любить, по-настоящему.

Поддавшись порыву, я притянул её и обнял.

— Не уеду, слышишь? — шёпотом пробормотала она. — Не брошу тебя...

— Только при одном условии. Обещай, что больше никогда не будешь применять ко мне свой Талант.

Она уткнулась лицом мне в грудь и прижалась ещё сильнее.

Нет, я совершенно не боялся, что Таня может меня принудить к чему-то. А вот сжечь себя, пытаясь пробиться через защиту Анубиса, — легче лёгкого. Всё же царский Талант даже близко по мощи не мог равняться с некромантским.

Когда мы вернулись в гостиную, нас ждал накрытый Сашкой стол и горячий самовар.

— Садитесь, Константин Платонович, — кинулась рыжая наливать чай, — мы гостинцев привезли. Домашнее, как вы любите. Варенье вот, Настасья Филипповна специально для вас передала, колбаска, соленья.

Я не стал отказываться от угощения. Изыски петербургских поваров хороши, но вкусности Настасьи Филипповны — это вкусности с большой буквы. И никакие фрикасе да бланманже рядом с ними не лежали.

Пока пили чай, я расспросил девушек о делах в Злобино. Марья Алексевна, как уже говорили, приходила в себя, Лукиан бегал резвым козликом, Агнес возилась с Ксюшкой, а та страшно обиделась, что её не взяли в Петербург. Когда Сашка и Таня уезжали и в дормез запрыгнул предатель Мурзилка, девочку так и вовсе пришлось держать Настасье Филипповне. Когда рыжая об этом рассказывала, с дивана мяукнул кот, подтверждая, что всё так и было.

— Константин Платонович, так что вы решили? — не выдержала Сашка. — Куда вы нас?

— Значит так, дорогие мои, — я поставил чашку и посмотрел на девушек. — Если желаете остаться, обещайте выполнять мои приказы в точности.

— Когда я вас не слушалась, Константин Платонович?! — возмутилась рыжая. Но под моим взглядом потупилась и вздохнула.

— Скажу сидеть тихо и не отсвечивать — сидите тихо как мышки, никуда не выходите, даже если со скуки на стену лезть хочется. Скажу голыми по Петербургу бегать и гвардейцев отвлекать — разденетесь и будете бегать. Понятно?

Сашка посмотрела на меня с укоризной.

— Константин Платонович, я замужняя женщина. Естественно, я буду возмущаться, если вы мне такое предложите! Минутку, не больше, — улыбнулась она, — а потом спрошу, каким маршрутом бежать и нужно ли посылать вашим гвардейцам воздушные поцелуи.

Я посмотрел на Таню, и та кивнула.

— Вот и чудненько. Тогда завтра находите хорошего портного и шьёте платья. Скромные и приличные, что-то такое... Чтобы вас можно было принять за небогатых

компаньонки знатной дамы.

— Незаметное? — уточнила Таня.

— Именно. Нужно пошить срочно, в ближайшие пару дней. Следующее: купите две табакерки и зачаруйте их по телеграфной схеме. Только сделайте двухсторонними, на приём-передачу, схему я вам показывал.

Девушки кивнули. Секунду подумав, Сашка восторженно хлопнула в ладоши:

— Мы будем шпионить для вас?!

— Гораздо лучше, Александра. Вы будете моими телеграфистами при одной знатной особе.

— А «громобои»? Вы дадите нам «громобои»? Чтобы мы отстреливались, если на нас нападут?

— Вам, Александра, я дам трубочку. Будете стрелять во врагов жёванной бумагой.

Сашка хотела обидеться, но сразу передумала — познакомиться с дамой из высшего света ей очень хотелось. А я и правда подумал, что надо дать Тане «громобой», только маленький, на всякий случай. Сашке же даже не показывать: слишком уж темпераментная и точно кого-нибудь пристрелит.

Уже уходя, я коротко переговорил с Кижом.

— Виноват, Константин Платонович. Не смог противиться...

— Оставь, я знаю.

— Деньги...

— Скажу, как нужны будут. Завтра присмотри за нашими сударынями, оплати покупки. Вечером пусть будут здесь, а ты найди меня где-то около полуночи. Мы с тобой немного поохотимся на Девиера.

Глава 11

Охота на Девиера

Утром я попросил Марфу найти офицерский мундир, только не гвардейский, а какой-нибудь части, расквартированной в провинции. Орка задумчиво нахмурилась и тяжёлой походкой отправилась выполнять распоряжение. И уже к обеду принесла мне форму подпоручика Архангелогородского полка. Вооружившись нитками, иглой и ножницами, за час подогнала мундир под мою фигуру.

Скажу честно — получилось средненько. Облачившись в форму, я выглядел так, словно неделю гулял по кабакам. Впрочем, так даже лучше для маскировки. А с пышными накладными усами, я и вовсе превратился в побитого жизнью вояку. Как раз то, что нужно для дела!

Когда я вечером приехал к Орлову, он в первый момент даже не узнал меня. Посмотрел с прищуром и спросил:

— Что вам угодно сударь?

— Свои, Григорий. Это я, Урусов.

Он удивлённо поднял бровь, взгляделся мне в лицо и цыкнул языком.

— Ну ты даёшь, дружище! С такими усами тебя родная мать не узнает. Если бы не голос...

— Я постараюсь молчать, пока будем ловить Девиера в притоне.

— Ничего там не притон, — Орлов обиженно выпятил губу, — просто офицеры собираются играть в карты.

— И выпить.

Фыркнув, он махнул рукой.

— Ты безнадёжен. Порядочный офицер должен быть немного нетрезв и выбрит до синевы.

— Или наоборот.

— Да ну тебя! — Орлов заржал во всю глотку. — Располагайся, я пока себя в порядок приведу.

— А где твой поручик?

— Серафим? Обещался скоро быть.

В ожидании я взялся листать книгу, лежавшую на буфете. Но не видел, что там написано — все мысли крутились о Девиере и мести ему.

Нет, пожалуй, это всё-таки не месть, а воздаяние. Во-первых, он бесчестно дрался со мной на дуэли. Полученные им ожоги — это ещё не всё: со мной за подлость он не рассчитался. Вместо извинений, которые бы принёс настоящий дворянин, он нажаловался на меня папочке. Во-вторых, именно с его подачи в Злобино приехал магодав, и мой счёт к Девиеру увеличился вдвое. Такое нельзя прощать и забывать, изображая благородство.

И в-третьих, он покусился на моё имение. Самым подлым образом, даже не озаботившись видом законности. Причём ехал туда с опричниками, собираясь силой выкинуть на улицу моих домашних. И за это я не дам ему шанс на честный поединок!

Не будет никакого «лицом к лицу». Слишком много чести для этой мерзкой душонки. Раздавлю его как таракана — без жалости, без сожаления, с чувством брезгливости. И именно в тот момент, когда он не ждёт и готовится праздновать победу.

Серафим пришёл через час. В новеньком гвардейском мундире, но всё с таким же наивно-восторженным лицом. Даже тонкие щёгольские усики не добавляли ему солидности, а смотрелись как модный аксессуар.

Раскрываться перед ним я не стал. Говорить старался басом, но больше молчал, отдав главную роль Орлову. Тот представил меня как своего старого знакомого Ивана Ивановича Русова, тоже мечтающего о мести Девиеру.

План был прост: приехать в «притон», дождаться Девиера, а затем Серафиму следовало спровоцировать нашего врага на дуэль. Я, со своей стороны, гарантировал, что Девиер лишится возможности жульничать и поединок пройдет честно.

— Вы уверены, Иван Иванович? — Серафим хмурился. — Я хорошо стреляю, но...

— Даю слово. Вы расплатитесь за своего кузена. Если хотите, могу поклясться на Таланте.

— Это лишнее. — Серафим вздохнул. — Всё это так... Противно. Его давно бы вышвырнули из офицерского общества, но доказательств нет никаких. А из-за близости его отца к императору большинство не хочет раздувать скандал.

Я сделал себе зарубку на память — Орлову стоит привлечь Серафима на нашу сторону. Посвящать его в детали переворота не надо, а вот подготовить почву, чтобы он был сторонником Екатерины, очень даже стоит. Когда придёт время привести

гвардейцев к присяге за императрицу, Серафим поможет убедить остальных.

* * *

Офицерский «притон» оказался милым двухэтажным особнячком. На первом этаже располагались закуски и выпивка, на втором играли в карты, стучали шарами на бильярде, а в тихом углу парочка оригиналов сидела над шахматной доской.

Как рассказал Орлов, здесь собирались офицеры разных полков, порой даже недруги или из соперничающих родов.

— Случается, — с усмешкой пояснил он, — что надо обсудить какой-то вопрос, а наносить друг другу визиты не позволяет чувство гордости. А так встретились «случайно», перебросились парой слов, и всё. Ну и обыграть неприятного тебе человека в карты тоже приятно.

Такой подход к делу мне понравился. Эдакая нейтральная полоса для переговоров и встреч. Пожалуй, хозяин дома знал, что делает.

Девиера видно не было, и мы разошлись. Орлов отправился играть, Серафим встретил каких-то знакомых, а я устроился на первом этаже в сторонке и наблюдал за прибывающей публикой.

— Константин Платонович, — вкрадчивый голос Киж шепнул мне прямо в ухо, — прибыл, как вы и просили. Располагайте мной.

— Оставайся под маскировкой. Как приедет Девиер, следи за его опричниками.

— Разрешите, пока его нет, я сыграю разок.

Я покосился на смазанную тень, откуда шёл голос.

— В следующий раз.

Киж вздохнул, плотнее завернулся в «плащ мертвеца» и исчез. Ничего, обойдётся без карт сегодня. Не хочу потом бегать и вытаскивать его из-за стола, если он увлечётся игрой.

* * *

Наша цель приехала часа через два. Из своего укрытия я успел рассмотреть ожог на лице, перекошенный рот и злые глаза.

Девьер потоптался у стола с выпивкой и пошёл на второй этаж. Я выждал несколько минут и двинулся следом.

Новую засаду я устроил за фикусом. Развалился в кресле, изображая подвыпившего, и вполглаза наблюдал за карточными столами. Девьер оказался азартным донельзя и очень вспыльчивым. Щерился, когда метал карты, и отпускал шуточки. Когда удавалось взять банк, радовался и хохотал, хлопая себя по ногам. Чернел лицом, когда игра не шла, и с силой бросал карты на стол. Да, с таким темпераментом ему категорически нельзя садиться за игры с блефом — разуют до исподнего, мгновенно считав реакции.

Серафим появился в зале и аж переменялся в лице, увидев Девьера. К счастью, он не стал торопиться и отошёл в сторону. То ли успокаивал чувства, то ли, наоборот, приводил себя в боевое настроение. Через некоторое время он вернулся, выждал, когда освободится место, и подсел за стол, где играл наш «клиент».

— Моя взятка.

— Везёт вам сегодня, Николай Петрович.

— А то! — Девьер хохотнул. — С самого утра день задался. Едва успел кофия выпить, как привезли новости — помер чёртов некромантишка, совсем кончился.

— О ком вы говорите?

— Этот, как его, — Девьер щёлкнул пальцами, — Урусов. Кунерсдорфский мясник. Сдох, как собака.

— Как вы смеете?! — Голос Серафима взлетел звонкой птицей. — Злословить человека за глаза. Да ещё и умершего!

— Ой, да за кого вы вступаетесь, Серафим? Это же убийца Фридриха!

— Если бы не он, — усатый офицер, сидевший за столом, сурово посмотрел на Девьера, — Кунерсдорфская битва могла быть проиграна.

— Ерунда!

— Вас там не было, Николай Петрович, и не вам судить.

— Вы же всё по обозам, по тылам отсиживались, — ехидно заметил Серафим.

— Что?! — Девьер покраснел.

— А разве нет? Вы хоть раз участвовали в сражении? Нет? Зато смеете говорить гадости о боевых офицерах. Кстати, вы же дрались с Константином Платоновичем на дуэли? Эти шрамы

оттуда? Говорят, вы пытались стреляться бесчестно.

— Кто говорит?!

Девьер вскочил, опрокинув кресло.

— Кто говорит, я спрашиваю? Вы, Серафимчик? А, маменькин сынок!

— Прекратите, Николай Петрович, — попытался успокоить его усатый. — Не время и не место скандалить.

— Да ваш Урусов трус! Трус! Подлый мошенник! — Стало заметно, что Девьер прилично пьян. Он чуть пошатывался, брызгал слюной, когда кричал, и пучил глаза. — Он дурак, посмеивший спорить с императором!

На крики стянулись другие офицеры, привлечённые разгорающимся скандалом.

— Вот где ваш Урусов! Смяли и выбросили, как мусор! Всё, кончился ваш любимый Константин Платонович!

По взглядам окружающих было ясно, что они вовсе не на стороне Девьера. Офицеры хмурились, качали головами и перешёптывались. Видя такую поддержку, Серафим перешёл в атаку.

— Какой вы смелый, говорить об умершем. В лицо вы бы не посмели ему это сказать.

— Я?! Не посмел?!

— Да, вы трус, Николай Петрович. Хорохоритесь, кричите, но все знают, что вы боялись даже нос высунуть из Кёнигсберга. Перекладывали бумажки в штабе, никогда не встречаясь с пруссаками.

Серафим смотрел в глаза Девьеру и усмехался. Прилюдно бросив обвинения Девьеру, он не давал тому шанс уклониться от дуэли.

— Вы меня оскорбили, сударь! Дуэль! Я вас вызываю! Вы смоете свои лживые слова кровью!

— Дуэль? Отлично! Прямо сейчас!

Офицеры зашумели, пытаясь разнять спорщиков. Кто-то предлагал отложить дуэль, кто-то требовал шампанского, чтобы стороны выпили и примирились, третьи же согласно кивали и одобряли поединок. Были и те, что радостно скалились, надеясь посмотреть на дуэль.

Усатый офицер что-то зашептал на ухо Серафиму, но тот лишь отмахнулся.

— Я требую сатисфакции немедленно!

— Да-с! Прямо сейчас! — Девиер засмеялся. — Я не лягу спать, пока не застрелю этого дурака.

В толпе мелькнул Орлов. Поговорил с одним, другим, нашёл меня взглядом и кивнул.

— Дуэль, судари! Кто будет вашими секундантами?

Я покинул своё убежище и затерялся среди офицеров. Никто больше не играл в карты, все собрались поглядеть на поединок. Стихийно организовались секунданты, аж шесть человек, пославшие за оружием. «Громобой» нашлись за пару минут, и вся толпа взялась обсуждать драки на них. Кто-то всемерно одобрял стрельбу, кто-то ратовал за магию. А некоторые жалели, что дуэли на шпагах вышли из моды.

Уже через десять минут всё общество спустилось на первый этаж и вывалилось в сад за домом. Немедленно слуги притащили стулья, чтобы утомившимся офицерам было удобно, а следом появились бокалы с выпивкой. Судя по обрывкам фраз, дуэли в «притоне» случались не слишком часто и считались «изысканным блюдом».

Пока отмеряли дистанцию, втыкали в качестве барьеров шпаги с золотыми рукоятками и разводили дуэлянтов по местам, я занял удобное положение. Чуть позади Девиера, так, чтобы случайный выстрел в меня не попал. Уселся на стул верхом, слегка прикрыл глаза, будто пьяный, и демонстративно не обращал внимания на окружающих.

— Судари, вы готовы?

Недалеко от себя я заметил опричника Девиера. Он нервничал и держал руку возле живота. (Пульс сто тридцать ударов в минуту. Под камзолом спрятан взведённый «громобой», Печать старая, мощность эфирного поля пятьдесят эргов.)

— Сходитесь!

Я не видел лица Девиера, но точно знал — он глумливо улыбается. (Пульс сто двадцать ударов в минуту. Талант активирован, напряжённость эфирного поля восемьдесят эргов.)

Серафим медленно шагнул вперёд, одновременно поднимая «громобой». (Пульс сто два удара в минуту, Талант не призван, эфирное поле ровное.)

Девиер тоже двинулся к барьеру, но не спешил поднять руку с оружием. (Напряжённость эфирного поля растёт, сто двадцать

эргов. Наблюдается установка магического отклоняющего поля, эффективная мощность тридцать пять эргов.) Мне оставалось только удивиться — откуда у него подобное умение? Какой-то семейный секрет? И что паршивее всего, никто, кроме меня, его не видит.

Мой резерв пустел, но в эти мгновения я ощущал реальность будто всемогущий дух. Серафим, Девиер, его опричник, прячущийся под маскировкой Киж, секунданты — я читал их как раскрытую книгу. И это чувство пьянило, давая ощущение всемогущества.

Бумс!

Серафим выстрелил, не доходя до барьера. (Траектория заряда проходит в четверти дюйма правее сердца.) Девиер, полагаясь на свой отклоняющий щит, начал поднимать «громобой».

Заряду оставалось пролететь всего три аршина, когда я вторгся в колдовство Девиера и расплёл эфирные нити. Щит поплыл и задрожал, становясь видимым. (Эффективная мощность десять эргов.)

Он не успел даже вскрикнуть. Не ожидая, что защита подведёт его, Девиер только удивлённо выпучил глаза, когда выстрел разворотил ему грудь. (Пульс двести ударов в минуту, резко падает.) Взмахнув руками и выронив пистолет, он начал заваливаться навзничь.

— А-а-а!

Опричник Девиера закричал и выхватил «громобой».

— Убийца!

Выстрелить он не смог. Четыре всполоха, выпущенные секундантами, превратили его в чёрную головешку.

— У вас кровь, Константин Платонович, — шепнул невидимый Киж и сунул мне в руку платок.

— Спасибо.

Я приложил к носу кружевную тряпочку, запрокинул голову и выдохнул. Резерв был почти пуст, удалось остановиться на самом-самом краешке, чтобы не свалиться без чувств. Но главное — дело сделано и Девиер мёртв.

Не удержавшись, я кинул взгляд на мёртвого подлеца. Вот и всё, вот и всё.

Кижу я разрешил остаться в «притоне» до утра. Всё равно он сейчас не нужен, пусть немного подзаработает на карманные расходы. А мы с Орловым отправились к нему домой.

— Я ничего не понял, Костя, — он ёрзал на сиденье и сопел. — Он ведь жульничал, да? Призвал Талант, что-то сделал, но Серафим его всё равно застрелил. Ты его под руку толкнул, что ли?

— Даже не спрашивай. Он должен был умереть, и он умер.

— Но ты ведь делал что-то?

— Гриша, я некромант.

— Как будто это всё объясняет, — буркнул Орлов и отвернулся к окну.

— Не дуйся, дружище. Всё равно объяснить не смогу. Ты лучше вот что скажи: как ты держишь связь с Екатериной?

— Ну, приезжаю к ней. В случае крайней необходимости она может посыльного отправить ко мне.

— Очень ненадёжно, как по мне. Вдруг что-то срочное? Как она тебе сообщит, если император захочет её арестовать?

Орлов скривился.

— Ну...

— Вот что. У меня есть две девушки, дворянки. Может их Екатерина временно устроить рядом с собой? Скажем, кофе подавать или ещё что-то такое. Через них я смогу посылать сообщение, а они мне.

— В любой момент?

— Угу. Если что-то случится, Екатерина передаст нам сигнал к началу переворота.

— Слушай, я сегодня же поговорю с ней. Вот прямо сейчас поедem и...

— Нет уж, — я рассмеялся, — второй раз показываться призраком во дворце я не собираюсь. Отвези меня домой и езжай сам.

С пустым резервом силы я даже близко не буду подходить к дворцу. Следующую неделю мне колдовать нежелательно, пока не восстановятся силы. Но я ни о чём не жалел — месть злобному дураку Девиеру того стоила.

Глава 12

Зловредный жезл

Через три дня Орлов принёс ответ от Екатерины. Она согласилась взять в свиту моих девушек, но попросила «передать» их через Разумовского. Как оказалось, у императрицы были весьма дружеские отношения с бывшим фаворитом Елизаветы. Хотя удивляться тут нечему — Разумовский обладал редким даром дружить даже со своими врагами. Совершенно неконфликтный человек с добрым сердцем и щедрой душой.

Я не стал откладывать дело в долгий ящик. Посадил Сашку с Таней в карету, и мы отправились в усадьбу Знаменки, где сейчас обретался Разумовский. Пока ехали, провёл девушкам подробный инструктаж — что, когда и как докладывать мне, как себя вести, о чём не следует говорить ни в коем случае. И естественно, осмотрел телеграф-табакерки, сделанные ими.

— Телеграфную азбуку помните?

Обе девушки кивнули.

— Сейчас и проверим.

Вручив Тане одну из табакерок, я взял вторую и сунул руку под камзол, чтобы не было слышно. А затем отбил крышкой короткое сообщение.

— Кажется, — Таня нахмурилась, пытаясь разобрать послание, — вы просите взять вашу сумку.

— Хорошо, а теперь вы мне, Татьяна, — я прислушался к тихому писку коробочки и кивнул. — Отлично. Александра, ваша очередь.

У Сашки вышло не так хорошо. Она морщилась, ёрзала на сиденье и вздыхала. Но в конце концов смогла и разобрать сообщение, и отправить мне ответ.

— Таня, позанимайтесь с Александрой в свободное время. Пусть набьёт руку в азбуке.

— Хорошо, Константин Платонович.

— А теперь кое-что ещё.

Я вытащил из сумки пару маленьких пистолетов, легко уместящихся на ладони. Их удалось купить в одном оружейном магазине. Посидев пару вечеров, я превратил пороховое оружие в магические «громобои».

— Ух ты! — у Сашки загорелись глаза. — Что это?

— Терцероль, — пояснил я, — переводится как ястреб. Не смотрите, что они малыши — бьют не хуже обычных «громобоек» и достаточно точно.

Девушки взяли опасные игрушки. Таня с удивлением, а Сашка с жадным блеском в глазах.

— Спрячьте их под одеждой так, чтобы легко можно было достать. Только постарайтесь не доводить до стрельбы.

— Угу.

Сашка осмотрела пистолет, взяла в руку и направила в сторону окна.

— Александра! Вы меня слышали?

— Да, Константин Платонович, — она вздохнула, — слышала. Спрячу, на самый крайний случай.

— Вот именно. И напоминаю: постарайтесь вести себя как можно незаметнее. Каждые три часа, хоть ночью, хоть днём, я жду доклада, всё ли в порядке.

— Константантин Платонович, ну мы же не маленькие, чтобы за нами так следить.

— Александра, вы чем слушали? Доклады мне нужны о Екатерине Алексеевне. Я должен быть в курсе её дел. Мелкие тайны и интрижки не интересуют, только основное — куда она едет, приходил ли к ней император.

— Я поняла, простите, Константин Платонович. Всё сделаем, как вы сказали.

— Вот и хорошо, очень на вас надеюсь.

* * *

Знаменка за прошедшее время почти не изменилась. Но, в отличие от прошлого раза, сейчас здесь было тихо, никаких гостей и посетителей. Разумовский словно ждал нас и вышел навстречу, едва мы оказались в гостиной.

— Константин Платонович! — Показалось, что он искренне рад меня видеть. — Вот уж не ожидал встречи с вами.

Он выразительно посмотрел на меня, но сути намёка я не понял. Что он имеет в виду?

— Взаимно, Алексей Григорьевич. Надеюсь, Екатерина Алексеевна предупреждала...

— Да-да, я знаю, зачем вы здесь. Представьте же меня

вашим милым спутницам.

Пока Разумовский целовал руки девушкам и отпускал комплименты, я заметил, как он смотрит на Таню. Несомненно, он узнал её, но в его взгляде чувствовалась грусть и странная нежность. Долго рассыпаться в любезностях он не стал.

— Сударыни, не желаете ли чаю? Кофия? Прошу вас, проходите на веранду, сейчас как раз время второго завтрака. А мы с Константином Платоновичем прогуляемся возле пруда, если позволите.

Мы оставили Сашку с Таней на попечение слуг, а сами вышли в парк возле особняка.

— Действительно, неожиданная встреча, Константин Платонович. Я и подумать не мог, что приедете именно вы.

— Полагали, что я не выезжаю из муромских лесов?

— Полагал, что вас убили, — Разумовский покосился на меня с насмешкой. — Император только на днях с восторгом рассказывал об этом.

— Вы бываете при дворе?

Разумовский покачал головой.

— Увы, мне там делать нечего, да и не хочется. А вот Пётр Фёдорович иногда заезжает ко мне в Аничков дворец поужинать и выкурить трубку. Подозреваю, что он приглядывает за мной.

— Зачем?

— На всякий случай, — Разумовский неопределённо пожал плечами. — Я слишком долго был подле Елизаветы и слышал слишком много государственных тайн. Впрочем, это неважно. Как вы смогли уцелеть? За вами поехал фон Катте? Кажется, так его звали. Вы смогли убедить его в своей смерти?

— Я убедил фон Катте в его смерти, — я посмотрел Разумовскому в глаза. — О подробностях позвольте умолчать, по крайней мере сейчас.

Бывший фаворит кивнул.

— Бог с ним, с этим магодавом. Я на самом деле рад, что вы смогли уцелеть и сберегли Татьяну. Кстати, с вашей стороны очень умно спрятать её прямо в императорском дворце — там уж точно никто не будет искать. Я бываю у Екатерины Алексеевны и приглажу за девочкой.

Он тяжело вздохнул и покачал головой.

— Боже, как она напоминает свою мать в молодости. Ещё

цесаревну, когда она не взошла на престол. Такая же живая, непосредственная. — Разумовский перехватил мой взгляд и улыбнулся. — Не переживайте, её никто не узнает. Те, кто мог бы помнить Елизавету такой, или уже умерли, или отставлены от двора.

Разумовский замолчал, и некоторое время мы прогуливались вокруг пруда в тишине. Я искоса наблюдал за ним и в какой-то момент понял — а ведь ему сейчас уже пятьдесят лет, если не больше. Да, он сохранил горделивую осанку, лицо не кажется старым, но вот глаза выдают возраст. К тому же он хуже выглядел после смерти Елизаветы — походка стала чуть шаркающей, под глазами появились тёмные круги, а если приглядеться, то заметно, что у него немного дрожат пальцы.

— Константин Платонович, — он прервал молчание, словно подслушал мои мысли, — у меня есть к вам просьба.

— Слушаю вас, Алексей Григорьевич.

— Не могли бы вы съездить в Поречье. Помните?

— К Бестужеву?

Он кивнул.

— Вам будет о чём поговорить с бывшим канцлером.

— В самом деле?

— Я знаю, — Разумовский улыбнулся, — во что вы хотите ввязаться с Екатериной Алексеевной. Не бойтесь, я на вашей стороне.

— И вы поможете нам?

— Что вы, друг мой, — он взял меня за локоть, — я уже слишком стар для подобных дел. Теперь ваше время играть в эти игры с гвардией, престолами и ночными погонями. Возносить прекрасных государынь и зарабатывать чины.

— А Бестужев? Он-то постарше вас будет.

Разумовский расхохотался.

— Ах, Алексей Петрович другое дело. Он старый интриган, у него подобные дела в крови. Он и со смертного одра будет играть в политику и доводить врагов до удара. Съездите, поговорите с ним. Он сможет вас удивить и рассказать много интересного.

— Я подумаю, Алексей Григорьевич. Не буду обещать, но постараюсь.

Больше никаких важных вещей мы не обсуждали.

Разумовский рассказал о каких-то лошадях, что купил, но скорее из вежливости, чтобы поддержать разговор. Мы вернулись в особняк, я ещё посидел с полчаса и откланялся, оставив девушек на попечение Разумовского. На прощание он клятвенно заверил, что доставит их к Екатерине сегодня же вечером.

Уже въезжая в Петербург, я ощутил, как в кармане дёрнулась телеграфная табакерка. Рваным ритмом она пропищала короткую фразу: «Очень скучаю Таня». На сердце потеплело, и я отстучал ей в ответ длинное послание. Так мы с ней и переписывались, пока я не добрался до места.

* * *

Едва я переступил порог, как Киж принялся упрашивать.

— Константин Платонович, разрешите на ночь отлучиться? Тани и Саши тут нет, следить не за кем. А так я денег немного...

— Отставить, Дмитрий Иванович. Для начала выдай мне то, что я просил тебя привезти. А затем найди экипаж — мы едем за город.

Он тяжело вздохнул и пошёл за вещами.

— Вот всё, как вы заказывали.

И выложил передо мной на стол шкатулку с Нервным принцем и длинный ящик с grand wand'ом. Я помедлил и провёл пальцами по деревянной крышке. Любимый инструмент и оружие, по воле случая так редко бывающее со мной в бою.

— Дмитрий Иванович, — я посмотрел на Киха, застывшего и с любопытством смотрящего на шкатулку, — экипаж, сейчас.

— Да, простите, что-то задумался.

Я подождал, пока он выйдет, и только тогда открыл шкатулку. Нервный принц недаром получил такое прозвище, и присутствие мертвеца рядом могло испортить настройку при сборке.

— Мяу!

На стол запрыгнул Мурзилка, уселся и уставился на детали middle wand'a. Демонстративно показывая, что он не Киж и просто так его прогнать не получится.

— Ладно, смотри, раз пришёл.

Пять золотых цилиндров встали на своё место с тихими

щелчками. Несколько секунд жезл самонастраивался с гудением, а затем я почувствовал в нём потоки эфира. Ух! Ощущение как в первый раз — ладони обожгло холодом, а затем плеснуло огнём. Это хорошо, значит, принц в полном порядке и готов к работе.

Мурзилка, всю процедуру наблюдавший за мной, фыркнул, прыгнул со стола и, задрвав хвост, ушёл по своим кошачьим делам. По всему было видно, что жезл кота не впечатлил. Я закрыл шкатулку, а Принца повесил на плечевую кобуру. Да, несколько неудобно, но таскать его на поясе слишком заметно.

— Константин Платонович, всё готово.

— Тогда бери ящик и поехали.

Дорогу я указал Кижу на север, к тому самому стрельбищу, куда возил меня Шувалов. Я рассчитывал найти рядом удобное место для испытаний, но, к моему удивлению, полигон оказался пуст, даже сторожа там не нашлось. Так что я воспользовался тем редутот, на котором когда-то стрелял из пушки.

— Дмитрий Иванович, отойди чуть дальше. А ещё лучше, встань мне за спину.

Не то чтобы Киж мешал, но я не был уверен, что Нервный принц послушается меня с первого раза. Я давно с ним не работал, и своевольный жезл мог выдать неожиданный фортель.

— Ну-с, посмотрим.

Middle wand лёг в ладонь и легко начертил простой Знак Огня. Полыхнуло шагов на двадцать, если не больше, а в воздухе повеяло горелым.

— Очень хорошо, а теперь подключим Анубиса.

Я представил фигуру, зачерпнул силу в Таланте и влил в принца.

Бух!

Огненная волна пробежала по полю, выжигая зелёную траву. Хорошо, но слишком медленно.

— Константин Платонович, с вами всё в порядке?

В голосе Кижы слышалось беспокойство, но подходить ближе он не спешил.

— Нормально, — я отмахнулся, заодно разгоняя дым перед собой. — Чутот с мощностью переборщил.

Мне осталось последнее упражнение, ради которого мы и

выбрались из города. Я вытянул руку с принцем, вздёрнул Анубиса и мысленно приказал: «Огонь!» Талант с гудением направил в жезл силу и точную форму Знака, заученную на упражнении со small wand'ом.

Ду-думс!

— А-а-а-а!

Пальцы вывернуло, словно жезл сам выскочил из руки. Меня отбросило назад, прямо в заботливые руки Киж. А Нервный принц упал на землю, и вокруг него полыхнули язычки пламени.

— Пустя!

Я выскользнул из хватки Киж и бросился к жезлу. Выхватил его из огня и с трудом удержал в руках — пальцы кололо от крохотных молний и напряжения эфира. К тому же золотые детали чувствительно нагрелись и обжигали кожу.

— Вот, Константин Платонович!

Пока я перебрасывал жезл из руки в руку, Киж сбегал к экипажу и принёс кусок грубой мешковины.

— Заверните, пока не обожглись.

Так я и сделал. Нервный принц не собирался успокаиваться и раздражённо гудел, будто потревоженное осиное гнездо. Да, можно считать, что опыт не удался — магический прибор показал дрянной характер и отказался сопрягаться с Анубисом напрямую. Жаль, очень жаль.

Шипя и матерясь себе под нос, я разобрал Нервного принца и сложил детали в шкатулку.

— Домой?

— Рано, я ещё не закончил опыты. Неси ящик с grand wand'ом.

Глава 13

Посох

— Константин Платонович! — Киж посмотрел на меня с укоризной. — Вы чуть с этим не убились, а хотите ещё здоровую дуру взять.

— Спокойно, Дмитрий Иванович, я знаю, что делаю.

Он засопел, изображая недовольство, но спорить не стал. Притащил ящик с grand wand'ом и встал рядышком, с интересом наблюдая за моими манипуляциями.

Не торопясь, я вытащил металлические футляры, раскрутил их и достал части посоха. Тёмное дерево, сердечник из тёмного сплава и навершие, выточенное из прозрачного куска горного хрусталя. Стоило собрать прибор в единое целое, как внутри потекли потоки эфира. Сначала тонкие, едва заметные, но с каждой секундой набирающие силу.

У меня засосало под ложечкой — grand wand принялся жадно аккумулировать эфир из окружающего пространства. Даже Киж отшатнулся и отошёл подальше, почувствовав эфирный ветер.

— Константин Платонович, а не долбанёт?

— Не должно.

Я всмотрелся в навершие посоха. Эге, да тут накопитель интересной конструкции, совсем не такой, как придумал Бернулли. И гораздо совершеннее того, что я видел на учебном grand wand'е в Сорбонне.

— А долго он ещё так? — Киж отступил ещё на пару шагов. — Очень неприятное ощущение.

— Долго, но мы его ускорим.

Любой wand во время работы получает некий «отпечаток» деланного мага-оператора. Чем дольше и чаще маг пользуется эфирным прибором, тем сильнее будет его след. Думаете, Нервный принц сам по себе приобрёл вредный характер? Как бы не так — это наследство от его предыдущего владельца. Я бы и рад получить чистый middle wand, но, увы, найти мастера для изготовления нового очень сложно, а самому мне не осилить.

К счастью, grand wand в моих руках был совершенно новый, с девственно-чистой эфирной фактурой. Уж не знаю, откуда он

появился во дворце Фридриха, но факт остаётся фактом — кто-то спрятал там ни разу не использованный grand wand и он достался мне. Это открывало очень заманчивые перспективы!

Осторожно я зачерпнул силу из Анубиса и тонкой струйкой влил в посох. Первое мгновение тот слегка противился, будто «принюхиваясь» к новому источнику. А затем жадно втянул всё без остатка. Ага, работает! Я зачерпнул ещё, влил и повторил операцию несколько раз. С каждой попыткой grand wand принимал эфирный поток всё легче и легче, а затем и вовсе потянулся за новой порцией.

Пора! Анубис, всё это время наблюдавший за моими манипуляциями, сам устремился вперёд и запустил в посох прямой канал силы. Древко в ладонях дёрнулось и стало выворачиваться из пальцев. Точно так же, как раньше Нервный принц. Со всей силой я сжал посох, не давая выскользнуть. Врёшь! Не уйдёшь!

Почувствовав сопротивление, Анубис отбросил сантименты и ринулся в посох с полной мощностью. Давай, поднажми! Кожу на ладонях обожгло жаром, пронзило разрядом тока, а следом по запястьям побежала изморозь, словно ледяные кандалы. На мгновение я вспомнил фон Катте, стальные браслеты и цепь, которой его придушил. И со всей злостью надавил волей на посох, ломая сопротивление.

— Я назову тебя...

Grand wand перестал сопротивляться и принял в себя эфирный отпечаток Анубиса. А следом, будто эхо, в голове послышалось имя.

— Последний довод.

Я баюкал посох на руках, как младенца. А Талант продолжал вливать в него силу, заполняя накопитель. Хорошо, очень хорошо!

Сейчас удалось на практике оценить свой внутренний резерв. Буквально на днях я опустошил его и успел восстановить едва треть. Но зарядив grand wand почти полностью, потратил едва ли десятую часть. Выходит, момент всеведения, когда я контролирую Талантом всё вокруг, обходится просто в космическую цену. Таким количеством эфира я бы мог спалить весь Петербург разом!

— Константин Платонович. — На плечо легла ладонь Кижя. — С вами всё в порядке?

Обернувшись, я несколько секунд смотрел на него, не понимая, чего он хочет. Наваждение отпускало неохотно, словно болотная трясина.

— Нормально. — Пересохшее горло першило, делая голос хриплым. — Всё получилось.

— Ну вы и колдун, Константин Платонович, — Киж покачал головой. — Так эфир крутило, даже мне дурно сделалось. Пить хотите?

Он протянул фляжку, но я отказался, почувствовав запах спиртного.

— Вода есть?

— Простите, — Киж даже хмыкнул, — не держу.

Я встал и покрутил головой, разминая затёкшую шею. На стрельбище напоздали ранние сумерки, небо темнело, и где-то в вышине ползла яркая звезда — Юпитер.

— Сейчас, последняя проверка и поедом.

Поднявшись на земляную насыпь, изображавшую редут, я окинул взглядом поле. Так-так, с чего начнём? Как же давно я не работал с grand wand'ом, придётся вспоминать приёмы на ходу.

Теоретически посохом можно рисовать те же Знаки и Печати, что и младшими wand'ами. На деле же применяют несколько другие конфигурации и некоторые специфические фигуры и связи. В своё время, когда пришлось сдавать экзамен по grand wand'у, я взял в библиотеке книгу по таким штукам, да так и не вернул. При всех возможностях это не слишком популярная тема — изготовить посох сложно и дорого, заряжается без Таланта он очень долго, да и специалистов почти нет. Кстати, конкурентов у меня в России точно не будет.

Любопытный Киж последовал за мной, чтобы не пропустить эксперимент. Когда от взмаха посоха на другом конце стрельбища вздыбилась земля, он глухо ухнул и несколько раз хлопнул в ладоши.

— Здорово у вас выходит, Константин Платонович. А что это? Похоже на редут, кажется.

— Он и есть.

— Только земляной вал у вас вышел немного кривой. Вот если ту стенку...

— Дмитрий Иванович, не придирайся. Я тебе что, военный инженер? Это так, небольшая проверка.

Насчёт небольшой я слегка слукавил. Редут получился шагов в сто в поперечнике и приличной высоты. А что вал кривой, так я второй раз в жизни подобное строю, а на такие фокусы нужно набить руку.

— Вы его так и оставите?

— Сейчас увидишь.

Я подзарядил посох, глубоко вдохнул и начал представлять в центре редута огромный деланный символ.

На практикуме по *grand wand*'у в Сорбонне нам показывали только оборонительные фигуры: создание флешей, редутов и рвов. Ну и кое-что дополнительное, типа передвижения скалы, которую студенты мотыляли по полю туда-сюда, и обращение вспять небольшой речки. А вот атакующих символов не преподавали — для обычного деланного мага в этом нет никакого смысла. Только в справочнике я видел создание огненной ловушки, да и то почти не запомнил. И вот теперь пришлось импровизировать, опираясь на базовые Знаки и логику работы с посохом.

Хитрая кручёная фигура из Знака Огня и Печати Силы в одно мгновение возникла за земляными стенами. Даже с расстояния в пару вёрст я чувствовал, как от неё тянет эфирным полем.

— А что будет-то?

Киж рассматривал редут с ленивым интересом.

— Маленький вз...

Если фигуру по созданию редута я скорее переоценил, то вот боевую связку наоборот. На дальнем конце стрельбища полыхнула ослепительная вспышка. Я едва успел проморгаться, чтобы увидеть вспухающий белый шар огня. А следом нас с Кижом опрокинула ударная волна, а по ушам врезал грохот взрыва.

— А-а-а!

Валясь, присыпанный землёй, я не сразу сообразил, что орёт Киж. Со всем восторгом, на какой может быть способен мертвец, закручивая выражение в десяток этажей.

— ... твою душу богу мать! Константин Платонович, вы гений! Вот так их!

Я тряхнул головой и приподнялся. Киж стоял на земляном бруствере, порядком осыпавшемся, и смотрел куда-то вдаль, размахивая руками. Встав и подобрав посох, я подошёл к нему.

— Ёшки-матрёшки!

Захотелось тоже выматериться. На том конце стрельбища, вместо моего редута пылала огнём здоровенная воронка. А над ней, будто огромная поганка, вставало в небо грибовидное облако на тонкой ножке.

— Потрясающе! — Киж обернулся ко мне. — Давайте ещё раз бахнем!

— Бахнем, — я хмуро оглядел стрельбище. — Обязательно бахнем, Дмитрий Иванович. Но потом.

— Ну, — Киж посмотрел на меня, как обиженный ребёнок, которому не дали конфету, — Константин Платонович, что вам стоит?

— Вот сейчас как примчатся сюда хозяева стрельбища, как спросят, что тут происходит. Что ты им будешь говорить? Всё, закончили, я сказал. Собирай вещи и поехали отсюда.

— Да что тут собираться...

— Шляпа твоя где?

Киж пощупал голову, не нашёл на ней треуголку и принялся оглядываться. Пока он бродил по округе в поиске беглянки, я подзарядил посох и большим Знаком разровнял поле. Нет никакой воронки и не было никогда, а «гриб» уже унесло ветром.

— Нашёл! — Киж помахал мне шляпой.

— Тогда поехали, садись уже, бахальщик.

Спустившись к экипажу, я собрался разобрать *grap wand* и убрать части в футляр. Но этому неожиданно воспротивился Анубис — не пожелал расставаться с новой игрушкой и даже рыкнул на меня. И что теперь, ходить с посохом и изображать то ли странника, то ли старика?

Решение нашлось самым непредсказуемым образом. Анубис полез наружу, обволок посох силой, и тот пропал у меня из руки. Будто растворился в воздухе! На все мои вопросы Талант отбрыкивался. Мол, спрятал и спрятал, а каким образом, неважно. Понадобится — верну. Я чуть не поругался с этой заразой, чтобы он отдал посох немедленно.

Киж, сидя на козлах, наблюдал, как я то достаю посох из ниоткуда, то снова его прячу, и качал головой.

— Вы в фокусники собрались, Константин Платонович?

— Будешь язвить, — я убрал посох, наконец разобравшись, как его прячет Анубис, и полез в экипаж, — с тобой сделаю

то же самое. Стану тебя доставать, когда понадобишься, чтобы в остальное время не безобразничал.

— Нет уж, увольте, — Киж хлестнул вожжами, и мы тронулись, — я лучше своими ногами. Належался уже в подвале, хватит.

На всякий случай он прекратил бухтеть и до самого Петербурга молчал.

* * *

Следующим вечером меня ждал Орлов. На этот раз его квартира должна была принять собрание заговорщиков, коим он и собирался представить меня.

— Хорошо, что ты заранее приехал, — с порога заявил он и, чуть наклонившись, шепнул: — Ко мне пожаловал Панин, граф, который воспитатель Павла. Он тоже наш, но...

— Но не совсем?

— Вроде того, — продолжил вполголоса Орлов. — Он больше всех уговаривал Екатерину выступить против императора. Только хочет на трон посадить своего воспитанника, а не её. Наших замыслов он не знает, зато активно планирует, что будет потом.

— Зачем он приехал?

— Я был против, — Орлов поморщился, — но Екатерина рассказала ему про тебя. Ну вот он и захотел с тобой познакомиться.

— Приехал, значит, познакомимся. Идём посмотрим, что за гусь этот твой Панин.

Воспитатель наследника Павла оказался мужчиной слегка за сорок с круглым лицом и длинным носом. Глаза выдавали острый ум, а улыбка, с которой он поднялся мне навстречу, была с лёгкой хитринкой.

— Рад увидиться с прославленным некромантом, — он протянул мне руку и представился: — Панин Никита Иванович.

— Урусов Константин Платонович, — я налепил на лицо радушное выражение, — взаимно рад видеть.

Безымянный палец на моей левой руке неожиданно обожгло жаром. Перстень Тау! Я уже и не вспоминал о нём, нося как обычную безделушку. Это что же, Панин — масон? Ничего себе сюрприз! Надо с этим сударем поаккуратнее. Кто знает, какие

цели он преследует на самом деле?

— Григорий Григорьевич, — Панин обернулся к Орлову, — вы не распорядитесь насчёт чая? Если вас не затруднит.

Орлов кивнул и порывисто вышел из комнаты.

— Ах, Константин Платонович, — граф продолжал улыбаться, — как вам показался при личном общении Сен-Жермен? Я слышал, он специально приехал в Россию и искал встречи с вами. Чем вы его заинтересовали?

Глава 14

Секретный рецепт

Терпеть не могу подобные вопросы. А тебе какая разница, какие дела у меня были с Сен-Жерменом? Или вы с ним из конкурирующих масонских лож и он ходил по вашей территории? В любом случае я не собирался рассказывать Панину про уничтожение архива Иоганна Алхимика.

— Он приезжал обсудить со мной, — я любезно улыбнулся, — некоторые спорные места из Блаженного Августина.

— Э, — Панин поднял левую бровь, — в самом деле?

— Мы, знаете ли, встречались с графом ещё в Сорбонне, когда я там учился. У нас случился замечательный спор о «Confessionum Libri Tredecim».

— Простите моё любопытство, но о чём вы спорили?

— О природе времени и вечности. У Блаженного Августина есть замечательные соображения по этому поводу, и мы с графом разошлись в некоторых трактовках. Недавно он нашёл интересный отрывок и приезжал обсудить его со мной.

На лице Панина отразилось недоумение. Он не понимал, то ли я тонко издеваюсь над ним, то ли мы с Сен-Жерменом действительно разбирали научно-философские проблемы. Вот пусть пойдёт и спросит у него самого, если такой любопытный.

— Он приехал ради простого разговора? С вами?

— Дорогой Никита Иванович, ну почему же простого? Сен-Жермен известный алхимик, который ищет сами-знаете-что. — Я внутренне усмехнулся, когда увидел, что Панин напрягся. — И вопросы времени крайне важны для его изысканий. А с кем их обсуждать, как не с некромантом?

— Ах да, как я мог забыть.

Судя по тону, алхимические опыты крайне интересовали Панина, но Сен-Жермен не спешил делиться результатами с другими масонами.

— А вы в курсе его изысканий?

— Увы, алхимия не входит в круг моих интересов, другая специфика, знаете ли. Меня занимает время как феномен, связанный с жизнью и смертью, и в этом мы нашли с графом точки соприкосновения.

Панин несколько раз кивнул, как болванчик, и пожевал

губами.

— Понятно. Что же, я рад, что у вас есть достойные собеседники для подобных бесед. Я, увы, далёк от таких высоких материй, но надеюсь, что вы и мне уделите несколько минут для разговора.

— С удовольствием, Никита Иванович. И на какую же тему?

Взгляд Панина стал жёстким и острым, будто клинок шпаги.

— Например, о том, кто должен занимать трон и какими достоинствами должен обладать.

— Какая интересная тема. С радостью послушаю ваши соображения, Никита Иванович.

— В первую очередь, я хотел узнать ваше мнение, Константин Платонович. Вы тёмная лошадка, о вас в Петербурге ходят самые невообразимые слухи. Победитель Фридриха, бакалавр, учившийся в Париже, — уже этого достаточно для всяческих фантастических предположений. А немилость к вам Елизаветы Петровны и ссылка в таком молодом возрасте так и вовсе окутывает вас флёром страшных тайн. Не каждому и в зрелом возрасте выпадает подобная биография.

В словах императорского воспитателя чувствовалась скрытая лесть. Да-да, сейчас раззявлю клювик и буду петь, как та ворона. Вот только на лису ты, дорогой наш, совершенно не похож.

— Господь с вами, Никита Иванович. Вся эта, как вы выразились, биография, всего лишь тень моего дяди, Василия Фёдоровича. И ссылка моя — это продолжение его ссылки. Дар некроманта тяжёлый, словно пудовая ноша, вот и несу по мере сил. А что до слухов, так то пустое: посудачат и перестанут. А вот вы, — я перешёл в контратаку и начал в ответ мазать Панина лестью, — воспитатель наследника, граф, действительный статский советник, масон, известный дипломат и человек, близкий к императору. Ваше мнение гораздо важнее мнения мелкого помещика из муромской глуши.

— Константин Платонович, давайте прекратим ходить кругами, — Панин поморщился, — мы так до утра будем нахваливать друг друга.

Я пожал плечами.

— Как пожелаете, Никита Иванович. Зачем вы хотели меня

видеть?

— У меня есть для вас предложение. Сейчас мы с вами союзники, желающие одного — отречения Петра Фёдоровича.

— Предположим.

— Но что будет после? Кто сядет на российский престол?

— Претендентов не так уж и много, — я усмехнулся, — не запутаемся.

— Короноваться должен, — лицо Панина стало серьёзным, — Павел Петрович, как наследник и следующий в мужской линии.

— Он ещё ребёнок, Никита Иванович. Вам это известно лучше меня.

— Для таких случаев создаётся регентский совет, Константин Платонович. И вы, — он подступил ко мне на полшага и сбавил тон, — вы могли бы войти в него на правах того, кто возведёт Павла на царство.

— А как же Екатерина Алексеевна?

Панин пожал плечами.

— Никто не собирается отправлять её в монастырь. Она умная женщина, и в регентском совете для неё тоже найдётся место.

— Позвольте уточнить, Никита Иванович, вы сказали «никто не собирается». Полагаю, это не ваше личное мнение? — Теперь уже я подался вперёд, оказавшись с ним лицом к лицу, и шёпотом спросил: — Чью позицию вы выражаете, Никита Иванович? От чьего лица вы предлагаете мне место в регентском совете?

— От тех, кому не безразлична судьба России, Константин Платонович. Кто хочет привести государственное устройство в порядок и установить справедливое общество. Мы...

Послышались шаги, и Панин прервался. Обернулся на звук и увидел возвращающегося Орлова.

— Увы, мне пора бежать, судари. Простите, Григорий Григорьевич, но чай придётся отложить до следующего раза. — Он повернулся ко мне и чуть тише сказал: — Подумайте над моими словами, Константин Платонович. И обращайтесь в любое время.

Коротко попрощавшись, Панин порывистым шагом вышел.

— Что он хотел, Костя? — Орлов остался в некотором недоумении.

— Странного, Гриша, очень странного. Очень хитрый и скользкий сударь, этот твой Панин.

— Он не мой, — Орлов поморщился, — он Катин. Это он её больше всех подбивает Петра отстранить.

— Вот, значит, как. Ладно, с ним потом разберёмся. Кстати, а я бы выпил чаю, пока мы ждём остальных.

— Ну пойдём, стол уже накрыли.

Требовалась пауза, чтобы обдумать разговор с Паниным. Нет, но каков жук! Фактически хочет меня перекупить, предлагая кусок власти. Вот только подозреваю, что за ним стоят его товарищи-масоны, желающие не просто «привести государственное устройство в порядок», а переиначить его по собственному разумению. Учитывая предыдущий опыт, доверять этим сударям я бы категорически не стал.

Стоит согласиться войти в регентский совет, и меня сожрут в тот момент, как я стану им неугоден. Хотя может выйти и по-другому — или я всех их запугаю, так что они даже дышать в мою сторону будут бояться, или они слепят из меня образ жандарма и чудовища, которым станут угрожать всем несогласным. В любом случае ни один из этих вариантов не подходит.

— О, стучат! — Орлов вскочил. — Наконец-то!

И он убежал в прихожую открывать самолично. Через минуту оттуда послышался шум, а затем в комнату ввалилась толпа офицеров.

— Костя, разреши представить тебе моих друзей.

Их оказалось девять человек. Шесть гвардейцев из Преображенского полка: двое братьев Орлова, Иван и Алексей; Пётр Пассек, Сергей Бредихин, Евграф Чертков и Фёдор Барятинский. Гвардеец-семёновец, четвёртый брат Орлова Фёдор. И парочка офицеров из Измайловского полка Рославлев и Ласунский.

Собственно, на взаимном знакомстве содержательная часть вечера и закончилась. Офицеры принялись выставлять на стол принесённые с собой бутылки, собираясь пить и играть в карты. Никаким планированием они и не думали заниматься. Только Алексей Орлов, заметив моё разочарование, отозвал меня в сторонку для разговора.

— Константин Платонович, они самые обычные офицеры-гвардейцы, — пояснил он и поморщился. — Для них всё просто

— по сигналу поднять полки и присягнуть Екатерине. Они берут пример с прошлого царствования, когда возвели на престол Елизавету Петровну.

— Боюсь, сейчас этого будет недостаточно, Алексей Григорьевич.

— Соглашусь, — он вздохнул. — Давайте на днях соберёмся втроём с моим братом и всё обсудим.

Мы обменялись рукопожатием и присоединились к остальным. Я не планировал уходить с импровизированного гульбища офицеров. Наоборот, рассчитывал присмотреться к участникам и понять, что от кого можно ожидать. На таких сборищах с горячительными напитками отлично видно, кто чем дышит и что у каждого на уме.

* * *

Утро началось мучительно. Голову будто ватой набили, во рту нагадила птица-перепел, а тело ощущалось неподъёмным, как дубовое полено. Даже глаза открывать не хотелось, настолько отвратительно было вокруг бытиё.

— Выпейте, Константин Платонович, — громыхнул в самое ухо голос Киж, — сразу легче станет.

Я только промычал в ответ и попытался отмахнуться. Киж не отставал. Подхватил меня под плечи, помог сесть и сунул в руку холодную кружку.

— Пейте, Константин Платонович, пейте. Гарантирую — через минуту будете как огурчик. Я при жизни на этом деле собаку съел.

Не открывая глаз, я поднёс кружку ко рту и принял. Нет, алкоголем не пахло совершенно, скорее тянуло рассолом от квашеной капусты и ещё чем-то непонятным. Выбирая между похмельем и странным питьём, я решил на последнее. Холодная жидкость скатилась в желудок, и почти сразу стало полегче. Я наконец-то продрал глаза и обозрел свою комнату в конспиративной квартире. А рядом стоял Киж и лыбился во все тридцать два зуба.

— Сколько вас знаю, Константин Платонович, вы впервые провели вечер как настоящий офицер. С картами, шампанским и стрельбой по бутылкам.

Я потёр лицо ладонями. Голова с каждой секундой

становилась всё яснее, и жить хотелось всё больше.

— И вот что я вам скажу — умеете вы кутить, Константин Платонович! В лучших традициях столичных гвардейцев.

— А ты как здесь оказался?

— Вы меня вчера вечером сами вызвали. Представили всей компании, заставили выпить штрафную и пообещали, что я обыграю любого в карты.

— Да? И как?

— Обижаете! Практически все деньги у них забрал. Только вы решили, что это нечестно и вернули обратно. Вас после этого гвардейцы качать начали, чуть на пол не уронили.

— Что ещё там творилось?

— Вы показывали, как стрелять от бедра. Расстреляли все бутылки, потом предложили выстрелом сбивать яблоко с головы.

— Никого не убил?

— Да там уже на ногах никто стоять не мог. Орлов...

— Какой из них?

Киж развёл руками.

— Честно говоря, не помню. Вы его к стенке поставили, чтобы он не шатался, и водрузили яблоко на макушку. А оно всё время скатывалось, да и сам Орлов на пол сползал. В общем, не вышло ничего — перепили вы гвардейцев, Константин Платонович.

Я окончательно пришёл в себя и встал с кровати.

— Позови Марфу, скажи, чтобы горячей воды принесла.

— Так уже всё есть, заранее распорядился.

Пока я приводил себя в порядок и брился, Киж под дверью заливался соловьём, нахваливая вчерашнюю гулянку.

— Вы меня обязательно в следующий раз с собой возьмите, Константин Платонович. Я такое удовольствие получил! Сто лет так не развлекался. Почему вы редко себе позволяете отдохнуть?

Не обращая внимания на его болтовню, я закончил умываться и прошёл в столовую, где уже был накрыт завтрак.

— Кстати, — Киж щёлкнул пальцами, — я зачем вас разбудил-то. Приходил Франц Карлович и оставил записку. Вы уж простите, я на всякий случай прочитал и решил вас поднять.

Я взял у него листок, сложенный вдвое, и пробежал глазами строки. Бывший дворецкий, как и договаривались, устроил мне

свидание с Ягужинской. От моего имени передал ей послание и договорился, где и когда мы встретимся лично.

— Через час вам уже надо быть на месте, — осклабился Киж, видя, что я дочитал до конца.

— Успеем, если ты найдёшь нам извозчика прямо сейчас.

Уже в дверях я окликнул его.

— Дмитрий Иванович, а чем это ты меня поил?

— Мой личный секретный рецепт, — он расплылся в улыбке.

— При жизни я частенько гулеванил и каждый раз им пользовался. К счастью, сейчас оно мне без надобности.

Он усмехнулся и исчез за дверью. А я допил чай и пошёл одеваться — не думаю, что Ягужинская мне хоть чем-то поможет, но увидеться с ней стоит.

Глава 15

Капли

Ехать было недалеко, всего лишь до Митрополичьего сада возле Александро-Невской Лавры. Киж поначалу молчал, но потом не выдержал:

— Кстати, Константин Платонович, дамы вчера...

— Какие дамы?

— Ой, не знаю, актрисы вроде или певички. За ними Пассек посылал.

— И? Что эти дамы?

— Так и не приехали, — осклабился Киж, — да и честно говоря, даже хорошо. Под конец на ногах только вы и держались. Да ещё и грозились всех гвардейцев поднять некромантией, коли они пить не умеют.

— Дмитрий Иванович, будь другом, помолчи. Мне надо настроиться на предстоящий разговор.

Киж засопел с лёгкой обидой, но больше не лез с напоминаниями о вчерашнем вечере. А ведь ему явно нравилось обсуждать мои похождения, словно заядлому игроку рассказывать о любимой лошади на скачках. Он аж светился от счастья, когда вспоминал подробности. А мне подобная слава гуляки совершенно не льстила, и на будущее я поостерегусь пить с гвардейцами.

Впрочем, вскоре показалась Лавра, и стало не до Киж и вчерашнего застолья.

* * *

Ягужинская, как всякая приличная дворянка, опаздывала. В ожидании девушки я прогуливался по кленовой аллее и вполглаза наблюдал за работающим невдалеке садовником. Уже и я пересчитал все клёны, и садовник закончил копать в клумбе и ушёл восвояси, а её всё не было. Закралась даже мысль, что Ягужинская решила вовсе не являться на встречу. Но тут, наконец, между деревьями мелькнуло голубое платье. Я отвернулся и рукой провёл по приклеенным усам — на этот раз рыжим и лихо торчащим в стороны.

— Костя!

Девушка окликнула меня за пять шагов, и я медленно обернулся.

— Ой! — она прикрыла рот ладонью в белой перчатке. — Прошу простить меня, сударь, я ошиблась.

— Обознатушки-перепятушки, — я подмигнул ей.

— Ах ты! — она рассмеялась. — Что за вид, Костя? Какие нелепые усища! Ты сейчас похож на рыжего таракана.

— Зато никто не узнает, — я поклонился и поцеловал ей руку. — А ты, как всегда, обворожительна и прекрасна.

— Лстец, — она улыбнулась, — впрочем, продолжай. Это будет мне компенсацией за твои кошмарные усы. И где ты только нашёл такой ужас?

— Специально искал, чтобы тебя удивить.

Ягужинская снова рассмеялась и взяла меня под руку.

— Прогуляемся и сделаем вид, что у нас свидание.

— С тобой куда угодно, Анастасия. Только ради этой встречи стоило приехать в Петербург.

— Если ты скажешь, что ради меня сбежал от магодава, — в её взгляде мелькнула ирония, — я заплачу от умиления.

— Увы, моя дорогая, с ним я расстался исключительно ради жизни. С этой дамой я знаком гораздо дольше, и разрыв весьма бы опечалил меня.

— Да, пожалуй, к этой даме ревновать я не буду, — Ягужинская кивнула. — Тяжело пришлось?

— Говорить на свидании о всяких ужасах не в моих правилах.

— И не надо, я этого не выношу, — она вздохнула. — Но расскажешь, зачем ты здесь? Не слишком подходящее место, чтобы скрываться от погони.

— Позволь не отвечать на этот вопрос. Это не мои тайны, а врать тебе я не хочу.

Мы обменялись взглядами, и Ягужинская кивнула.

— Не буду настаивать. Зачем ты вызвал меня?

— Просто хотел узнать, как у тебя дела. Или наш «союз слабых» уже распался?

Девушка вздохнула.

— Боюсь, что именно так, Костя. Если всё сложится, скоро я выйду замуж и наши игры останутся в прошлом. Увы, мой милый, время шалостей прошло, и мне пора подумать о будущем. Становиться замужней дамой, заниматься мужем и

домом и не лезть ни в какие игры. Честно скажу — с удовольствием избавлюсь от всех интриг и тайн.

В голосе Ягужинской присутствовало лукавство. Нет, не собирается она бросать эти игры. Просто делает вид, чтобы обезопасить свою будущую свадьбу. И меня она пытается отдалить на всякий случай как бывшего любовника.

— Рад за тебя, — я тепло улыбнулся ей. — Если не секрет, кто твой избранник?

— Никита Фёдорович Головин. Наши семьи всегда дружили, ещё со времён моего деда.

Она запнулась и повернула голову в сторону куполов, видневшихся за деревьями.

— Он там похоронен, в Благовещенской церкви.

Почувствовав, как напряглась Ягужинская, я взял в руку её ладонь. Она сжала мои пальцы и вздохнула.

— Я сюда часто приезжаю, когда хочу спросить у дедушки совета. Мне не довелось его знать, он умер ещё до моего рождения, но всё равно чувствую с ним особенную связь. Словно он подсказывает, что нужно делать, оттуда, из склепа.

Вздвигнув, она посмотрела на меня.

— Глупо звучит, да?

— Ни в коем случае. Как некромант тебе заявляю — это вовсе не глупости. Только не говори об этом никому, хорошо? О связи с мёртвыми рассказывать никому нельзя. Мне — можно.

— Спасибо, Костя, — она прильнула ко мне чуть сильнее, чем позволяли приличия, — за поддержку. Не переживай, ты первый, с кем я поделилась.

Вздыхнув, девушка внимательно на меня посмотрела.

— Я всё-таки скажу тебе кое-что. Сомневалась, но он, — Ягужинская кивнула в сторону куполов, — словно под руку толкает. Дед к тебе благоволит, уж не знаю почему.

Можно было бы принять её слова за простую мнительность и эксцентричность, но не в этот раз. Мы с Анубисом чувствовали, что к Ягужинской протянулась тонкая эфирная нить из-за грани. На мгновение я даже ощутил шелест сухой травы и запах тумана.

— Послушай, — Ягужинская шепнула мне на ухо: — Кое-кто из влиятельных боярских и княжеских родов стягивает к столице опричников. Говорят, что немцев надо сменить на

природного русака.

— Кто говорит?

Ягужинская отстранилась и усмехнулась.

— Извини, Костя, но этого я не могу сказать. Считай это прощальным подарком и уезжай из Петербурга немедленно. Скоро может случиться что-то страшное, и мне не хотелось бы, чтобы тебя убили.

— погоди, — я поймал её за руку, — твой жених в этом замешан?

На лице девушки появилось раздражение.

— Мы уезжаем в Рим. Никита получил назначение посланником и не желает ничего знать.

— Если так, шепни мне ещё имя. Кто затевает это всё?

— Зачем? Ты же не думаешь, что способен им помешать? — Ягужинская посмотрела на меня со скепсисом. — Мотылёк не способен крылышками остановить бурю.

— Зато он может вовремя подружиться с этой бурей.

— Ах вот ты о чём! — она рассмеялась. — Ну если так, то тебе стоит поискать расположения князей Гагариных. Сергея Васильевича и Матвея Алексеевича.

Я взял руку Ягужинской и поцеловал.

— Спасибо, мой ангел.

— Но всё же лучше уезжай, — она потрепала меня по волосам. — Будет жаль, если ты пропадёшь и тебя похоронят с таким украшением, — и она провела пальцем себе под носом.

— Уезжать в Рим? — я постарался сдержать улыбку.

— Ну, — она стрельнула в меня глазами, — всё может быть. Ведь это будет потом и не здесь.

— Очень заманчивое предложение...

Палец Ягужинской лёг мне на губы.

— Всё, ничего больше не говори. Захочешь — найдёшь меня в Риме, а коли нет, так нет. Прощай, Костя.

Она резко развернулась и быстрым шагом пошла прочь по аллее, оставив меня с вопросами без ответов. Зачем нужны опричники в Петербурге? Это те же люди, от имени которых говорил Франц Карлович, или ещё одна партия игроков в заваривающейся большой игре? Что вообще происходит, в конце концов?!

А вот насчёт Ягужинской я был спокоен — пусть выходит замуж, едет в Рим и живёт спокойно. Может, в отличие от деда,

судьба внучки выйдет счастливее.

* * *

На следующий день я отправил записку Орлову, что вынужден уехать на неделю. А сам взял Киж и отправился в имение Разумовского Поречье. Однорукий управляющий меня помнил и принял с радостью, как родственника. Баня, обед и прочие мелкие удовольствия провинциальной усадьбы. А к ночи, уже по темноте, приехал ссыльный Бестужев. Управляющий тотчас отвёл нас в гостиную, лично накрыл небольшой стол с закусками и оставил одних.

— По маленькой, — Бестужев взял графин и налил две рюмки, — а то кости ломит.

Бывший канцлер полез за пазуху, достал крохотный бутылёк зелёного стекла и накапал оттуда семь капель в свою рюмку. Посмотрел на меня, хмыкнул и, расщедрившись, сцедил и мне три капли.

— За здоровье государя с государыней, — поднял он стопку, залпом выпил и, крикнув, захрустел солёным огурцом.

Я не стал отказываться и выпил свою порцию. Ух и ядрёная штука Бестужевские капли! Меня будто током пронзило от макушки до пяток. В голове просветлело, и по телу разлилась необычайная лёгкость. А резерв силы разом наполнился чуть ли не на четверть!

— Хорошо? — Бестужев хмыкнул. — От всего помогает и мужскую силу даёт.

— Спасибо, конечно, но мне своей пока хватает.

Бестужев рассмеялся.

— Вам, некромантову семени, грех жаловаться. А мы люди простые, приходится капельками баловаться. Кстати, — он взял ещё один огурец и откусил половину, — ты вроде рецепт у меня просил?

— Просил. Это алхимия, верно?

— Она, — Бестужев кивнул.

— Ваши капли ведь часть Великого делания? Один из продуктов Альбеда, полагаю?

— А с каких это пор некроманты интересуются алхимией?

В рюмки булькнула вторая порция, но в этот раз он капли пожадничал.

— Так у меня ведь образование, Ваше Сиятельство. Интересуюсь всем помаленьку.

— Э нет, — Бестужев усмехнулся, — шалишь. Не знаешь ты, что такое Великое делание. И капли мои к нему отношения не имеют.

— Может, просветите, Алексей Петрович?

— Может, и просвещу, — он выпил, не став произносить тост. — Ежели ты Катьке поможешь на престол взойти, я тебе и секрет капель открою, и про Великое делание расскажу. Ваш брат некромант про него давно справки наводит, да только другие братцы, масоны, его просто так отдавать не хотят.

— Простите, Алексей Петрович, я не ослышался? Вы же мне в прошлый раз сами советовали от дележа власти подальше держаться.

— Советовал. Только ты, дружок, в него вляпался по уши. Бежал из ссылки? Бежал. Коли уж бежал, так надо было дальше бечь, за границу. А раз приехал в Петербург да с дурачком Орловым дружбу водишь и к Катьке в гости ходишь, то другой дороги у тебя нет.

— Что-то не пойму, Алексей Петрович, вы же вроде в ссылке? А про столичные дела больше иных знаете.

— Я тринадцать лет был канцлером. Вот где у меня твой Петербург!

Он сжал кулак и потряс им в воздухе.

— Так что же вы сами не устроите переворот?

Мы встретились с ним взглядами и почти минуту играли в гляделки.

— Не разглядишь, даже не надейся, — Бестужев отвёл взгляд, — молод больно.

Налив себе третью, он выпил в одиночестве и грохнул рюмкой по столу.

— «Рук» у меня нет надёжных, в отличие от «ушей». А ты, дружок, как раз на эту роль и подходишь.

— Рук, значит, чтобы жар загребать. А какой мне с этого толк, Алексей Петрович?

— А такой, — Бестужев хитро прищурился. — Я, дружок, знаешь кто? Хранитель государева Ключ-Камня. Без меня ни один император настоящим русским царём не станет. Думаешь, почему Пётр до сих пор не короновался? Меня он терпеть не может, вот и не хочет просить, чтобы я его к Камню подвёл.

Бывший канцлер расхохотался.

— Он думает, что я сдохну, так он со следующим Хранителем коронуется. А вот ему, — Бестужев скрутил из пальцев кукиш, — пусть выкусит! Я со своими каплями ещё на его похороны приду!

Несколько минут Бестужев не мог успокоиться. Хлопал себя по коленям и смеялся, брызгая слюной. Но каркающий смех постепенно затих, и он тяжело опёрся о стол.

— Поэтому вас Елизавета и не казнила за заговор, а в ссылку отправила?

— Соображаешь, — Бестужев вздохнул, — значит, есть умишко. Коли поставишь Катьку да мне поможешь вернуться ко двору, я тебя следующим Хранителем сделаю. Дам власть, за какую любой князь руку себе бы отрубил и детей своих сам в прорубь кинул. Это тебе не камергером стать или графский титул получить. Понимаешь?

— Пока нет, Алексей Петрович. Для начала объясните, для чего этот самый Ключ-Камень нужен?

Глава 16

Передумала!

— А говорил — образованный, — Бестужев язвительно хмыкнул. — Что же тебе в твоих парижках не рассказали о Ключ-Камне?

Я не стал препираться и пожал плечами. Налил себе и молча выпил. Если надо — расскажет, а нет так нет. Это не он мне, а я ему нужен.

Бестужев несколько минут ждал, что я начну его уговаривать. Потом заёрзал в кресле, кидая на меня короткие взгляды, и не выдержал.

— Просвещу, так и быть, — проворчал он. — Как думаешь, из чего Россия состоит?

— Из людей, из чего же ещё.

— Хех, — Бестужев ослабился, — по большому счёту так и есть, жаль, что об этом забывают всё время. Вот только и про землю надо помнить. Убери что-то одно, и государство закончится. Примеры из истории сам, небось, знаешь.

Вытащив табакерку, Бестужев сделал щедрую понюшку, чихнул и утёрся красным платком.

— На двух ногах только человек да курица стоять могут. А держава, она что рояль — должна для подпорки третью иметь.

Он посмотрел выжидательно, но я не собирался играть в угадки и строить версии. Бестужев пожевал губами и продолжил:

— Французский король Людовик какой-то там сказал: «Государство — это я», и ничуть не обманул. У них тоже Ключ к державе имеется, только не камень, а то ли корона, то ли жезл, не знаю. Без него что король, что император — обычный дворянин, залезший на трон.

— Алексей Петрович, а можно конкретнее? Что этим Ключом делают? Куда прикладывают или что открывают?

— Вот нетерпеливый, — Бестужев глянул укоризненно, но перешёл к делу. — Ключ-Камень даёт царю силу управлять магией в державе.

— Это в каком смысле?

— В прямом. Про мировые потоки, прости господи, эфира слышал? Думаешь, они сами по себе текут? Э нет, брат, их

государь будто реки направляет. Где-то больше, чтобы лояльные роды силу набирали, где-то меньше, чтобы неудобные Таланты хирели. Опять же засухи да неурожаи от движения эфира зависят. Нет присмотра — вот тебе и голод со смутой.

— Простите, Алексей Петрович, но что-то не верится. Пётр уже сколько у власти, а Ключ-Камень не трогает. И я не вижу, чтобы держава в запустение приходила.

— А ты Россию человеческими днями не меряй, голубчик. Сколько она от края до края? И потоки в ней такие, что царю приходится их годами двигать. К тому же там всё с прошлого царства настроено, ещё лет десять простоит. Слышал, небось, про царя Бориса?

— Годунова?

— Про него, — Бестужев прищурился. — Если бы не Ключ-Камень, мы бы и сейчас под Годуновыми жили. В то время Хранителем был Михаил Никитич Романов, дядя будущего царя. Борис всю их семью заподозрил в измене, кого сослал, кого в монастырь заточил. А Михаила Никитича отправил в село Ныроб, что на Чердыни, а потом и вовсе в яму бросил.

— В яму?

— Да, выкопали здоровую яму, заковали его в кандалы и бросили туда, чтобы сам помер. После его смерти Ключ-Камень вразнос пошёл — три года неурожаи были, летом снег шёл. А народ такое хорошо чувствует, бунты вспыхнули, дела в царстве расстроились.

Рассказ казался несколько сказочным, но Бестужев говорил с полной серьёзностью, не ставя под сомнение ни одно слово.

— Умер Борис, когда пытался в одиночку с Ключ-Камнем совладать. Изошёл кровью из ушей да и кончился, хотя большой силы Талантом владел. Так и началось Смутное время, дружок. Самозванцы, бояре, Шуйский — все пытались с Камнем справиться, но и у них не вышло. Пока Земский собор нового царя и Хранителя не избрал, царство Российское на волоске висело. Кстати, князь Пожарский и стал Хранителем при царе Михаиле.

— Предположим. И в чём же заключается работа Хранителя?

— Ты на корабле плавал? Видел, что капитан командует, а у руля стоит кормчий? Вот так и здесь — царь говорит, Хранитель делает. Только они вдвоём могут Ключ-Камень «поднять».

— Как-то запутано у вас с этим Камнем, Алексей Петрович.

Честно говоря, верилось в этот царственный булыжник с трудом. Если предположить, что он существует, то какой же мощи должен быть этот магический артефакт? Управлять эфирными потоками над целой страной — это даже не grand wand'ом деланные Знаки накладывать. Я и представить не возьмусь, как он устроен.

— И ничего не запутано, — Бестужев несколько обиделся, — как старые московские князья положили вначале, так оно в веках и стоит.

Ещё лучше! Это кто из тех князей обладал такой могущественной магией? Не верю! В то время даже в Риме не могли подобного делать, и сейчас не умеют.

— Иван Третий Васильевич, — продолжал бывший канцлер, — когда с татарами на Угре стоял, отправил князя Ноздроватого разорить Сарай, столицу Большой Орды. Там этот Камень и захватили, отчего владычество татар над Русью и кончилось.

— То есть, — я подался вперёд, — это монгольский Камень? Бестужев кивнул.

— Говорят, хан Чингис дал по камню каждому сыну, чтобы те правили своими улусами. Все остальные были утеряны, а тот, что управлял Золотой Ордой, достался Ивану Третьему.

А вот такой вариант имеет право на существование! Нет, монголы не владели подобной магией. Зато они завоевали Китай, где умели создавать поразительные сложные фигуры деланной магии. Пожалуй, в такую версию поверить можно.

— Я должен его увидеть.

— Вот посадишь Катюку на трон, мы с тобой вместе её к Камню и поведём. Там и насмотришься, сколько влезет.

— Алексей Петрович, а что, Хранитель может любого сделать царём?

— Нет, конечно! — возмутился Бестужев. — Только царская кровь способна Камнем владеть. Есть ещё вариант с Земским собором, но там совсем другой ритуал.

— Как же вы тогда Екатерину Алексеевну собираетесь царицей сделать? Она ведь не из Романовых и не Рюриковичей.

— А тут, братец, — Бестужев улыбнулся, — есть одна хитрость. Но я тебе её не скажу — сам увидишь, как всё сделаешь. После дам тебе книгу, первыми Хранителями

написанную, там про всё написано.

— Если я соглашусь.

— Куда ты денешься, дружок, — он зашёлся в хриплом смехе. — Куда ты денешься, а?

— Уеду за границу, — я улыбнулся в ответ, — и буду жить в своё удовольствие.

Бестужев только покачал головой.

— Не уедешь. Вы, некроманты, за свою землю обеими руками держитесь. У вас Талант мертвецов стеречь обязан там, где назначено. Так что хочешь не хочешь, а придётся тебе в России оставаться.

— А может, я к Петру перебегу, не думали? Выдам ему заговорщиков, примирюсь и вернусь в своё имение.

— Нет, не выдашь. Если бы хотел, давно уже сделал бы.

Бестужев наклонился вперёд и похлопал меня по руке.

— Перестань упрямиться, Константин Платонович. Я давно за тобой наблюдаю, знаю, что ты за гусь. Уверен, ты уже и Катке пообещал помочь. Да? По глазам вижу, что так.

— Чего именно вы от меня хотите?

— Во-первых, — Бестужев начал загибать пальцы, — Катка на престол должна взойти. Не Павел, а именно она.

Я кивнул.

— Во-вторых, Пётр Фёдорович должен умереть.

— Хотите сделать из меня цареубийцу?

— Константин Платонович, ты вроде умный, а вопросы глупые задаёшь. Мне всё равно, как ты это сделаешь, но труп Петра должны похоронить в царской усыпальнице. Хочешь сам, хочешь чужими руками.

— Дальше.

— В-третьих, я укажу тебе двух сударей. Они тоже должны того, — Бестужев ощерился, — вместе с Петром.

— Расправляетесь с врагами?

— У меня к ним старые счёты, а я всегда плачу свои долги. Не бойся, возможность тебе представится — они близки к императору.

— Вы меня, случаем, не принимаете за наёмного убийцу? Я не беру заказы на людей, Алексей Петрович.

Бестужев вздохнул.

— Ладно, чёрт с тобой, сам с ними разберусь.

— Это всё?

— Последнее... — На лице бывшего канцлера промелькнуло злое выражение. — Сожги Летний дворец.

От такого предложения запершило в горле.

— Простите, Алексей Петрович, но зачем?

— За надом, Константин Платонович. Там в тайниках много интересных бумаг спрятано, а я не люблю, когда такие документы неожиданно находят. Сожги его так, чтобы даже головешек не осталось, подчистую.

— Эх вы радикально. Не проще...

— Не проще, — перебил Бестужев, — знаю, что делаю. Ну что, берёшься?

— А что взамен, Алексей Петрович? Давайте сразу зафиксируем.

— Мои люди будут тебе помогать. Подскажут, направят и предупредят.

— Это ваш вклад в общее дело, а не благодарность мне.

— Хранителем тебя сделаю, рецепт капель подарю, — он встретился со мной взглядом и буркнул. — И триста тысяч рублей серебром дам, если дворец спалишь.

Я откинулся в кресле и оперся подбородком на сложенные руки.

— Крепим договор клятвой на Таланте.

Бестужев почти час упирался, чуть ли не крича, что он всегда держит слово. Но я пошёл на принцип — только клятва и никаких пустых обещаний. Бестужев дважды порывался уйти, но каждый раз возвращался. В конце концов он согласился, и два Таланта зафиксировали магический договор.

— Подскажите, Алексей Петрович, — прежде чем попрощаться, я задал ему вопрос, — кто такие Сергей Васильевич и Матвей Алексеевич Гагарины?

— Князя, — хмыкнул Бестужев, — из знатного, но оттёртого от власти рода. Дед Матвея, кстати, тоже Матвей, был сподвижником Петра, но захотел отделить Сибирь и стать там королём. И ведь почти смог, шельмец, — создал личную армию из опричников, пушки стал лить в Тобольске, нанял шведов в качестве офицеров и начал перекрывать дороги в Сибирь.

Бестужев широко ухмыльнулся.

— Пётр повесил его под окнами Юстиц-коллегии в присутствии всего его рода. А после заставил их остаться на

поминальный обед с весёлой музыкой. Труп висел больше полугода, обмотанный цепями. Так что Гагарины очень «любят» потомков Петра, до дрожи в коленях. А зачем ты спрашиваешь?

— Да так, Алексей Петрович, услышал мельком, решил уточнить, на чьей они стороне.

— Не на нашей, — хмуро буркнул Бестужев. — Они бы Петербург спалили, если бы могли, вместе с Петром, Катькой и Павлом.

— Ясно, буду иметь в виду.

Уже прощаясь, Бестужев достал свою бутылочку с каплями и сунул мне в ладонь.

— На-ка, пригодится. Больше трёх в день не пей, а то дурно станет.

— Благодарю, Алексей Петрович.

— Езжай уже, — он широко перекрестил меня, — с богом.

* * *

На обратном пути в Петербург я получил сообщение от Тани: Екатерина со всеми своими фрейлинами выехала в Петергоф. Готовить празднование именин императора. Ну, что же, это даже к лучшему — Петра пока не будет в Петербурге, и, значит, можно активнее вести пропаганду в гвардии. К тому же Орлов теперь не станет через день шляться во дворец, и его вместе с братом я усажу за планирование переворота.

По приезде я сразу отправился к Орлову, и тот ошарашил меня с порога.

— Костя, она хочет отказаться!

— Кто?

— Катя! Когда я в последний раз с ней виделся, она колебалась и говорила, что не хочет брать грех на душу.

— Да ёшки-матрёшки! А ты что?

— Ну, я уговаривал как мог. Говорю, он тебя арестует или в монастырь отправит. А она в слёзы — давай, Гриша, уедем, и всё. Столько людей может погибнуть, ты, говорит, тоже будешь под пулями ходить. Не хочу, говорит, тебя потерять. Упрашивала меня взять деньги и увести её куда-нибудь в германские княжества. Оттуда её никто не выдаст, и мы поженимся.

— Ты её переубедил?

— Она сказала, что будет думать. Договорились, что решит после именин Петра.

— Есть выпить? Налей мне.

Пока Орлов гремел бутылками в буфете, я ходил из угла в угол и соображал. Нет, так дело не пойдёт — отказ Екатерины порушит все планы и договорённости. Придётся объединяться с Паниным и возводить на трон Павла, но за ним может не пойти часть гвардии. Нужно срочно форсировать события и начинать действовать немедленно.

— Держи.

Орлов подал мне стакан. Я понюхал и решил не пробовать эту дрянь.

— Гриша, скажи, кто из твоей компании, посвящённой в дело, наименее полезен? У кого авторитет в гвардии меньше всего?

— Э-э-э-э... — Орлов поморщился. — Наверное, Петя Пассек. Он, конечно, смел, отважен, даже хотел сам убить императора. Но солдаты в полку его не любят. А что такое?

Я только улыбнулся и хлопнул Орлова по плечу.

— Потом, всё потом, Гриша. А сейчас нужно срочно спасать наше безнадёжное дело.

Глава 17

Оборотень

На следующий день я встретился с Васькой в том же самом «Трактире купца Пятницкого». За время, проведённое в Петербурге, мой камердинер успел пообтесаться. В глазах появилась уверенность, а манера держаться стала под стать столичному разночинцу. Эдак он потом и не захочет возвращаться в Злобино и продолжать мне служить. Впрочем, насильно держать я его не буду, наоборот, порадуюсь, если он вырастет во что-то большее.

— Щи закажите, — шепнул Васька, ждавший меня за столом, — здесь они чудо как хороши. Почти такие же, как у Настасьи Филипповны.

— Можно и щей, — я кивнул и жестом подозвал полового. — Рассказывай, как у тебя дела.

Пока он докладывал, я успел поесть и выпить чаю с бубликом. Работу Васька проделал отменную — познакомился с множеством гвардейцев, знал поимённо почти всех офицеров и вёл неплохую агитационную работу за Екатерину.

— Молодец, справился на отлично.

Васька просветлел лицом и пододвинул к себе чашку. Налил чай в блюдце и осторожно подул на него.

— А теперь переходим к следующему этапу операции.

Быстро осушив блюдце, Васька наклонился ко мне, чтобы лучше слышать.

— Твоя задача — посеять в гвардии смуту. Встречайся с гвардейцами из всех полков и спрашивай: правда ли, что Екатерину взяли под арест и Пётр хочет отправить её в монастырь. Говори, шёл мимо Летнего дворца и слышал разговор двух чиновников об этом.

— Неужто правда, Константин Платонович?!

— Ещё нет, но если мы сейчас не возмутим гвардию, то может случиться.

— А ежели дознаются, что неправда? — Васька почесал в затылке. — Заступят в караул во дворце и увидят её?

— Не увидят. Екатерина вчера уехала из Петербурга.

Камердинер широко перекрестился. Кажется, он искренне болел за императрицу и моё поручение выполнял не за страх, а

за совесть.

— Понял, что делать? Приступишь немедленно. И вот ещё что — в Преображенском полку есть поручик Пассек. Встречал такого?

Подняв глаза к потолку, Васька на мгновение застыл, а затем кивнул.

— Ага, видел разок. Здоровенный такой.

— Найди солдата, кто его не любит. Лучше всего, если он за императора или хотя бы не особо рьяно высказывается за Екатерину.

— А что с ним надобно сделать?

— Пока ничего, просто найди подходящего. Быть может, нам придётся немного ускорить события.

— Всё исполню в лучшем виде, Константин Платонович. Не извольте сомневаться.

— Вот и ладушки.

Напоследок я выдал Ваське денег на текущие расходы, оставил его в трактире заканчивать поздний завтрак, а сам поехал на конспиративную квартиру.

* * *

Дело двигалось к решающему моменту, и я планировал перебраться к Орлову, чтобы находиться в самом центре заговора. Гриша с самого начала приглашал пожить у него, и сейчас пришло время воспользоваться его гостеприимством.

С конспиративной квартиры надо было забрать кое-что из вещей, Нервного принца и пару комплектов маскировки. Но едва Марфа меня впустила и я поднялся в свои комнаты, как явился Франц Карлович. Караулил он меня, что ли?

— Добрый день, Константин Платонович, — он поклонился.
— Ох и бурную деятельность вы развели!

— Вы что-то хотели, Франц Карлович? Мне сейчас не до пустых разговоров.

— Да, я хотел спросить. Вы подумали над моим предложением? Не решили изменить своё мнение?

— Предложение? Ничего конкретного от вас, мой дорогой, я не слышал, только общие слова.

— Ну, — Франц Карлович посмотрел с укором, — вы же всё поняли, Константин Платонович.

— Я-то понял. Но все ваши рассуждения и яйца выеденного не стоят без конкретики. Предположим, я согласился с вашими доводами. И что? Куда мне их прикладывать? Или прикажете намазывать на хлеб по утрам вместо масла?

— Что же, — он вздохнул, — я озвучу в открытую. Хотите стать императором, Константин Платонович? В России есть дворяне, которые могут возвести вас на трон. Когда вы согласитесь...

— Если.

— Что?

— Если я соглашусь.

— Хорошо, пусть так. — В голосе бывшего дворецкого послышались нервные нотки. — Если вы согласитесь, я склоню их на вашу сторону.

— Простите? Склоните, мне не послышалось? То есть моя кандидатура не единственная?

Франц Карлович рассмеялся.

— Ах, Константин Платонович! Россия страна богатая, и можно найти не одного человека с царской кровью.

— Полагаю, я сейчас не главный претендент для вашей шайки.

— Это не шайка, — он поморщился, — это достойные люди, жаждущие для России достойного правителя. Да, вы не первый в списке. Но, на мой вкус, вы подходите как никто другой. Вы будете заниматься государственными делами, а не устраивать балы и развлечения.

— А разве это не недостаток с точки зрения ваших «достойных людей»? Они ведь не собираются дать мне корону и отойти в сторону? Больше чем уверен, что эти судари хотят править сами, стоя за тронном.

— Это решаемый вопрос.

У бывшего дворецкого дёрнулось веко, выдавая нервное напряжение.

— И вы обсуждали это с остальными? Или вы только вестник от неких лиц, поручивших вам поговорить со мной? Вы имеете право давать такие гарантии?

По лицу Франца Карловича прошла тень. Кажется, я попал в точку — он всего лишь исполнитель и ничего не решает. И не слишком-то довольный своей маленькой ролью. Подозреваю, что именно поэтому так и усердствует с уговорами, пытаясь

поднять свою значимость.

— Обещаю, что передам ваши условия и приложу все усилия, чтобы их приняли.

Э нет, братец, так не пойдёт. Не собираюсь быть вашей марионеткой и садиться на трон по указке. И дело не только в том, что я просто не желаю лезть на престол. Самое главное — терпеть не могу быть куклой в чужих руках, даже если они руководствуются исключительно благими намерениями.

— Франц Карлович, хочу задать вопрос. А ваш начальник, Шешковский, в курсе вашей этой деятельности?

— Вы же знаете ответ, Константин Платонович, — он хмыкнул. — Зачем же задаёте его?

— Чтобы спросить следующий. Можно ли доверять тому, кто уже один раз предал?

Взгляд бывшего дворецкого стал злым.

— Полагаю, это и есть ваш ответ. Что же, очень жаль, Константин Платонович. Очень жаль. Вы могли получить больше, чем роль подручного Екатерины. Впрочем, вам теперь не грозит и это. Простите, но я не позволю вам участвовать в грядущих событиях.

Эфир вокруг Франца Карловича дрогнул и закрутился водоворотом. Кожа на его руках почернела, а черты лица поплыли, искажаясь и превращаясь в подобие звериной морды.

— Оборотень, — выдохнул я.

— С вашего позволения, — хрипло, с ноткой издёвки ответил он, — противوماг.

Глаза с вертикальным зрачком и жёлтой радужкой хищно блеснули.

— Я же предупреждал, что у меня особый Талант. Только неграмотные крестьяне называют таких, как я, волколаками, Константин Платонович. Не разочаровывайте меня перед смертью.

Включив магическое зрение, я разглядел — никаким превращением там и не пахло. Лицо осталось тем же, а вот поверх него эфир сложился в маску зверя. Причём она постоянно менялась, напоминая то волка, то кошку, то морду козла. А вот эфирные когти на руках и длинные клыки в пасти оставались неизменными и внушали опасения.

— Ваша магия на меня не подействует, — он ощерился, когда я призвал Анубиса. — Стойте спокойно, я убью вас

быстро и безболезненно.

Бывший дворецкий шагнул ко мне с явно недобрыми намерениями. В тот же миг я бросил в него огненный всполох, но тот разбился о него и осыпался на пол яркими искрами. Да, эфирная личина, будто кокон, хранила своего хозяина от магических атак. Эдакий личный щит, только гораздо мощнее.

— Не стоило даже пробовать, вы только разозлили меня.

Он прыгнул, расставив когтистые руки.

— Н-на!

Вот чего он не ожидал, так это удара посохом. В последний момент Анубис вложил мне в руку Последний довод, и я со всей силой влепил «оборотню» по голове. Франц Карлович покатился по полу, прижимая руки к морде и рыча как зверь.

— Что, не нравится?

Отряхиваясь по-собачьи, он поднялся и уставился на меня ненавидящим взглядом. Под волчьей маской угадывалась разбитая физиономия и заплывающий глаз.

— У-у-у-у!

Его вой продрал до костей. Что-то в нём было такое, от чего хотелось бросить всё и бежать прочь от «противомага». Лишь усилием воли я удержал себя на месте и наставил на противника посох.

— Плохая собачка! Очень плохая собачка! За такое поведение её надо бить палкой, пока она не станет скулить и просить пощады.

Оскорбительные слова стали отличным средством противоя. Франц Карлович недовольно дёрнул головой и зарычал, явно обиженный таким обращением. А я сдвинулся в сторону, так чтобы между нами оказался обеденный стол. Давай, дружок, прыгай, если смелый.

Но он не стал торопиться с новой атакой, а попытался обойти препятствие. Мы закружили вокруг стола — я держал посох занесённым, а он то и дело резко подавался вперёд и норовил выхватить его из моих рук. Но я был настороже и пару раз съездил ему набалдашником по рёбрам. Отчего он взвизгивал и ускорялся.

— Чёртова псина, — я глумливо усмехнулся. — Таких, как ты, надо давить в детстве, пока вы маленькие.

Францу Карловичу надоели бесполезные метания и оскорбления, и он прыгнул через стол. Этого-то я и ждал!

Пусть магия не действует напрямую, зато она по-прежнему работает по окружающим его предметам. Используя посох как проводник, я врезал через него чистой силой. Стол подскочил на месте и ударил «оборотня» по ногам, смял и впечатал в потолок. Весь дом вздрогнул, будто его пнул великан. На пол посыпались обломки дерева и посыпалась штукатурка.

— У-у-у!

Жалобно завывая, «оборотень» рухнул вниз и приземлился на четыре конечности, всё больше и больше напоминая зверя. Я замахнулся посохом, но он решил не принимать бой. Развернулся и на четвереньках рванул к окну.

— Куда!

Я запустил вслед ещё один удар чистой силой, и на этот раз он достиг цели. «Оборотня» с треском подбросило и швырнуло вперёд. Он выбил раму и со звоном стекла полетел на улицу.

— Стоять!

Когда я подбежал к окну, то успел увидеть, как за углом скрывается бегущий на четвереньках Франц Карлович. Да уж, действительно редкостной гадости Талант. Но, как оказалось, не такой уж и неуязвимый — заклинания рассыпаются на нём, а вот чистая сила неплохо бьёт кинетически.

— Что случилось?! — За спиной с грохотом распахнулась дверь, и в комнату вбежала Марфа. — Константин Платонович, с вами всё в порядке?

Спрятав посох, я обернулся и кивнул.

— Спасибо, Марфа. Будь добра, немедленно вызови своего начальника, Шешковского. Нет, убираться пока не надо, он должен это увидеть.

Она кивнула и тенью выскользнула из комнаты. А я занялся подсчётом ущерба. Мебель, стены и ремонт не считаются, это не моя забота. А вот камзол эта скотина попортила — правый рукав болтался, оторванный почти полностью. Остальные мои вещи почти не пострадали, их только чуть присыпало побелкой с потолка.

А ещё меня вдруг посетила неожиданная мысль — что если вся его болтовня была на самом деле провокацией? И его «предложение» служило приманкой, а на встрече с заговорщиками меня планировали ликвидировать. Ну а что, если бы я польстил на трон, то не ожидал бы подвоха и пропустил внезапный удар. Уж слишком спокойно Франц

Карлович перешёл к моему устранению, когда я отказался. Впрочем, могу и ошибаться, но догонять и спрашивать об этом Франца Карловича точно не стану.

* * *

Шешковский примчался меньше чем через час. С брезгливым выражением осмотрел разгром и уже с беспокойством выслушал историю о предложениях Франца Карловича. Показалось, что он даже чуть-чуть побледнел и одними губами прошептал «упустил». Едва я закончил рассказ, он торопливо попрощался.

— Погодите, Степан Иванович.

— Нет времени для разговоров, Константин Платонович. Я должен срочно выяснить, кто стоит за этим предателем.

— Да стойте же. Операция входит в острую фазу, и мне нужен связной с вами. Найдите кого-то нормального, будьте добры.

Шешковский кивнул.

— И ещё. Возможно, в этом деле замешаны князя Гагарины. Услышав эту фамилию, он поджал губы.

— Благодарю. А теперь, простите, я должен бежать. Боюсь, сударь-оборотень мог нанести непоправимый вред кой-каким делам.

Он чуть ли не бегом покинул комнату, а я подхватил саквояж с вещами и отправился к Орлову.

Глава 18

Собрание

Орлова я застал дома в печали и слегка выпившего. Он пытался с порога всучить и мне стакан, но я отказался.

— Не время, Гриша. Сейчас нам нужны трезвые головы и светлые мысли.

— Тебе легко говорить, а я за Катю переживаю.

— Этим ты ей точно не поможешь. Давай, умывайся, приходи в себя, и будем решать, что делать.

— Так...

— Кофий у тебя есть?

— Был где-то, в буфете. Кажется.

Последовав моему совету, он отправился освежиться, а я полез в буфет в поисках кофия. Среди холостяцкого бедлама из посуды, бутылок, жестяных банок с леденцами и засохших до каменного состояния бубликов обнаружить его оказалось не так уж и просто.

— Нашёл? Дай посмотрю.

Орлов, с влажными после умывания волосами, отодвинул меня и заглянул в буфет сам. Но не успел он сдвинуть первый ряд бутылок, как в дверь громко и настойчиво постучали.

— Кого это нелёгкая принесла? Надо лакея завести, чтобы он двери открывал и за кофием бегал.

Недовольный Орлов пошёл в прихожую и крикнул оттуда:

— Костя, это к тебе!

— Это я, Константин Платонович! — следом раздался голос Васьки. — У меня новости срочные!

Да ёшки-матрёшки, конспираторы липовые. Зачем я усы клею, если они на весь дом орут, кто в гостях у Орлова.

Едва я вышел в прихожую, как Васька затараторил, но уже гораздо тише.

— Константин Платонович, нашёл я вашего Пассека. Токмо его того, арестовали. Я подумал, что вам, может, срочно надо такое знать, и сразу к вам побежал.

— Когда?

— Только что, считайте. И пары часов не прошло, как его на гауптвахту отвели.

Орлов глянул на меня с таким подозрением, будто я лично

Пассека тащил в холодную.

— Гриша, не смотри на меня так. Я поручил проследить за ним, и всё.

— За что его? — Орлов сурово уставился на Ваську с высоты своего немалого роста.

— Не знаю, ваше благородие. Мне подробностей не рассказывали, я от солдат услышал.

— Так, — Орлов свёл брови, несколько секунд хмурился и заявил: — Сначала кофий, а затем едем в полк и узнаём, за что его взяли. А ты, — он указал пальцем на Ваську, — вспоминай, что ещё слышал.

Мы вернулись в гостиную. Под мрачным взглядом Орлова банка с кофеом нашлась в считанные секунды. Отмахнувшись от меня, он ушёл его варить, а я пока слушал Ваську.

— Всё сделал, как вы велели, Константин Платонович. Я только намекнул про арест, а дальше солдаты сами понесли. В Преображенском полку сказал про слух об аресте, а когда до Семёновского добрался, там уже были уверены, что император приказал Екатерину Алексеевну в монастырь отправить.

— Как в монастырь?! — в дверях появился Орлов с кофейником в руках. Взгляд у него был бешеный и злой.

— Успокойся, это слухи, не больше.

— Вы меня до разрыва сердца сегодня доведёте.

В этот момент хлопнула входная дверь, которую мы забыли запереть. Послышались торопливые шаги, и в гостиную влетел Алексей Орлов.

— Гриша! Пассек арестован!

— Мы уже в курсе, — Григорий поморщился. — Подробности знаешь?

— Сегодня утром, — запыхавшийся Алексей плюхнулся на диван, — слух разошёлся, что Екатерина арестована. Так этот олух, с утра уже пьяный, чуть ли не на ступеньках полковой канцелярии начал речи задвигать. Мол, надо Екатерине служить, а не Петру, брать пример с гвардейцев Елизаветы. Я его с трудом увёл, он ещё и упирался. Но много кто слышал эти слова, и донесли майору Воейкову. А тот, не будь дураком, взял и арестовал Пассека. Да ещё и посыльного к императору отправил, что заговорщика поймал.

Алексей потёр лицо ладонями и вздохнул.

— Боюсь, к утру из Ораниенбаума приедет император и

учинит допрос. А Петя наш ночь в застенках посидит, расклеится и всё ему расскажет. Тогда уже и за нами придут, — Алексей обернулся ко мне, — и за вами, Константин Платонович.

Васька, стоявший за моей спиной, стал переминаясь с ноги на ногу, тронул меня за рукав и громко прошептал:

— Бежать вам надо, Константин Платонович. Прикажите, я через час карету подам и припасов в дорогу соберу.

Братья Орловы, прекрасно всё слышавшие, переглянулись и слегка приуныли.

— Если с Екатериной бежать, — Алексей снова вздохнул, — надо выезжать немедленно. Может, и успеем ещё до границы доехать, пока не узнали.

— Стоять! — я повысил голос и обвёл их взглядом, для пущего эффекта пробудив Анубиса. — Никто никуда бежать не будет. Гриша, кофий готов? Налей нам всем для бодрости.

Впрочем, ему не пришлось выполнять роль официанта. Васька, вспомнив, что он камердинер, тут же взял у Орлова кофейник, достал из буфета чашечки, расставил на столе и налил в каждую.

— Прошу, судари, — с поклоном пригласил он нас, — как заказывали.

С демонстративной решительностью я подошёл и взял одну. Залпом выпил до дна и заявил:

— Побегі отменяются. Арест Пассека всего лишь повод совершить задуманное. Вчера свергать Петра было рано, а завтра будет поздно. Так что мы начинаем прямо сейчас, не дожидаясь лучшего случая.

Григорий тряхнул головой, одним глотком выпил свою долю и кивнул.

— Согласен, надо действовать, а не плакаться.

Следом кивнул Алексей и решительно поднялся с дивана.

— Так точно, Константин Платонович. Начинаем немедля.

Дверь в прихожей снова хлопнула, и застучали громкие шаги. Квартира Орлова в этот вечер из гнезда заговорщиков стремительно превращалась в проходной двор.

— Добрый вечер, Константин Платонович. Добрый вечер, судари.

В комнату вошёл Киж, довольный и улыбающийся. У его ног вышагивал Мурзилка, задрав хвост и всем видом показывая,

кто из них двоих главный. Кот вволю выпался в квартире, которую снимал Киж, и теперь желал наблюдать вблизи за приближающимися событиями. У рыжего хитреца всегда были на приключения.

Судя по взглядам, Орловы не узнали Киж и мне пришлось знакомить их заново.

— Это Дмитрий Иванович, мой друг и помощник.

Мурзилка в это время запрыгнул на диван и разлёгся с царственным видом.

— Прошу прощения, судари, мне надо переговорить с Дмитрием Ивановичем.

Подхватив Киж за локоть, я вывел его в прихожую.

— Ты вовремя, — шепнул я ему, — нужна будет твоя помощь.

— Я так и почувствовал, Константин Платонович, что у вас что-то происходит. Кроме того, для вас есть новости.

— Хорошие?

— Очень. В Петербург прибыли опричники Еропкиных и готовы выполнить любое ваше распоряжение.

— Э... Откуда они взялись?

— Простите, Константин Платонович, это я. Когда ехал к вам из Злобино, то взял на себя смелость и по дороге заглянул к ним в усадьбу, отчего и задержался. От вашего имени приказал исполнить договор и предоставить вооружённую поддержку.

На лице Киж не было и тени раскаяния за содеянное.

— Вы ведь сами об этом думали, Константин Платонович, я точно знаю. Бойцы, преданные только вам, наверняка будут нужны.

— Так уж и преданные?

Он пожал плечами.

— Вы им платите, они стреляют куда скажете. Чего больше надо? Вы не беспокойтесь, я им уже всё отдал из выигранного в карты.

— Хотя какая-то польза от твоих карт, — я усмехнулся. — Ладно, ты всё сделал верно.

Да, я и правда вспоминал об опричниках Еропкиных, но за всей этой вознёй они совершенно вылетели у меня из головы. А Киж молодец, проявил здравую инициативу и решил вопрос с деньгами.

— Пусть будут, раз приехали. Ещё не знаю где, но им найдётся дело. Теперь слушай, что тебе надо сделать. Сегодня арестовали одного из офицеров, состоящего в нашем заговоре. Медлить больше нельзя — этой ночью мы начинаем переворот.

Глаза мертвеца вспыхнули, будто я сообщил ему о вечеринке с бесплатной выпивкой, картами и фрейлинами императрицы.

— Сейчас мы обсудим с Орловыми план действий. Скорее всего, я поеду в Петергоф за Екатериной. Ты же отправишься к Еропкиным, проследишь, чтобы они разместились, и отдашь приказ к утру быть наготове. А затем нагонишь меня. Всё ясно?

Киж кивнул с видом, будто ему предстояло отпраздновать именины с вручением подарков.

— Константин Платонович, ваш жезл.

Он ловко вытащил из-под камзола шкатулку с Нервным принцем и вручил мне.

— И ваша Печать власти.

На крышку шкатулки легла бронзовая пайцза, купленная в Казани. Я уже и думать о ней забыл, потеряв её где-то в вещах.

— Погоди, с чего ты взял, что это Печать власти?

Киж пожал плечами.

— Так сразу же видно. И сила от неё такая... Сильная.

— Дмитрий Иванович, объяснись. Что за Печать такая? Откуда ты про неё знаешь?

— Не знаю, — он развёл руками, — просто чувствую. Будто... Будто меня к генералу вызвали. Такому вот, — он подбоченился и выставил челюсть, — прямо настоящему, боевому. И надо его приказ выполнить, чтобы его ни в коем случае не огорчить. Честное слово, не умею я объяснять.

— Ты меня каждый раз находишь чем удивить. Почему я не чувствую ничего? Даже не смог разобраться, что за старая магия у неё внутри.

— Да и не надо её разбирать, — по-своему понял мои слова Киж, — вы её, Константин Платонович, на пояс повесьте, там и дырочка есть для этого. Вдруг да поможет военными командовать? А как она действует, не суть важно.

Определённый резон в его словах был. Если старинный артефакт сегодня хоть чуточку поможет, то будет уже неплохо. Так что я зацепил её за ремень и сдвинул набок, чтобы не мешалась.

— Во, другое дело, — одобрил мертвец, — вы теперь и сами будто генерал смотрите. Ей-богу, не вру, Константин Платонович!

— Идём, времени нет попусту трепаться.

* * *

То ли и правда пайцза сработала, то ли я оказался на редкость убедительным, но братья Орловы без возражений приняли мой план. Лишь добавили некоторые детали да предложили, как лучше согласовать всё по времени.

— Значит, так. Подводим итог. Я еду в Петергоф и привожу в Петербург Екатерину. Алексей поднимает гвардейские полки, а Григорий возьмёт на себя Панина и прочих наших.

По губам Григория скользнула улыбка. Он тоже, как и я, не считал Панина и других царедворцев «своими», а только временными «попутчиками».

— Не забудь сообщить Волконскому, чтобы поднял конную гвардию.

— С этим будет тяжело, — Алексей поморщился, — он там один, остальные офицеры могут не поддержать.

— Разрешите, Константин Платонович, — неожиданно вскочил Васька, почёсывавший Мурзилку, развалившегося на диване. — В ентой конной гвардии я солдат знаю, могу им весточку передать да слово верное.

— Очень хорошо, тогда займись немедленно, времени почти нет. Дмитрий Иванович, мой дормез где стоит?

— Ждёт вас внизу, — Киж осклабился. — Как знал, что понадобится.

— Тогда начинаем, судари.

— С богом!

Мурзилка спрыгнул с дивана, подошёл ко мне и требовательно мяукнул.

— Что? Со мной хочешь?

Кот муркнул и потёрся о ногу.

— Ладно, возьму, познакомлю с императрицей.

Орловы хором рассмеялись.

— Костя, ты даже кота себе невообразимого завёл. Да ещё и Кате его показывать будешь. Не боишься, что она его себе заберёт?

— Этот кот сам кого хочешь заберёт, если уж на то пошло. Всё, двинулись.

Дормез, запряжённый четвёркой механических лошадей, стоял за углом Орловского дома. На козлах сидел Ермолайка, тут же соскочивший на землю при моём появлении.

— Добрый вечер, Константин Платонович, — он поклонился и распахнул дверь. — Очень рад видеть вас в здравии.

— И я тебя, дружок. Не усидел в Злобино?

— Да как можно, барин? Куда вы, туда и я, для того и служу, чтобы вам полезным быть.

— Тогда закрывай, я с тобой на козлах сяду.

— А...

— Дорогу ты не знаешь, так что буду её показывать.

Усевшись рядом с возницей, я вытащил из кармана табакерку и отстучал Тане с Сашкой: «Еду к вам. Подготовьте одежду императрицы, срочно едем в Петербург». Подождал минуту и снова отправил сообщение. Но ответом была тишина, и ни единого знака телеграфной азбуки табакерка в ответ не отстучала.

Глава 19

Петергоф

Дормез нёсся по ночной дороге, а я отбивал и отбивал тревожный сигнал. Крышка табакерки щёлкала, высекая искры, но ответа так и не было. Меня начало мелко потряхивать от мыслей, что там могло произойти. Воображение разыгралось не на шутку и подкидывало картины одна страшней другой. Только не об императрице, а о Тане с Сашкой. Если с ними, не дай бог, что-то случилось — всех на андреевский флаг порву!

Уже возле Стрельни табакерка в руке ожила и скороговоркой пропищала:

— «Я здесь».

От неожиданности я не сразу расшифровал сообщение. А затем сразу же отбил ответ.

— «Кто я?»

— «Саша».

— «Что у вас случилось?»

— «Ничего, всё в порядке»

— «Почему не отвечала?»

— «Простите, КП, так получилось».

— «Через полчаса буду у вас. Разбуди Таню. Приготовь дорожный костюм для императрицы. Сразу выезжаем в Петербург».

— «Поняла, всё сделаю».

— «Приступай. Конец связи».

Я облегчённо выдохнул. Всё в порядке с Таней, зря только волновался. А Сашке надо всыпать горячих за то, что не отвечала на вызов. Больше чем уверен — заснула и ничего не слышала. Придётся сделать внушение, если на это найдётся время.

Табакерка снова ожила и отбила:

— «Подъезжайте к входу со стороны гротов. Таня встретит вас и проводит».

— «Добро».

Вот, сразу видно — Таня проснулась и тотчас взялась за дело. У неё талант всё схватывать на лету и действовать без раскачки.

— Сюда поворачивай, — указал я Ермолайке, и дормез

свернул на боковую дорогу.

К Петергофскому дворцу мы подъехали совершенно свободно. Никаких караулов, никаких шлагбаумов. Император не заботился о безопасности нелюбимой супруги и не удосужился прислать охрану даже из своих голштинцев. Заходи кто хочешь, бери что нравится. Вот я и загляну на огонёк, раз ему не надо, и заберу отсюда императрицу.

Чуть-чуть поплутав по дорожкам парка, мы наконец нашли нужный проезд и выкатились к дворцу. Искать в темноте вход не пришлось — впереди мелькнул свет фонаря и я увидел Таню. В плаще с капюшоном, она кинулась нам навстречу, и я спрыгнул на землю, не дожидаясь, пока Ермолайка остановит дормез.

— Костя!

Таня налетела на меня вихрем, обняла и прижалась к груди.

— Костя, я так волновалась! С тобой всё в порядке?

Я не стал ничего говорить и поцеловал её долгим нежным поцелуем.

— Всё в порядке, пойдём. У нас совершенно нет времени. — Взяв её под руку, я обернулся и бросил вознице: — Жди здесь, мы скоро.

Вход во дворец всё же охранял караул гвардейцев. Но они только скользнули по мне сонными взглядами и не сказали ни слова. Впрочем, такие сторожа были мне на руку — не придётся задерживаться и объясняться, что я здесь делаю.

Пока мы поднимались на второй этаж и шли к покоям императрицы, я коротко обрисовал Тане ситуацию.

— Вы поедете в Петербург?

— Мы, все вместе — ты, Саша и Екатерина. Будете неотлучно с императрицей, заодно посмотрите, кто к ней будет приходить.

Таня кивнула.

— Разговоры законспектировать?

— Только незаметно. Постарайтесь, чтобы Екатерина не видела вашего интереса.

— Сюда, Константин Платонович.

Мы свернули в боковую галерею и оказались перед ещё одним постом гвардейцев. Но и эти никак не отреагировали, будто спали с открытыми глазами. Таня приложила палец к губам, и мы тихо проскользнули мимо них в покои

императрицы.

* * *

— Константин Платонович!

В первой комнате находилась только одна Сашка, и она тут же бросилась ко мне.

— Константин Платонович, — шёпотом затараторила она, — простите, я виновата! Сама не заметила, как заснула...

— Тихо, не кричи. Я так и понял, что заснула.

— Честное слово, больше такого не повторится.

По ней сразу было видно — чувствует свою вину и искренне раскаивается. Я кивнул и со смешком шепнул ей:

— Напомни потом, я тебя в угол на горox поставлю. Императрицу разбудили?

— Да, но она ещё не готова.

— Проводи меня к ней.

В спальню императрицы я вошёл не таясь, грохоча сапогами и освещая себе путь канделябром с тремя свечами. Екатерина сидела на постели, прижимая к груди одеяло и глядя на меня сонными глазами.

— Константин Платонович? — она часто заморгала.

— Да, Ваше Величество, это я. Пора вам встать, всё готово для того, чтобы вас провозгласить.

— Что случилось? Отчего такая спешка?

— Пассек арестован. Нужно торопиться, если мы не хотим, чтобы Пётр Фёдорович утром раскрыл заговор.

Слова подействовали на неё, как чашка кофия. В глазах появилось осмысленное выражение, а губы сжались.

— Вы уверены? Я...

Было заметно, что её гложут сомнения. Всё же она женщина, со своими слабостями, страхами и долей неуверенности. Хотя и говорят, что цверги сделаны из камня, но сейчас Екатерина колебалась, будто тонкое деревце на сильном ветру. Как весы, на одной чаше которых лежало царство и риск лишиться жизни, а на другой бегство и жизнь с Орловым где-нибудь в германских княжествах. И слава богу, что этой ночью к ней приехал я, а не Григорий, а то вторая чаша могла бы и перевесить. Сейчас надо только подтолкнуть её к решительным действиям, дать ей сделать первый шаг, и дальше всё пойдёт

как надо.

— Отбросьте сомнения, государыня.

Я подошёл к кровати.

— Ваши друзья, ваша гвардия и ваши подданные ждут, когда вы возьмёте власть в свои руки. Каждому из нас уготована своя судьба. Моя — быть некромантом, могучим и ужасным. Ваша — править во благо народа. Не мы её выбирали, но должны нести её с честью, не сомневаясь и не оглядываясь. Решайтесь, Ваше Величество.

Бледная, растрёпанная, Екатерина подняла на меня взгляд, несколько мгновений смотрела не отводя глаз, а затем кивнула. Черты лица заострились, в глазах появилась решительность.

— Вы правы, Константин Платонович. Не я выбрала, но мне нести эту ношу до конца. Я поеду с вами в Петербург и сделаю всё, что должно.

Отбросив одеяло, она встала с постели и поёжилась, ощутив под ногами холодный пол.

— Позовите моих камер-фрейлину и статс-даму, Константин Платонович, я буду готова через пять минут.

Поставив канделябр на комод, я поклонился и вышел из комнаты.

Едва я переступил порог, в спальню проскользнула Сашка и плотно закрыла за собой дверь. Со мной осталась Таня, у которой я спросил:

— Екатерина попросила позвать статс-даму и камер-фрейлину. Где они?

Таня тихо рассмеялась.

— Это мы с Сашей. Она статс-дама, а я фрейлина. Екатерина Алексеевна решила дать нам придворные звания, чтобы мы не привлекали внимания.

О как! Однако, мои девчонки растут в чинах покруче иного царедворца.

— Пить хочешь? Там, — Таня указала в соседнюю комнату, — в буфете посмотри, что-то с вечера осталось. А мы пока Екатерине Алексеевне поможем собраться.

Из другой двери выскользнула некрасивая девица, которую я уже видел у Екатерины. Держа в руках мундир Преображенского полка, она беззвучно юркнула в спальню, а следом за ней там же исчезла и Таня. А я воспользовался

приглашением и покопался в императорском буфете.

После ночной поездки и переживаний хотелось не только пить, но и есть. Так что я соорудил себе бутерброд с ветчиной и налил стакан морса. Всё равно, если я что-то понимаю в женщинах, пятью минутами не ограничусь. Переворот переворотом, а выглядеть надо императрицей, а не растрёпанной крестьянкой.

* * *

С бутербродом в одной руке и стаканом в другой я подошёл к окну. Вид открывался на противоположную сторону от дворца — Верхний сад. Дорожки, широкая прямая аллея, ровные ряды подстриженных деревьев. В лунном свете всё это казалось декорацией к сказке. А огоньки, появившиеся на аллее, походили на стайку летящих фей. Вот только феи не водят за собой толпу вооружённых мужчин и ружейная сталь не блестит хищной рыбой в их волшебном сиянии.

Бросив бутерброд и стакан, я кинулся к спальне императрицы.

— Ой!

Оттуда как раз выходила Сашка, но налетела на меня и чуть не упала.

— Быстро! Нужно уходить!

— А...

— Бросайте всё, немедленно. Бегом!

Из комнаты показалась Екатерина, на ходу застёгивая пуговицы.

— Что случилось, Константин Платонович? Я уже...

В этот момент снаружи донеслись первые выстрелы «огнебоев», и императрица вздрогнула.

— Как...

— Быстро! Саша, Таня, уводите Екатерину Алексеевну к дормезу. Ну же, вперёд! Я вас догоню.

Убедившись, что они меня поняли, я метнулся обратно к окну. Неизвестные нападающие с расстояния в сотню шагов расстреляли караул гвардейцев и теперь быстрым шагом приближались к входу во дворец. Факелы в их руках напоминали уже не фей, а крошечных демонов.

Анубис хотел подсунуть мне Последний довод, но я

отказался. Среди нападавших были маги, и чистой силой их даже не поцарапаешь. А если grand wand'ом метнуть Знак, то от дворца останутся только развалины.

Я сунул руку под камзол и отцепил от кобуры Нервного принца. Вот он будет в самый раз для такой ситуации! Ударом ладони я распахнул створки окна, отчего стёкла жалобно зазвенели, и поднял middle wand. Принц не стал упрямиться, загудел, принял силу от Анубиса и швырнул в нападавших связку из Знаков Огня.

Пламенное колесо с воем разорвало ночь и взорвалось прямо на аллее, взметнув в небо фонтан из земли, песка и бордюрных камней. В свете пламени я заметил, как разбегаются в разные стороны уцелевшие враги. А затем из-за деревьев загрохотали выстрелы «огнебоев».

Пригнувшись, чтобы не зацепило выстрелами, я рванул к буфету. Схватил графин с остатками морса и кинулся прочь из покоев императрицы. Нет, сейчас не время разбираться с неизвестными, главное, вывести Екатерину.

В дверях застыли гвардейцы с оружием в руках. Они не понимали, что происходит, и хлопали глазами, а вот их руки сами по себе, на автоматизме, ставили «огнебои» на взвод.

— На дворец напали пруссаки! — крикнул я им первое, что пришло в голову. — Мы должны защитить императрицу! За мной!

На поясе в такт моим словам завибрировала пайцза. Гвардейцы рывкнули «так точно!» и последовали за мной.

— Ты! — на ходу я указал на одного пальцем. — Прикажи прислуге и всем, кто тут есть, чтобы убегали из дворца. Здесь может начаться пожар. Понял? Бегом!

Со вторым гвардейцем я спустился по лестнице на первый этаж.

— Где выход в Верхний сад?

— Там, ваше сиятельство.

Я не стал его поправлять и повернул в указанную сторону. Но не успел сделать и двух шагов, как оттуда раздались выстрелы.

Защитные контуры Таланта вовремя предупредили, и я успел нырнуть за мраморную колонну. А вот гвардейцу не повезло — выстрелы ударили его в грудь, и он рухнул на пол уже мёртвый.

— Вперёд!

Голос невидимого командира рыкнул на чистом русском языке, и в темноте загрохотали сапоги нападавших.

— Циркулярки.

Зло улыбнувшись, я выплеснул в сторону нападавших морс из графина, который так и не выпустил из рук.

Анубису было всё равно, из чего создавать вращающиеся диски-пилы. Морс годился не хуже, чем морская вода. С визгом десятков водяных снарядов унёсся в темноту, откуда раздались крики и дикий вой. Я выглянул из-за колонны и тут же отвернулся. Стены широкого коридора были забрызганы кровью, а на полу валялись отрубленные руки, ноги и головы. Какие-то обрубки дёргались, другие вопили, а один высокий голос принялся читать отходную молитву.

— Вперёд, я сказал! Выставить щиты!

Ещё одна группа нападающих двинулась в мою сторону. Я потянулся за плетью Скудельницы, но не успел даже коснуться её.

— Вперё-о-о-о...

Голос командира оборвался и зазвенела сталь. Я снова осторожно выглянул из укрытия и ухмыльнулся. Среди нападавших танцевала гибкая тень, рубя палашом направо и налево. И лицо у этой тени было лицом счастливого Киж, дорвавшегося до любимого дела.

Глава 20

Час тигра

Мимо пронёсся стремительный вихрь, в темноте скорее серо-полосатый, а не рыжий. Видимо, Мурзилке надоело ждать в дормезе и он решил присоединиться к нашему веселью. С громким мявом кот прыгнул на одного из нападавших, взлетел по одежде вверх и обхватил голову четырьмя лапами. Во все стороны полетели тёмные брызги, человек бросил оружие и, неистово вопя, схватился за лицо. А кот уже прыгнул на следующую жертву. Я тоже не остался в стороне от драки и срубил пару нападающих водяными «пилами». Только основой для них служила не вода, а кровь уже убитых врагов. Жуткое оружие, должен вам сказать. А вот Анубис был просто в восторге от такой самоподдерживающейся бойни — визжал и требовал продолжения «пиршества» смерти.

Бумс!

Пришлось зажмуриться от яркой вспышки. Вражеские маги ударили сразу десятком огненных всполохов, залив коридор пламенем. К счастью, кот вовремя успел сбежать, а Киж прикрывшись от жара телом своего противника.

Не знаю, о чём думали эти доморощенные пироманты, но галерею заволокло дымом. А затем в тёмной глубине полыхнул самый обыкновенный пожар. Гудя, пламя взметнулось по стенам до потолка, отрезая нападавших огненным валом. Ну всё, пропал Большой Петергофский дворец. Сгорит, как пить дать, сгорит!

Мурзилка первым кинулся к выходу, возмущённо вопя на ходу. Следом из дыма вынырнул Киж, всклокоченный, с сверкающими боевым азартом глазами и недовольный прерванной схваткой. Потушив тлеющий рукав, он обернулся с явным намерением добраться до оставшихся врагов.

— Дима! Уходим!

Дождаться его я не стал — он мёртвый, дышать ему не требуется, а вот у меня горло уже першило от дыма. Следом за Мурзилкой я рванул к дверям со всей возможной скоростью.

Через несколько мгновений меня догнал Киж.

— Как я вовремя, а?! — заорал он восторженно, тряся обнажённым палашом.

Мы выбежали из дворца и тут же остановились, чтобы закрыть двери. Я взмахнул Нервным принцем и размашистыми движениями нарисовал поверх них пару Печатей и Знаков. Так сказать, прощальный сюрприз для наших преследователей.

— Константин Платонович!

Около дормеза, шагах в тридцати от нас, стояла Таня и размахивала руками. Из-за открытой дверцы выглядывала рыжая голова и голосила во всё горло.

— Мы здесь, Константин Платонович!

— Вперёд! — скомандовал я Кижу. — Пока эти до нас не добрались.

— Если что, я останусь и задержу их.

— Все уедем, — бросил я на бегу, — никакой самостоятельности.

Убить Киж, конечно, непросто, но спалить магией могут запросто. А я его терять не собирался.

Видя, что мы уже близко, Таня быстро юркнула в дормез. Следом за ней в экипаж запрыгнул Мурзилка. А я, подбежав, захлопнул дверцу и сразу же полез на козлы.

— Ермолайка, гони!

Возница только этого и ждал. Щёлкнули вожжи, и экипаж покатился вперёд, набирая скорость. Киж, усевшись рядом со мной, обернулся.

— Вроде отстали.

В ту же секунду за спиной громыхнул взрыв. Запертые мной двери дворца превратились в огненный шар и расплескались пламенем во все стороны. А, получилось! Как вам такое, судари?

Дормез свернул на боковую дорожку, и пылающее здание скрылось за деревьями.

— Спасибо, Дмитрий Иванович, знатно помог.

— Всегда к вашим услугам, — Киж осклабился и кивнул. — Не мог пропустить такое веселье.

— Кто это такие, не разглядел?

— Опричники чьи-то, — Киж безразлично пожал плечами. — Когда рубил их, не до выяснения было.

— Уверен? Точно не военные?

— Не, тех я за версту чую. А здесь, — он щёлкнул пальцами, — что-то другое, Константин Платонович. Слова у них чуть другие, не как у нас говорят. Вроде и по-русски, но

проскальзывает эдакое.

— Например?

— Ну, — Киж поморщился, — шевелись, гнус; вперёд, кулёма; куржаком их бей.

Вспомнилось, что где-то подобное я уже слышал. Кажется, такие словечки употреблял один из новых людей Камбова, долго тянувший лямку в Сибири. Да, пожалуй, это действительно опричники. Причём, вызванные из-за Урала из родовых владений. А значит — в игру вступили те самые старые семьи, желающие возвести на трон своего кандидата. Как вернёмся в Петербург, надо срочно дёрнуть Шешковского: пусть землю носом роет, но найдёт этих сударей.

Дормез летел через ночь под грохот колёс и топот лошадей. Через тьму самого глухого времени ночи — часа тигра. Час, когда дверь в доме должна быть заперта от неожиданных гостей, а часовым предписывается быть особо бдительными.

Едва мы выехали из Петергофа, как я услышал шорох чёрного песка, падающего в песочные часы моей жизни. Год, другой, третий... Видимо, мои водяные пилы положили сегодня немало Талантов.

Едва песок смолк, меня накрыла волна морока, и я провалился за грань.

* * *

Здесь ничего не изменилось с прошлого раза, да и не могло измениться. Туман, тишина и ломкая сухая трава под ногами.

— Очень хорошо.

На этот раз Хозяйка не стала томить ожиданием и появилась сразу же, как всегда за моим левым плечом. Я обернулся и поклонился.

— Доброй ночи, госпожа.

— Очень доброй, — Хозяйка улыбнулась. — Ты славно потрудился, и я решила лично похвалить тебя.

Она протянула руку и пригладила ладонью мои всклокоченные волосы. Такой домашний жест, но от её прикосновения даже на ресницах появился иней.

— Молодец, ты просто молодец! Ты правильно сделал, что отказался от власти. Можешь считать, что прошёл ещё одно испытание и получил от меня следующий чин. У меня на тебя

большие планы, Константин.

В горле запершило. Новый чин? А может, и не стоило тогда отказываться? По спине даже мурашки побежали от таких перспектив. Планы Хозяйки обычно связаны сами знаете с чем.

— Сегодня началась большая жатва, — продолжила Хозяйка, оправдывая мои худшие подозрения. — Постарайся, жнец, собрать как можно больше Талантов.

Она увидела выражение моего лица и горько усмехнулась.

— Ты думаешь, я жажду смерти всех живущих? Без разбора? Нет, мой милый, вовсе нет. Я — Великая Уравнительница, а не жадный палач. Каждый придёт ко мне в свой срок, и нет никакой нужды его торопить.

— Тогда почему...

— Я посылаю тебя на жатву? — закончила она фразу за меня. — На это имеется серьёзная причина. Среди людей есть те, кто носит в себе дар Павших, который вы называете Талантом. Они нарушают великую гармонию жизни и смерти. Нет, дело вовсе не в вашей смешной магии, а в том, что они живут дольше отмеренного. И хуже всего, что, убивая, они воруют часть отнятой жизни. Присмотрись внимательно, и ты увидишь это.

— Что за Павшие?

— Хочешь много знать, бродяга?

— Бро...

— Я прекрасно знаю, кто ты такой и откуда пришёл. — В её глазах зажглись озорные искорки. — Ты ведь уже был на этом поле до нашей первой встречи. Ведь так? И сбежал отсюда по моему допущению. Да-да, бродяга, это я позволила тебе начать всё сначала.

Она приложила палец к моим губам, отчего на них появилась изморозь.

— Тшш! Больше никаких вопросов. Закончи начатую жатву, и я расскажу. И о Павших, и о Талантах, и о том, что я для тебя приготовила. А теперь возвращайся, тебя ждут.

* * *

— Константин Платонович!

Киж потряс меня за плечо, и я очнулся от морока. На губах таяли последние иголки инея, а перед глазами стояли серые

сумерки раннего утра.

— Константин Платонович, погоня!

Я обернулся и привстал на козлах. Ёшки-матрёшки, точно погоня! Где-то в полуверсте позади за нами неслась группа всадников, на скаку снимая с ремней «огнебои» и собираясь стрелять.

— Сейчас разберёмся.

Залезать на крышу несущегося на полной скорости дормеза — настоящее самоубийство. Случайная кочка, попавшая под колесо, — и отправишься полетать в придорожную канаву, переломав кости или свернув шею. Так что сначала пришлось вытащить small wand и нарисовать на плоской крыше деланную связку «Липкая паутина». Отличное средство, если надо удержаться на скользкой или неустойчивой поверхности.

Сапоги будто обхватила невидимая трясина, не давая оторвать подошву от крыши. Теперь сделать три шага вперёд, опуститься на одно колено для устойчивости и достать Нервного принца. Ну-с, милостивый государь, вы по-прежнему не желаете работать с Анубисом?

Жезл, подтверждая прозвище, сердито завибрировал, не собираясь подчиняться Таланту. Мерзкий характер прошлого владельца так глубоко впечатался в структуры middle wand'a, что работать с ним было даже опасно. Но я рассчитывал повернуть небольшой фокус и обратить недостаток себе на пользу.

Преследователи увидели мою фигуру и открыли беспорядочный огонь. Поставив щит, я поднял Нервного принца двумя руками, пробудил Анубиса и послал эфир в жезл напрямую. Как и ожидалось, тот заартачился, отказываясь принимать силу от Таланта. Навершие жезла окуталось язычками горящего эфира, а в нос ударил запах «перегара». Ага, дружок, этого-то мне и надо!

Я усилил нажим, посылая в жезл всё больше и больше силы, пока middle wand не перегрузился и полыхнул струёй магического пламени. Да! Ещё! Анубис понял мою задумку и выдал полную мощность.

Столп яростного огня длиной в три сотни шагов ударил из жезла. Гудящая струя адского гейзера рванулась к преследователям и превратила дорогу в преисподнюю. Всадники вспыхнули, мгновенно истаивая, как льдинки на

июльском солнце, и рассыпались прахом. Только стальные лошади ещё продолжали бешеную скачку, плавясь в нестерпимом сиянии и роняя на землю струи расплавленного металла.

Оборвав поток эфира, я зажмурился. Глаза, ослеплённые огненным штормом, даже под закрытыми веками продолжали видеть распахнутый ад и пылающие тени. Ничего себе я зажёл! Отличный приём, только жезл слишком уж раскаляется и обжигает ладони. Но ради такого мощного удара можно и потерпеть.

— Константин Платонович! — Голос Киж вырвал меня из транса. — С вами всё в порядке?

Я открыл глаза, обернулся и показал мертвецу кулак с оттопыренным большим пальцем.

— Вам помочь?

Если честно, резкое опустошение резерва оказалось крайне утомительным. Подняться и вернуться на козлы, преодолевая сопротивление «Липкой паутины», далось с большим трудом. В конце пути спина была мокрая от пота и рубашка неприятно липла к телу.

— Ну вы дали! — Киж, видя моё состояние, вытащил свою драгоценную фляжку и сунул мне в руку. — Константин Платонович, отлично запалили! Даже лучше, чем на стрельбище. Новое заклинание?

Сделав хороший глоток из фляги, я кивнул.

— Новое, ага.

Мертвец забрал свою «прелесть» и тоже приложился к горлышку.

— Никогда не видел такого пламени, да ещё с такой дистанции. Даже лошадей расплавил!

Он всё продолжал восхищаться уничтожением погони, а я сидел и молча смотрел на дорогу в серых утренних сумерках. Внутри разливалось тепло от выпитого, напряжение отпускало, а в резерв потёк свежий эфир, возмеща потраченное. Хорошо-то как!

— О, и эти здесь!

Киж вытянул руку, указывая вперёд. Навстречу катился открытый экипаж, в котором стоял Григорий Орлов и размахивал руками. Рядом сидел Барятинский с активированным Талантом и «огнебоем» в руках.

— Ермолайка, останови.

Экипаж тоже остановился, Орлов выпрыгнул на землю и бегом кинулся к дормезу. Пришлось и мне спускаться, чтобы не орать ему сверху.

— Всё в порядке? Она здесь? — Орлов был возбуждён и крайне обеспокоен.

— Здесь, успокойся.

Дверь дормеза распахнулась, и оттуда выпорхнула Екатерина.

— Гриша!

Пришлось тактично отвернуться, чтобы соблюсти приличия. Хотя им было наплевать, смотрит ли кто-то на их нежности. Но слишком долго миловаться я этой сладкой парочке не дал.

— Екатерина Алексеевна, надо ехать, у нас мало времени. Гриша, садись в дормез, а я поеду с Барятинским. Дмитрий Иванович, заberi у Григория Григорьевича ружьё, тебе оно сейчас больше пригодится.

Князь Барятинский явно нервничал, и только мы тронулись, как он зашептал мне:

— Константин Платонович, в гвардии смута. Часть офицеров не удалось убедить, и они отказались поддержать Екатерину Алексеевну. Боюсь, может дойти до стрельбы.

Глава 21

Измайловцы

— Рассказывайте, что у вас там произошло, Фёдор Сергеевич.

Барятинский поморщился.

— Вначале всё пошло гладко. Приехал Григорий и объявил, что срочно начинаем действовать. Мы подняли верных офицеров и послали за теми, кто был в городе. Переоделись в старые елизаветинские мундиры и стали поднимать солдат.

— Фёдор Сергеевич, простите, что перебиваю, не понял насчёт мундиров. Зачем вы переодевались?

Барятинский посмотрел с возмущением.

— Вы что, не знаете?! Пётр всей гвардии заменил мундиры на прусские! Такой позор, будто это мы Фридриху проиграли. Старые приказано было сжечь, но мы специально их спрятали на такой случай и солдат подговорили.

Ох уж эти военные! У них, оказывается, из-за формы одежды на Петра обида. Такая мелочь вроде бы, а довела до переворота. Практически гвоздь, пропавший из кузницы. Но князю отпускать подобные измышления я не стал: он человек толковый, но служака и к таким вещам относится трепетно.

— Благодарю за пояснения, Фёдор Сергеевич, теперь понятно. Меня не было в столице, и про смену мундиров не слышал.

Барятинский удовлетворённо кивнул и продолжил:

— Пока мы призывали солдат защитить императрицу, появились несколько офицеров, не участвовавших в подготовке. Один из них начал кричать, что мы предатели, и приказал всех арестовать.

— Кто именно?

— Иван Черкасов.

Ух ты, старый знакомый! Помню, как же — друг покойного Девиера, но человек честный.

— А сам он, — Барятинский скривился, — взял коня и умчался, крикнув, что должен предупредить императора.

— Надо было его пристрелить.

— Нет, Константин Платонович, там и так ситуация была на грани взрыва. Мы чуть с остальными драться не начали, когда они арестовать Григория попытались. Но их меньше оказалось,

и они заперлись в полковой канцелярии.

— Сколько их там?

— Несколько офицеров и три десятка солдат.

— Ерунда, с ними легко будет справиться.

Барятинский передёрнул плечами.

— Только прошу, Константин Платонович, постарайтесь не доводить до крови. Очень дурно выйдет, если гвардия начнёт своих убивать.

По взгляду князя было видно — он беспокоится, что я не буду разговаривать и просто уничтожу непокорных гвардейцев. Да уж, специфическая у меня репутация сложилась. С другой стороны, такая слава охраняет не хуже сторожевых контуров Таланта. А гвардейцев, оставшихся верными Петру, я в любом случае собирался посадить под замок. Ссориться с их семьями будет себе дороже, пусть Екатерина потом решает, что с ними делать.

— Сделаю всё, что смогу, Фёдор Сергеевич. Что в остальных полках?

— Измайловцы и семёновцы на нашей стороне, с ними никаких проблем не возникло. Арестовать пришлось только одного дурака, чтобы его свои же не побили.

— Очень хорошо. Я правильно помню, что мы как раз будем проезжать мимо Измайловского полка?

Барятинский кивнул.

— Тогда с него и начнём.

С проблемным Преображенским полком я решил разобраться чуть позже. Сначала надо обеспечить Екатерине охрану, а измайловцы и семёновцы отлично для этого подойдут.

* * *

Казармы измайловцев располагались как раз на въезде в Петербург, мимо никак не проедешь. Часовому у ворот оказалось достаточно увидеть Барятинского в офицерском мундире, чтобы он сразу поднял полосатый шлагбаум и пропустил нас, не задавая никаких вопросов.

Над пустым плацем звонко разлетелись стук копыт лошадей и грохот колёс. Десяток солдат, стоявших перед казармой, с ленивым интересом разглядывали нашу кавалькаду и вели себя

так, словно никакого переворота и не было.

— Фёдор Семёнович, а вы уверены, что измайловцы на нашей стороне? — спросил я. — Их точно предупреждали?

Барятинский хмыкнул с лёгким снобизмом.

— Посмотрите, Константин Платонович. Видите? Они тоже переоделись в прежние мундиры! Значит, полк однозначно за Екатерину Алексеевну.

Он оказался прав на все сто. Едва императрица вышла из дормеза, как солдаты пришли в неописуемый восторг.

— Матушка!

— Императрица!

С криками они кинулись к Екатерине, окружили и принялись целовать ей руки, платье, падали на колени с безумным счастьем на лицах. Один из солдат схватил барабан и с совершенно очумелым видом начал бить тревогу. Тут же из казарм повалили другие измайловцы, и я буквально оглох от криков и восторженных воплей. Кажется, весь полк был здесь — солдаты и офицеры запрудили плац.

Возле Екатерины началось дикое столпотворение, так что я даже забеспокоился, чтобы её не затоптали в этой давке. Протиснувшись между гвардейцев, я отыскал Орлова и заорал ему в ухо, перекрикивая гомон:

— Отведи Екатерину в экипаж, чтобы все видели!

Орлов обернулся, пару секунд соображал, что я от него хочу, и, наконец, кивнул. Такая операция не доставила много хлопот — со своим ростом и телосложением, он легко проложил путь через толпу, подхватил Екатерину под руку и потянул за собой на буксире. Я старался не отставать и успевал проскочить до того, как гвардейцы смыкалась за ними.

Едва Екатерина встала в полный рост в открытом экипаже, её увидели все измайловцы и дружно закричали, приветствуя императрицу с восторгом и обожанием. Я заметил, что она замешкалась, оглушённая шумом, и решил немного помочь. Вскочив в коляску, встал рядом с ней и поднял руку.

— Измайловцы!

Анубис уловил момент и усилил мой голос, позволив перекричать всех. Гвардейцы смолкли и обратили взгляды на меня.

— Я полковник Константин Урусов! Это я убил нашего врага Фридриха, взял Берлин и закончил войну с пруссаками.

В ответ донёлся одобрителный гул — меня узнали. Очень хорошо!

— Сегодня ночью на нашу государыню совершено подлое нападение. Негодяи атаковали Петергофский дворец, убивая караульных, стреляя без разбору даже в женщин, они пытались добраться до матушки-императрицы!

Волна возмущения пробежала по толпе. Я не стал жалеть слов и в красках описал, как ночью пришлось отбиваться. Не называя напрямую, достаточно ясно намекнул, что это император хотел убить свою жену. Сейчас мне требовалась эта ложь, чтобы возбудить гвардейцев и настроить их на решительные действия. Тем более я ведь не знал точно, кто стоит за теми людьми.

— Кто защитит Екатерину Алексеевну? Кто сможет оградить её от подлости?

Толпа уже ревела, перекрикивая даже магически усиленный голос. Измайловцы завелись и рвались биться за свою императрицу. Екатерина почувствовала правильный момент, перехватила моё выступление и обратилась к гвардейцам, прося у них защиты для себя и наследника. Солдаты хором принялись клясться, что встанут стеной и «оборонят от любых супостатов». Я слышал выкрики, обещавшие застрелить Петра и перебить всех его голштинцев — император у собственной гвардии пользовался особой «любовью».

Офицеры привели полкового священника, эдакого здоровяка ростом с Орлова. Размахивая крестом, он легко проложил себе путь через сутолку и оказался возле экипажа.

— Братцы! — басом заголосил он. Голос его, без капли магии, легко накрыл весь плац. — Дадим присягу матушке-императрице! Стройся!

Следом подключились офицеры, наводя порядок и собирая свои роты. За какие-то четверть часа на плацу выстроились ровные ряды Измайловского полка. С развёрнутыми знамёнами, при оружии, готовые прямо сейчас доказать делом свою преданность. Первый из гвардейских полков присягнул на верность Екатерине.

Вот чего не отнять у военных, так это умения организовать ритуалы. Получилось красиво и величественно, как и полагается. Но, наблюдая за гвардейцами, я испытывал некоторые сомнения: а будут ли они также решительно

драться, если понадобится? И не только с Петровскими голштинцами, но и с матёрыми опричниками старых родов. Я подозревал, что многие из них не переживут этот переворот — Хозяйка сказала, что жатва только началась, и, значит, крови должно пролиться ещё много.

* * *

Пока измайловцы присягали императрице, я нашёл Орлова и тихонько с ним переговорил.

— Как всё закончится, берите весь полк и двигайтесь к Семёновцам. Надо их тоже брать побыстрее.

Орлов кивнул и хлопнул меня по плечу.

— А здорово ты сказал! Прямо как генерал!

По его взгляду сразу было ясно — Григорий окончательно признал моё старшинство и готов был выполнять поставленные задачи. Что же, меня такой вариант вполне устраивал.

— Возьмёте Семёновский полк и направляйтесь к Казанскому собору. Помнишь, как мы планировали?

— Сделаю, всё помню. А ты?

— А я поскачу в Преображенский, помогу разобраться с несогласными.

— Точно! — Орлов хлопнул себя бедру. — Там ведь Алексей сейчас! Он давно должен был выдвинуть полк нам навстречу.

— Вот-вот. Похоже у них там что-то пошло наперекосяк. Так что поеду и посодействую с наведением порядка.

— Костя, только не переусердствуй, я тебя очень прошу.

— Гриша, и ты туда же? Кто тебе сказал, что я убиваю направо и налево?

Орлов замялся и отвёл глаза.

— Все знают, что характер у тебя крутой.

Я не стал с ним спорить. Пусть думает, что хочет!

— Двух коней можешь мне найти?

— Да запросто! Сейчас у измайловцев одолжим, подожди пять минут.

Орлов отправился добывать лошадей, а я за это время успел увидаться с Таней.

— Костенька, тебя не ранили? — она с волнением принялась меня осматривать. — Я за тебя в Петергофе сильно волновалась! А Екатерина Алексеевна сказала, что тебе орден

надо дать за такое геройство.

— Всё в порядке, не переживай. — Взяв её руку, я поцеловал кончики тонких пальцев. — Очень тебя прошу, держись рядом с Екатериной. Если что, сразу мне телеграфируй. А если начнётся стрельба — прячьтесь с Сашкой и не высовывайтесь. Пригляди за ней, а то наша статс-дама слишком уж загорелась боевым пылом.

Я кивнул на Александру. Та напряжённо следила за гвардейцами, приносящими присягу. Лицо у неё при этом было такое, будто она сама хотела взять «огнебой», надеть мундир и встать в строй.

— Ты тоже береги себя. Обещаешь?

— Обязательно. Сделаю всё, что смогу. — Я наклонился и шепнул ей на ухо: — Только чтобы увидеться с тобой снова.

По её щекам побежал румянец, и Таня послала мне взгляд, полный обещания и страсти.

* * *

Еще во время речи императрицы перед гвардейцами, у меня появилась навязчивая мысль, будто мы упускаем что-то важное. И только когда измайловцы закончили присягать, вдруг стукнуло — наследник! А собственно, где он сейчас? И кто его охраняет в такой напряжённый момент? Если на Екатерину напали, то почему бы заговорщикам не попытаться устранить и Павла?

Пришлось протискиваться обратно к экипажу, оттереть стоявших там офицеров и спросить Екатерину. Возбуждённая и занятая совершенно другими мыслями, она не сразу поняла, чего я хочу.

— В Летнем дворце, кажется.

Судя по её голосу, она не слишком любила сына и не беспокоилась о нём. А ведь без него любые её притязания на трон будут очень шаткими.

— Кто его охраняет?

— Дворцовые караулы, из преображенцев.

— Очень плохо. Нужно срочно усилить их, чтобы не повторилась Петергофская история.

Екатерина в момент поняла, о чём я беспокоюсь.

— Константин Платонович, возьмите роту измайловцев...

— Защитить Павла есть кем. Но требуется бумага — во дворце меня не знают и без вашей подписи просто не пустят.

Екатерина кивнула, подозвала одного из офицеров и приказала принести перо и бумагу. Через пять минут у меня в руках был указ, позволявший взять Летний дворец и наследника под защиту. По моей просьбе Екатерина не стала указывать имя и просто написала: «Податель сего действует по моему приказу и во благо России». По-моему, самая подходящая формулировка для нынешних событий!

Глава 22

Преображенцы

Орлов, как и обещал, нашёл двух лошадей. Только не механических, а самых что ни на есть живых, из мяса и костей. Я взял себе покладистого мышастого жеребца, а вот Кижу досталась наглая рыжая скотина, пытавшаяся его даже укусить. Но мертвец только хмыкнул и ледяным тоном пообещал:

— Будешь шалить — пойдёшь на колбасу.

Лошадь покосилась на него, всхрапнула и больше никаких фортелей не выкидывала.

Не дожидаясь, пока Екатерина с измайловцами двинется дальше, мы выехали из расположения полка в Петербург.

— Значит, так, Дмитрий Иванович. Я еду разбираться с преображенцами, а затем к Казанскому собору, куда должна прибыть императрица. А для тебя есть отдельная задача.

Киж кинул на меня неодобрительный взгляд и пробурчал:

— Постоянно вы меня куда-то отправляете, Константин Платонович. А вас кто охранять будет?

— Сам справлюсь, не маленький. А ты — дополнительная пара моих рук и острый клинок, которые окажутся там, куда я сам не успеваю.

Он демонстративно вздохнул, но спорить не стал.

— Слушай, что надо сделать. Скачешь во весь опор, берёшь Еропкиных и выдвигаешься с ними к Летнему дворцу. Твоя задача — взять под охрану наследника. Головой отвечаешь за его жизнь, понял?

— Дворец взять штурмом? — Во взгляде Киж появилось кровожадное пламя.

— Дмитрий Иванович, окстись! Никаких штурмов и побоищ. Держи, — я отдал ему указ, подписанный императрицей, — чтобы никто не сомневался в твоих полномочиях.

— О! — он уважительно кивнул, прочитав формулировку. — С таким документом я весь Петербург могу...

— Твоё дело только наследник, и ничего больше. Бумагу из рук не выпускай, во избежание. Понял? Тогда вперёд, действуй!

Киж коротко поклонился в седле, ударил лошадь пятками и ускорился выполнять поручение. Я тоже не стал задерживаться и отправился на Литейный, в слободу Преображенского полка.

Караул на въезде отказался меня впустить. Солдаты, хмурые и нервные, заявили, что у них приказ. Не велено, и точка!

— Вызови капитан-поручика Бредихина.

В этот момент из-за спин караульных послышалось несколько выстрелов.

— Ваше благородие, — гвардеец нервно обернулся и перекрестился, — не до вас сейчас ему. Шли бы вы с богом, пока чего не приключилось.

На меня накатила злая решительность. Значит, не пускать? Я спрыгнул с седла на землю, собираясь попасть в полковую слободу даже против воли караульных. Но в этот момент пайцза на поясе тихонько завибрировала. Включив магическое зрение, я увидел, как от неё ширится еле заметная эфирная аура и волнами исходит беззвучный ментальный приказ «Внимание и повиновение». Ты смотри, как интересно! В прошлый раз я не заметил таких подробностей. Ну-ка, проверим.

— Смирно!

Гвардейцы-караульные мгновенно вытянулись во фрунт. Глаза у них стали стеклянные, а на лица легло отстранённое выражение.

— Ты! — я указал на одного из них. — Возьми мою лошадь и пригляди за ней. А ты, — указал на второго, — отведёшь меня к капитан-поручику Бредихину. Выполнять!

— Слушаюсь, ваше высокоблагородие!

Как занятно работает пайцза! Он даже обратился правильно, в соответствии с моим званием. Пожалуй, огр-купец продешевил. Осталось только научиться включать артефакт по своему желанию, а не когда он сам захочет, и выяснить, на кого он может влиять.

Солдат повёл меня вглубь полковой слободы. Одиночные выстрелы периодически бахали вдалеке, но на бой это не было похоже.

— Что там происходит? — спросил я у провожатого.

— Не могу знать, ваше высокоблагородие! Утром возле арсенала началась стрельба, а затем прибежал сержант Орлов с приказом никого не впускать и не выпускать. Больше ничего не могу знать.

Так-так, похоже, Барятинский зря упрашивал «не лить кровь» — гвардейцы и сами справились с этим делом. Скорее, это мне придётся наводить здесь порядок и не дать развернуться боине. Если, конечно, ещё не слишком поздно.

Послышался звук шагов, и из-за кустов наперерез нам выбежал поручик. Не замечая ничего вокруг, он нёсся, придерживая рукой шпагу и сосредоточенно глядя вперёд.

— Чертков! — окликнул я. — Евграф Александрович!

Он обернулся на бегу и мазнул меня шальным взглядом. И только через пару секунд узнал меня и остановился.

— Костя! Ты здесь откуда?

— Приехал вам помочь. Что там случилось? — я кивнул в сторону очередного выстрела.

Чертков сердито глянул на моего провожатого и скомандовал:

— На пост, шагом марш!

— Слушаюсь, ваше благородие!

Солдат развернулся на месте и, чеканя шаг, двинулся обратно к воротам.

— Идём, по дороге расскажу.

Прихватив за локоть, Чертков потащил меня к каким-то строениям.

— Мы утром подняли полк, объявили, что поддерживаем Екатерину и собирались выступить ей навстречу. Только нашлись предатели. — По его лицу пробежала судорога. — Взбунтовали третью гренадерскую и первую мушкетёрскую роты. Они захватили арсенал, чтобы нам нечем было вооружаться, сволочи. У нас «огнебоев» всего ничего, но людей больше. Вот теперь сидим, думаем, что с ними делать. Хотели уже заднюю стену арсенала взорвать...

— Это ты туда бежал?

— Оттуда, — Чертков поморщился. — Не получится ничего, там старый пороховой погреб. Если взорвётся, то половина слободы на воздух взлетит.

— Взрывать не стоит, правильно. Сейчас что-нибудь попроще придумаю, не зря же я сюда ехал.

Чертков покосился на меня с недоверием. В его взгляде явственно читался вопрос: что может один-единственный человек, хоть и бывший полковник? Ничего, скоро он увидит, что у некромантов в рукаве имеются особые козыри.

Арсенал оказался каменным зданием с толстыми стенами, глухим первым этажом и маленькими бойницами-окошками на втором. Стены, если судить по эфирному фону, кто-то укрепил Печатями и мощными связками Знаков. Да, тут взрывать бесполезно, только сносить всё строение целиком чем-то убойным.

Разглядывать арсенал пришлось с осторожностью, выглядывая из-за угла полковой канцелярии. Мятежники без промедления стреляли, если в их поле зрения попадали гвардейцы. К счастью, пока обошлось только ранеными, если не считать три трупа, лежащих перед самым входом. Двое в прусской форме и один в елизаветинском мундире. Счёт крови был открыт, и обе стороны явно собирались его увеличить.

Осмотрев «крепость», я подошёл к группе офицеров, взявших на себя командование полком на волне переворота. Поручик Чертков; капитан-поручик Бредихин, с которым я уже виделся у Орлова; несколько гвардейцев, только что представленных мне: Баскаков, Протасов, Дубянский, Ступишин, Колышкин, Ребиндер. Среди них затесался и Алексей Орлов, бывший всего лишь гвардейским сержантом, но служивший связным с императрицей через брата.

— Надо атаковать! — Некрасивое лицо Черткова становилось совсем страшным, когда он горячился. — Выбьем «молотом» дверь и ворвёмся внутрь. У нас больше солдат, задавим их числом.

Бредихин поморщился.

— Зря только людей положим.

— Магией ударить да снести весь арсенал к чёртовой бабушке! — рубанул воздух ладонью Баскаков. — Нечего тут думать!

— А пороховой погреб?

— Да ничего ему не будет! Там стены толстые и защитная магия сильная.

Они заговорили все разом, почти крича друг на друга.

— Судари! — Чтобы остановить спор, я призвал Анубиса и на пару секунд накрыл всю компанию полем силы. — Не надо спорить. Мы предложим мятежникам сдаться, арестуем и посадим на гауптвахту.

Бредихин закашлялся, а остальные посмотрели на меня как на блаженного.

— Константин Платонович, а с чего вы взяли, что они согласятся добровольно сложить оружие?

— Я сделаю им предложение, от которого они не смогут отказаться

— И всё же. — Мой ответ Бредихина не удовлетворил. — Что вы будете делать, если они откажутся?

Я улыбнулся.

— Хотите пари, Сергей Александрович?

— Пари! — Влез Чертков и протянул мне руку. — Да, чёрт возьми! На ящик шампанского!

— Договорились, — я крепко сжал его ладонь. — Разбейте, Сергей Александрович

Гвардейцы заулыбались. Наш спор неожиданно разрядил обстановку, уверив их, что у меня есть тайный хитрый план. Что же, можно сказать и так — я рассчитывал применить против мятежников арсенал некромантских приёмов.

— Найдите-ка что-то белое, чтобы сделать флаг.

* * *

Размахивая белым платком, я неспешно шёл к арсеналу. Перед выходом пришлось несколько раз повторить гвардейцам — не вмешиваться, что бы ни произошло. Лишние люди будут только мешать и никак не помогут.

— А если вас убьют?

— Тогда делайте, что хотите, — я махнул рукой, — мне будет уже всё равно.

Когда до арсенала оставалось шагов тридцать, у кого-то из мятежников не выдержали нервы, и грохнул выстрел. Время рывком замедлилось, и включились защитные контуры Таланта. Практически сразу я их отключил — невидимый стрелок промазал, а резервы силы надо было беречь.

Вззззшь!

Эфирный снаряд «огнебоя» просвистел рядом и сбил с головы треуголку. Я остановился, поднял её и демонстративно отряхнул от пыли. Стрелять больше никто не стал, и я двинулся дальше. Что же, мятежники оказались небезнадёжны и есть шанс решить вопрос более или менее «мирным» путём.

Я остановился за пять шагов до входа в арсенал, так чтобы попасть в слепую зону для стрелков на втором этаже.

— Судари! — Анубис усилил мой голос магией, так что в арсенале слышали даже через толстые стены. А вот пайцза, будто разрядившись, на этот раз помогать не стала. — Предлагаю вам сдаться, чтобы не лить русскую кровь понапрасну. Обещаю, ничья честь не пострадает, вам будет сохранено оружие под честное слово и до решения матушки-императрицы с вами будут обращаться, как подобает с офицерами. Если же нет, мне придётся арестовать вас лично!

Левой рукой я потянулся к Скудельнице и ощутил в ладони рукоять кнута. Нет, никого убивать не собирался, а хотел использовать её особое зрение. Практически мгновенно мир вокруг стал тёмным и полупрозрачным. Только эфирные конструкции и живые люди светились яркими жёлто-оранжевыми цветами. Фигуры мятежников, спрятавшихся в арсенале, были как на ладони: на втором этаже возле бойниц засели гвардейцы с оружием, офицеры же столпились на первом этаже и о чём-то спорили. Обсуждали ультиматум? Они размахивали руками, то и дело указывали в мою сторону, но в конце концов решили не вступать в переговоры.

Ну, что же, я сделал всё, что мог. Не хотите по-хорошему? Значит, буду умиротворять вас принудительно. Без смертоубийства, естественно, чтобы потом не приходили мстить обиженные родственники. Так что придётся жёстко нейтрализовать. Тем более там Талантов всего пятеро, из них только двое средней силы. Взять их будет не так уж и сложно.

Анубис без подсказки вложил в руку Последний довод и восторженно ухнул, предвкушая веселье. Я закрыл глаза и создал под арсеналом огромный Знак. Наполнил его силой на четверть и дал чуток расплыться в земле. А затем лёгким движением посоха «толкнул» его.

* * *

Петербург не знал землетрясений до этого дня. Крики раздались и в арсенале среди мятежников, и за моей спиной, где стояли верные Екатерине преображенцы. Земля заходила ходуном, будто палуба корабля в шторм. Стая ворон с дикими воплями поднялась с деревьев и закружила над крышами.

Справа какой-то старый деревянный особнячок «закряхтел» и раскололся пополам. Арсенал покачулся из стороны в сторону, «застонал», но всё же устоял. Только из одной бойницы вывалился «огнебой» и упал на землю, брызнув во все стороны щепками от расколотого приклада.

— Судари! У вас есть две минуты, чтобы выйти и сдаться!

Я видел зрением Скудельницы, как за дверью четверо офицеров принялись горячо решать, как теперь поступить. Один из них, с самым ярким Талантом, явно не собирался сдаваться. Наоборот, он желал драться и даже влепил своим нерешительным товарищам по пощёчине. А после решительно двинулся к двери, на ходу формируя «молот».

— Смело. Очень смело. Но глупо. — Я улыбнулся и вслух произнёс: — По моему хотению, по моему велению...

Глава 23

Принц

Правая рука мятежника была занята заготовкой «молота». Так что, подойдя к двери, ему пришлось отпирать её одной левой. Засов там стоял немаленький, и мятежник дёргал его раз за разом, пытаясь сдвинуть в сторону.

Когда его кто-то тронул за плечо, он только недовольно махнул головой. Но следом его хлопнули с другой стороны, и мятежник раздражённо обернулся. Однако никого за спиной не обнаружил! Мне не было слышно, что он сказал, но, судя по всему, нечто матерное. Мятежник хотел было вернуться к засову, но услышал шорох над головой. Поднял голову и на несколько мгновений застыл от удивления.

На потолке висели отрубленные кисти рук. Мёртвые пальцы шевелились, с шелестом тёрлись друг о друга и делали призывные жесты, словно звали мятежника с собой.

Кажется, он закричал от ужаса. Швырнул в жуткое видение недоделанный молот и схватился за рукоять шпаги на поясе. Вытащил клинок из ножен и стал размахивать над головой, пытаясь отогнать мои «милые» ручки.

Закрытие не произвело на Божедомский вертеп никакого впечатления. Эфир впитался в подставленные ладони, как вода в сухую землю. В следующий момент кисти начали падать вниз. Сначала одна, другая, третья, а затем на мятежника обрушился дождь мёртвых рук.

— It's raining hands, hallelujah! — пропел я тихо и рассмеялся.

Рубить Божедомский вертеп шпагой, даже боевой офицерской, больше похожей на меч, — занятие бесполезное. Руки уворачивались от ударов и сыпались на мятежника. Хватали за лицо, впивались в горло, висли на одежде и тянули в разные стороны. Через десять секунд они вырвали из его рук шпагу, а ещё через пять повалили на пол.

Мятежник извивался огромной гусеницей, стараясь отбиться от неожиданного врага. Но отпускать его никто не собирался. Божедомский вертеп стащил с него ремень и им же связал руки за спиной, не хуже чем кандалами. Следом в рот мятежника засунули его собственный шейный платок вместо кляпа и

оттащили к стене, чтобы не мешался. Одна из рук, по собственной инициативе, несколько раз шлёпнула его пониже спины, будто наказывая непослушного ребёнка. Я такого не приказывал, но меру одобрил — после неё мятежник затих, перестал дёргаться и лежал тихо.

Дверь в арсенал зачаровал сильный деланный маг. Простые, но очень мощные Знаки не позволяли выбить её магией или взорвать снаружи. Божедомский вертеп решил эту проблему с лёгкостью — руки выстроились пирамидой и верхняя кисть отодвинула засов. А затем распахнули дверь во всю ширь, приглашая войти и взять мятежников тёпленькими.

Хотя, пожалуй, пусть выйдут сами.

— Судари, подняв руки, выходите по одному, — крикнул я и снова устроил маленькое землетрясение.

Чтобы добавить мятежникам мотивации, я отправил Божедомский вертеп во внутренние помещения арсенала. Через пару минут оттуда послышались крики ужаса, редкие выстрелы и жалобный вой, словно кому-то отрывали выступающие части тела. А затем из арсенала стали выбегать гвардейцы. Ошалелые, с воплями и диким ужасом в вытаращенных глазах.

— Бросить оружие! К стене!

Деморализованные, они не могли сопротивляться. Тем более самым задиристым я наподдал шлепками чистой силы. Никого не калечил, но пресекал любые попытки сопротивления.

Оставшихся мятежников наружу вывели мои ручки. Одним выкручивали уши, других волокли за шкуру, будто нашкодивших котят. Последним вытащили офицера, которого упаковали у двери, — связанного, можно сказать, с почётом, и уложили на землю. К моему удивлению, это оказался Пётр Измайлов, один из друзей покойного Девиера. Среди вышедших я заметил Льва Пушкина, из той же компании.

А вот третьего их друга, флигель-адъютанта императора Ивана Черкасова, здесь не было. Думается, он первым делом помчался докладывать Петру, что гвардия подняла бунт. Плохо, конечно, но не смертельно.

— Вы арестованы. — я повернулся к офицерам, вставшим отдельно от толпы солдат. — Ваши шпаги, судари.

— Бесчестно! — истерично выкрикнул с обидой в голосе молодой подпоручик. — Деритесь как полагается, а не

посылайте... Это!

— Я с вами и не дрался, сударь. Если бы это случилось, от вас бы осталось только кровавое пятно.

Чтобы стимулировать их умственную деятельность, я снова шевельнул Знак под арсеналом. Земля дрогнула, кто-то из солдат упал на колени, крестясь и громко читая молитву. Офицеры побледнели, но старались из последних сил держать марку. Сначала один, потом другой, а следом и все остальные вынули шпаги и бросили их к моим ногам.

Да уж, фокус с землетрясением вышел знатный! Казалось бы, простая штука, а такой замечательный эффект. И самое смешное, что ни один Талант его не провернёт — не умеют они пользоваться grand wand'ом, чтобы создать такую структуру.

— Благодарю, — я коротко, но вежливо, поклонился им. — Полагаю, ваше заключение не будет слишком долгим. Я попрошу императрицу, чтобы она проявила снисходительность и по достоинству оценила вашу смелость и честь.

* * *

Всю тёплую компанию мятежников я передал офицерам-преображенцам, и их увели на гауптвахту.

— Вы опасный человек, Константин Платонович, — ко мне подошёл Бредихин, — почище прусских генералов.

— Хуже, Сергей Александрович, я гораздо хуже. А теперь надо спешить. Раздайте оружие вашим людям, полк должен срочно выдвигаться к Казанскому собору и поддержать Екатерину Алексеевну.

Бредихин щёлкнул каблуками, кивнул и ушёл выполнять приказы. После наглядной демонстрации силы офицеры-преображенцы смотрели на меня с опаской и некоторым восторгом. А самое главное — приняли моё неформальное командование.

К их чести, потребовалось всего полчаса, чтобы навести порядок и выступить в импровизированный поход. Полк построился и длинной колонной двинулся в сторону Казанского собора.

— Константин Платонович, — ко мне подбежал запыхавшийся Чертков, — там Пассек...

— Что с ним? Живой?

— Живой, на гауптвахте сидит. Его выпустить хотели, так он отказался. Никому не верит, говорит, обманываем мы его. Мол, он сам слышал, что императрицу застрелили.

— Да и чёрт с ним, — я махнул рукой и вскочил в седло, — пусть сидит, если ему так нравится.

Ещё у Орлова мне показалось, что все смелые разговоры и лихие заявления Пассека «я сам застрелю императора» всего лишь напускная бравада. А теперь он струсил и отказался выходить из тюрьмы, когда переворот в самом разгаре. Ну да бог с ним — свою роль как триггер для начала активных действий он выполнил.

* * *

Всё пространство перед Казанским собором было запружено войсками. У входа возле колонн стояла Екатерина в окружении офицеров, генералов и кучки царедворцев. Среди них в глаза бросалась высокая фигура Кирилла Разумовского — гетмана Войска Запорожского, брата бывшего фаворита Елизаветы. Он что-то говорил императрице, а она кивала, соглашаясь его словам.

Рядом с Разумовским я разглядел Панина с озабоченным лицом. Так-так, воспитатель Павла бросил своего подопечного и кинулся участвовать в перевороте. Это я правильно послал Кижа на защиту мальчика. Боюсь, он сейчас самая одинокая политическая фигура на игровой доске Петербурга.

Среди придворных мелькнуло лицо Ивана Шувалова, двоюродного брата начальника распущенной Тайной канцелярии. Непонятно, однако, что здесь делает бывший фаворит Елизаветы. С учётом, что его родичи изо всех сил поддерживают Петра. Или они решили прощупать почву, чтобы переметнуться? Надо присмотреть за этим сударем.

— Костя!

Меня окликнул Орлов, и я стал пробираться к нему.

— Я привёл преображенцев. А что у вас? — спросил у него, когда мы отошли за колонну, чтобы не привлекать внимание.

— С Семёновским полком проблем не было, все здесь. Часть конногвардейцев тоже подошла.

— Очень хорошо. Что Екатерина?

— Сейчас прибудет архиепископ Новгородский, проведёт

молебен и объявит её самодержавной императрицей. Затем в Зимний дворец, чтобы подписать манифест и принять присягу.

Я кивнул. Всё идёт по плану, как и задумывалось. Екатерина сумела договориться с церковью, и та поддержит её притязания.

— Костя, есть дело, — Орлов наклонился ко мне, чтобы не перекрикивать гомон толпы. — Конной гвардией командует дядя Екатерины, принц Георг. Он не поддержал нас, и конногвардейцы поехали его арестовывать. В полку принца терпеть не могут, и Екатерина опасается, что его могут просто убить. Можешь взять роту преображенцев и проследить, чтобы не дошло до крайности? А ещё лучше, если ты сам его арестуешь, так сказать, во избежание.

Орлов развёл руками.

— Родственник всё-таки, вот Катя и переживает.

— Сделаю, если так важно. Всё равно в собор мне ходу нет.

— А я к артиллеристам поеду, попробую генерала Вильбоа уговорить.

— Добро.

Мы коротко обнялись с Орловым и разбежались в разные стороны. Я взял Бредихина с его ротой и быстрым маршем отправился к дому Георга Гольштейн-Готторпского, самого настоящего принца. Было в этом что-то ироничное — полковник в отставке послан арестовывать целого генерал-фельдмаршала, чтобы спасти от расправы.

* * *

Уже на подходе к особняку стало понятно — конногвардейцы сорвались с цепи и отыгрывались на нелюбимом командующем. Окна были разбиты, двери распахнуты, и из них пьяные солдаты тащили всё что ни попадя. Утварь, мелкую мебель, какие-то тряпки, расшитые золотом шторы и медные канделябры. Особняк принца грабили, пользуясь случаем. И даже наше появление не остановило вакханалию.

— Прикажете стрелять, Константин Платонович? — Бредихин со злостью смотрел на эту картину.

— Ни в коем случае, Сергей Александрович. Только раздора между гвардейскими полками нам сейчас не доставало. Заберём принца, если он ещё жив, и уедем отсюда. За мной!

Я решительно двинулся вперёд, активировав Анубиса и гоня перед собой эфирную волну. Конногвардейцы, чувствуя магическое давление, сами убирались с нашего пути, даже не думая задерживать или задавать вопросы.

Внутри особняка следы грабежа бросались в глаза ещё сильнее. Сорванные со стен и брошенные тут же под ноги картины, поломанные шкафы, осколки посуды на полу и чёрные следы на стенах от боевых всполохов.

У парадной лестницы дорогу заступил пьяный подпоручик.

— Что вы здесь делаете? — он пошатнулся и опёрся рукой о перила. — А ну вон! Это наша до...

Не дожидаясь приказа, Анубис ударил его под дых шакалей мордой. Поручик побледнел, как рыба стал хватать ртом воздух и начал оседать. Я тут же поймал его за локоть, не дав рухнуть на пол.

— Помогите ему сесть.

Двое преображенцев вынырнули из-за моей спины, подхватили подпоручика под руки и усадили у стены на диванчик.

— Где принц? — я склонился над ним и заглянул в глаза.

— Т-там, — еле дыша, он ткнул пальцем в сторону лестницы. — Н-наверху в-в спальне.

Махнув рукой преображенцам, я первым начал подниматься на второй этаж. Искать спальню принца не пришлось — оттуда слышался шум и чувствовалось магическое возмущение эфира. Двери в комнату были распахнуты. А внутри шла драка не на жизнь, а на смерть.

Принц Георг оказался невысоким цвергом слегка за сорок. С лысиной во всю макушку и длинным носом. Одетый в длинную ночную рубашку с кружевами, он не походил на генерала, а скорее на немецкого лавочника, проснувшегося от вторжения рабителей.

Бывшие подчинённые, несколько прапорщиков и подпоручиков, загнали его в дальний, за огромной кроватью с балдахином угол. Они травили его, словно дикого зверя, по очереди кидая жидкие огненные всполохи и ледяные «стрелы». Принц с трудом отбивал эти выпады, едва держа щит и почти не атакуя в ответ. Чувствовалось, что ещё минут десять — и его можно будет брать голыми руками.

Пайцза на поясе качнулась, и я снова ощутил её ауру.

Похоже, старый артефакт снова зарядился и готов был помочь разобраться с конногвардейцами.

— Смирно!

Глава 24

Ультиматум

От неожиданного крика конногвардейцы вздрогнули, обернулись и тут же вытянулись в струнку, позабыв о своей жертве. Даже принц, и тот выпятил грудь, демонстрируя «внимание и повиновение».

— Принц Георг, — объявил я, — вы арестованы по приказу императрицы Екатерины Алексеевны.

Я обвёл взглядом его противников.

— Благодарю за службу, судари. Можете быть свободны, дальше арестованным мы займёмся сами. Вольно! Разойтись!

Пялясь в пространство стеклянными глазами, конногвардейцы потопали к выходу, пытаясь изображать строевой шаг. Пайцза снова дрогнула, и её аура медленно схлынула. Да, ненадолго хватает старого артефакта. Надо бы найти, как его подзаряжать с помощью Анубиса, когда будет свободное время.

— Принц, — я поклонился генерал-фельдмаршалу, враждебно зыркающему из-под бровей, — прошу следовать за мной. Екатерина Алексеевна пожелала, чтобы мы доставили вас в безопасное место, где вам ничего не будет угрожать.

— Сдать вам шпагу? — он язвительно скривил губы. — Простите, но у меня её с собой нет.

— Достаточно вашего слова, что вы не станете бежать или поддерживать противников вашей племянницы.

Он тяжело вздохнул и поник, словно из него выпустили воздух.

— Я и не собирался этого делать. Даю слово дворянина, что буду вашим пленником. Разрешите, я оденусь как подобает?

Везти принца по улицам в ночной рубашке не входило в мои планы, так что я дал ему спокойно собраться. Оделся принц сам, без помощи слуг, и через десять минут мы уже спускались по парадной лестнице.

— Вот они! Вот!

— Не дайте им уйти!

— Предатели!

Сборище конногвардейцев, злых, пьяных и потерявших всякое достоинство, сгрудилась перед лестницей. Щёлкали

курки взводимых пистолетов, эфир дрожал от пробуждённых Талантов, а глаза с ненавистью смотрели на моего пленника.

Без промедления подняв щит, я в уме прокручивал варианты, как выйти из этой ситуации. Нет, никакой угрозы эти судари не представляли — я мог убить их всех, даже без участия преображенцев. Но устраивать бойню не хотелось больше из политических соображений. В нашей ситуации было бы нежелательно, если обиженная конная гвардия переметнётся на сторону Петра.

— Судари, — я активировал Анубиса на полную мощь, накрыв эфирным полем чуть ли не весь особняк, — я полковник Урусов. По приказанию императрицы принц Георг арестован и будет доставлен в тюрьму Петропавловской крепости. Разойдитесь и не мешайте выполнять волю матушки-императрицы.

Расходуя резерв сил, я принялся давить на них через эфир, заставляя бледнеть владельцев Талантов и растерянно трести головами остальных. Чтобы усилить эффект, Анубис завыл своим фирменным могильным «голосом», и эфир пошёл мелкой рябью.

— Убить их, и всё! — выкрикнул какой-то конногвардеец, то ли нечувствительный к эфирным воздействиям, то ли слишком пьяный, чтобы соображать.

Преображенцы за моей спиной тут же скинули с плеч «огнебои» и направили на толпу. В ответ на нас уставились тёмные зрачки стволов конногвардейцев. Анубис принялся накачивать щит до предела и злобно ощерился, готовясь к схватке. Ну что же, если человек хочет умереть, то кто ему доктор?

За спиной конногвардейцев распахнулись парадные двери и появился десяток их однополчан. Только не разнузданная толпа, а дисциплинированный отряд с пожилым подполковником во главе.

— Смирно! — рявкнул офицер.

Конногвардейцы разом опустили оружие и утихли, как костёр под ливнем.

— Построиться на улице для осмотра! Шагом марш!

Загрохотали сапоги, и через минуту у лестницы никого не осталось.

— Полагаю, — подполковник, прищурившись, смотрел на

меня, — вы Урусов. Константин Платонович, я правильно помню?

— Верно. — Я спустился ему навстречу. — А вы князь Волконский?

— Михаил Никитич, — он протянул мне руку. — Серафим именно так вас и описывал: решительны и смелы. Рад встретиться с вами, хотя обстановка не слишком подходит для знакомства.

— Взаимно, Михаил Никитич. Спасибо, что выручили из неудобной ситуации.

— Разве вы не справились бы с этими бузотёрами?

— Боюсь, тогда бы здесь лежало слишком много покойников. А в мои планы не входит воевать с гвардией.

— Отрадно слышать, — Волконский улыбнулся, — не зря Серафим вас так расхваливает. — Он сбавил тон, чтобы нас не слышали ни его конногвардейцы, ни мои преображенцы. — Вы приехали забрать принца? Очень вовремя, благодарю вас, что не допустили кровопролития.

— Не за что, Михаил Никитич, одно дело делаем.

— Куда вы его собираетесь отвезти? Во дворец к Екатерине Алексеевне?

— На этот вопрос я пока не могу ответить. Императрица приказала взять его под арест, чтобы не допустить расправы. Но я пока не знаю, где можно найти подходящую тюрьму.

— Константин Платонович, — Волконский зашептал мне на ухо, — если вы не против, я бы отправил его под домашний арест в моём особняке. Даю слово, там он окажется в полной безопасности.

Я вопросительно поднял бровь, и он нехотя пояснил:

— Мне нужно обсудить с принцем некоторые личные дела. Не беспокойтесь, с ним всё будет в полном порядке, мои люди обеспечат охрану.

В принципе, это был самый подходящий выход. Сдать цверга Волконскому и закрыть вопрос с этим дурацким арестом. Тем более что Орлов упоминал его как нашего сторонника.

— Да, пожалуй, так лучше всего, Михаил Никитич. Забирайте принца, пусть будет под вашим присмотром.

Он расплылся в улыбке.

— Благодарю, Константин Платонович, считайте меня своим должником. Кстати, я должен передать вам весточку от

моего дяди.

— От кого, простите?

— От Алексея Петровича Бестужева.

Вот оно что! Бывший канцлер его родственник. Теперь понятно, какие именно глаза имел в виду Бестужев.

— Он просил передать вам это.

В мою руку легло небольшое письмо, запечатанное сургучом.

— Благодарю, Михаил Никитич. Надеюсь, в следующий раз мы встретимся в более уютной и дружеской обстановке.

Мы раскланялись. Передав Волконскому принца Георга в целости и сохранности, я забрал преображенцев и отправился обратно в центр событий.

* * *

По пути я занялся небольшими, но неотложными делами. Во-первых, достал табакерку и отстучал мини-телеграфом сообщение моим девчонкам. Ответила Таня: у них всё было в порядке, они стояли вместе с императрицей на молебне.

Во-вторых, я метнулся невидимым духом по эфирной нити к Кижу. И скажу честно, он сумел меня удивить. Смотря глазами мертвеца, я увидел, как он играет в солдатики с наследником престола. Киж и Павел расставили оловянные фигурки на полу большой комнаты и увлечённо проводили сражение. Мальчик смеялся, а Киж что-то ему объяснял, водя руками над игрушечным полем боя. Я не стал его отвлекать, беззвучно выразил одобрение и вернулся в самого себя.

Последним делом стало письмо, переданное Волконским. От Бестужева, но явно написанное не им самим. Строчки, выведенные строгим канцелярским почерком сообщали, что князь Матвей Алексеевич Гагарин, премьер-майор Семёновского полка, сегодня ночью в спешке покинул свой особняк. В расположении полка не появлялся и никаких распоряжений там не оставил. Также указывалось, что уехал он в сопровождении опричных дьяков своего рода и многочисленной охраны. Отмечалось, что поступили сведения о продаже князем нескольких приисков в Сибири и срочном отъезде оттуда его опричников.

Выводы напрашивались сами собой — род Гагариных

вступил в игру за престол. Возможно, именно они и стоят за нападением на Екатерину этой ночью. Вот только эти сведения опоздали и ничего предпринять уже нельзя. Оставалось только быть начеку и усилить охрану наследника.

Пока мы добрались обратно до Казанского собора, молебен уже закончился и Екатерина уехала в Зимний дворец. Гвардейские полки переместились вслед за ней и взяли подступы к дворцу под контроль. Я заметил несколько упряжек с пушками и озабоченных артиллеристов, готовящих позиции для орудий прямо на улицах. Значит, Орлов всё-таки уговорил генерала Вильбоа поддержать императрицу. Такие новости порадовали, и в Зимний я вошёл в прекрасном расположении духа.

— Константин Платонович! — прямо на входе меня перехватил Чертков, проверявший караулы преображенцев. — У меня приказ: сразу, как вы появитесь, привести вас к императрице.

— Замечательно, Евграф Александрович, как раз туда-то мне и надо.

Через анфиладу залов Чертков привёл меня к закрытым дверям, у которых дежурил ещё один караул.

— Здесь был кабинет Елизаветы Петровны. Заходите без доклада, — шепнул Чертков. — Григорий Григорьевич об этом особо предупредил.

Ага! Похоже, там сейчас идёт совещание, и Орлов, а может, и сама императрица, задумали каверзу с моим внезапным появлением. Ну что же, несложно подыграть им.

— Благодарю, Евграф Александрович.

Я кивнул Черткову, открыл дверь и вошёл в комнату, помнящую прошлое царствование и властную руку Елизаветы.

* * *

Здесь собралось самое ядро заговорщиков, те, кто двигал тайные пружины переворота и сами по себе обладали немалой властью: Екатерина, Алексей и Григорий Орловы, Панин, гетман Разумовский, Екатерина Дашкова и Барятинский. Там же находились ещё несколько человек, которых я не ожидал здесь увидеть: Иван Шувалов, князь Вяземский и отец моего приятеля Василий Иванович Суворов. В углу на диванчике

тихо, как мышки, сидели Сашка и Таня и во все глаза наблюдали за происходящим. А между ними развалился и бессовестно дрых Мурзилка, не интересуясь человеческими разговорами.

Рядом с Паниным стоял незнакомый круглолицый человек. Когда я смотрел на него, перстень Тау начинал нещадно жечь палец. Даже на Панина реакция перстня была гораздо слабее, чем на этого незнакомца. Масон! Причём очень высокого ранга.

Вся эта компания не заметила, как я вошёл, увлечённая жарким спором на повышенных тонах.

— Не может быть и речи, Никита Иванович. Я уже говорила вам, что нахожу ваше предложение вредным для России.

— Екатерина Алексеевна, не горячитесь, — Панин выставил ладонь. — Когда вы пришли к нам за поддержкой, мы не отказали и не ставили условий. Но вы забыли, что дали обещание рассмотреть проект и...

— Я рассмотрела его и нахожу подобные инсинуации никуда не годными!

— Простите, Екатерина Алексеевна, но мы настаиваем. Братство вольных каменщиков ссудило вам деньги, не требуя отчёта и прося только...

— Я сказала нет!

Круглолицый человек придержал Панина за локоть и подался вперёд.

— Екатерина Алексеевна, вы не понимаете всю серьёзность положения. Если вы откажетесь выполнить обещание, братство будет вынуждено отказать вам в поддержке. Члены нашего общества не только заседают в Сенате, но и командуют вашей, пока вашей, гвардией. Что вам останется, если мы уйдём в поисках тех, кто согласится с нашим предложением?

— Вы мне угрожаете, Иван Перфильевич?

Ах вот это кто, Иван Елагин! Я много раз слышал про этого человека, но вскользь, без деталей. Говорили, что это один из столпов масонов в России. Провинциальный великий мастер, получивший от масонов Авалона право организовать свои ложи в России и власть приказывать всем «братьям», находящимся здесь.

— Ни в коем случае, Ваше Величество! Только предупреждаю о последствиях необдуманных действий.

Елагин неожиданно обернулся и устался на меня

пронзительным взглядом. Его Талант потянулся ко мне тонкими щупальцами, собираясь опутать, взвесить и измерить. Вот только Анубис не желал терпеть такого обращения и с рыком опалил извивающиеся отростки невидимым огнём.

— Константин Платонович! — Екатерина проследила за взглядом Елагина и увидела меня. — Мне нужно ваше мнение!

Императрица подошла быстрым шагом и протянула руку для поцелуя.

— Ваше Величество, — я поклонился и коснулся губами холодных пальцев, — чем я могу вам помочь?

— Никита Иванович, — она обернулась и с гневом посмотрела на Панина, — настаивает, чтобы на трон взошёл Павел, а я стала регентом и немедленно подписала проект конституции.

Глава 25

Конституция

Как интересно повернулась история! Я всё думал: где Екатерина нашла деньги на организацию переворота? Наверняка ведь не обошлось без подкупа нужных людей, сенаторов, подарков гвардии и прочих расходов. Были подозрения, что ей дали средства иностранные послы, к примеру авалонцы, но я ошибся. На помощь пришли масоны, теперь желающие взыскать долг с процентами.

Вот только я не уверен, что у них пройдёт этот фокус. В окружении Екатерины достаточно людей, кому подобный поворот крайне невыгоден. Никто не отдаст масонам власть добровольно, а у них самих кишка тонка тянуть переворот единолично.

— Павел ещё ребёнок. — Не стал дожидаться моего ответа князь Вяземский. — И достигнет совершеннолетия нескоро. Только регентского совета нам и не хватало! Или вы не помните, чем закончилась власть Верховников?

— Не сравнивайте, — Панин поморщился, — этих властолюбивых необразованных сановников и нынешних...

— А-ха-ха! — Вяземский глумливо рассмеялся. — Нынешние воруют и гребут под себя столько, сколько прошлым и не снилось. Хотите, я расскажу, какие хитрые схемы придумывают эти «образованные»?

— Мы собрались здесь не обсуждать мздоимство.

— Не будет никакой конституции! — Барятинский сделал шаг вперёд. — Вы слишком долго жили за границей, Никита Иванович, и нахватались этой чуши. В России чтут традиции, а не бумажки. Напомнить, что Анна Иоанновна сделала с Кондициями?

— Не уподобляйте Кондиции и настоящую конституцию. Она призвана установить законы, которыми должна управляться страна. Дать основание для императорской власти!

— Основание? В России основание власти от Бога! Вы не забыли, что императора помазывают на царство?

— Ах, оставьте эти глупые предрассудки!

— Екатерина Алексеевна. — Иван Шувалов бочком подобрался ближе к императрице. — Коронация Павла

Петровича охладит множество дворян, которые могли бы выступить против вашего восшествия на престол. Он фигура компромиссная, позволяющая собрать все здоровые силы империи. Объявите о его восшествии на престол, и мой кузен Александр Иванович сразу же оставит низложенного Петра Фёдоровича. Если бы Пётр Иванович был жив, он тоже бы...

Вот это неожиданная новость! Не знал, что Шувалов, с которым мы сработались, умер. Жаль, неплохой был человек.

— Катя, да что ты в самом деле! — Дашкова подскочила к императрице. — Ты же всё равно будешь регентом, какая разница! А эта конституция — всего лишь бумажка. Стоит ли из-за такой мелочи спорить? Подпиши, и дело с концом!

От меня не укрылось, что перед тем как подойти к Екатерине, Дашкова переглянулась с Елагиным, и тот еле заметно кивнул. Без сомнения, она из их компании и отношения с масонами для неё важнее, чем дружба с Екатериной. Впрочем, ничего удивительного — её отец глава большой масонской ложи, где состоял живоде́р Рокк.

Екатерина будто не обратила внимания на слова подруги, но я успел увидеть, какой взгляд она кинула на Дашкову. Даже не сомневаюсь — их дружба сегодня закончилась и Дашкову в будущем ждёт опала. Монархи не забывают такие поступки в критические моменты.

— Не слушай их. — Григорий Орлов мрачно смотрел на Панина с Елагиным. — Пусть уходят, если чем-то недовольны. Гвардия верна тебе, и несколько офицеров ни на что не повлияют.

Алексей Орлов встал рядом с братом и положил руку на эфес шпаги. Другого от этих вояк я не ожидал — они преданы Екатерине и не будут колебаться, если дело дойдёт до столкновения. Увы, в политике одним насилием ничего не решишь.

Гетман Разумовский наблюдал за скандалом отстранённо, молчал и улыбался уголками губ. Было видно, что он ждёт подходящего случая, когда его голос станет решающим. Слышал, он мечтает сделать гетманский титул наследным и превратить свои владения в удельное княжество. Пожалуй, сейчас у него были на это все шансы, предложи он свою поддержку одной из сторон. Одна беда — я собирался разрешить эту ситуацию единолично и ничья помощь была не

нужна.

Спор между масонами, князьями, гвардейцами и Дашковой разгорелся с новой силой. Тон разговора повышался, переходя уже на крик. А бесценное время уходило, грозя утопить переворот во внутренних противоречиях.

— Екатерина Алексеевна, — я наклонился к императрице и тихонько спросил: — а вы сами чего желаете?

Не оборачиваясь, она еле слышно ответила:

— Царствовать. Помогите мне, Константин Платонович.

Даже не сомневался, что она так скажет. Быть регентом при нелюбимом сыне? Нет, это не для неё. Тем более что после совершеннолетия Павла её без сомнения отстранят от двора и отправят прозябать в захолустье. И это в том случае, если Панин с товарищами не выкинет на мороз раньше. На её месте я бы тоже не согласился на подобный вариант.

— Отойдите в сторону и не вмешивайтесь, — шепнул я императрице.

Она кивнула и отступила чуть в сторону, давая мне пройти.

— Никита Иванович, — я повысил голос, — вы говорили про конституцию. Она у вас с собой? Было бы крайне любопытно взглянуть на этот документ.

Панин с удивлением обернулся и несколько секунд хлопал глазами, будто никак не мог вспомнить, кто я такой и что здесь делаю. Остальные тоже замолчали, поглядывая на меня. Одни с раздражением, подозревая в предательстве, другие с надеждой, что я поддержу их в споре.

— Э... Да, пожалуйста, Константин Платонович.

Панин протянул кожаную папку, украшенную золотым двуглавым орлом. Внутри были вложенные листы бумаги, исписанные ровным убористым почерком. Я быстро пробежал глазами и ухмыльнулся. Конституция? Да нет, это скорее декларация о новом устройстве государства. Где монарх выполняет чисто декоративные функции, а править будут избранные дворянские роды. А тех же крепостных крестьян предполагалось навечно закрепить в их статусе, разве что запретив помещикам «жестoko обращаться».

— Никита Иванович, документ вызывает восхищение. Такой огромный объём работы проделан. Это вы его писали?

Панин, приняв мои слова за похвалу, расплылся в улыбке.

— Да, я разработал конституцию единолично, только

консультируясь с Иваном Перфильевичем. И он всемерно одобрил такой проект.

Елагин буравил меня подозрительным и враждебным взглядом. Могу сказать, что интуиция не подводила высшего масона.

— Замечательный документ, — повторил я. — Историки будущего отдали бы многое, чтобы исследовать его. Как жаль, что он не сохранится для потомков!

Я вынул бумаги из папки, поднял их перед собой двумя руками и разорвал пополам.

* * *

В комнате установилась такая тишина, что стало слышно, как Мурзилка стучит по дивану хвостом. Кот проснулся, сел и жадно следил за масонами, приоткрыв пасть и показывая длинные клыки. Шерсть на загривке вздыбилась, а когти выдвинулись и царапали дорожную шёлковую обивку.

— Ах!

Дашкова в ужасе прижала ладони к губам.

— Как... — Панин чуть ли не лопался от возмущения. — Как вы посмели?!

— Легко, дорогой Никита Иванович.

Улыбнувшись, я поджёг эфиром бумагу в руках, и через мгновение на пол упал только невесомый пепел.

— Легко и просто. Вашим мечтам не суждено сбыться. Россия не станет игрушкой в руках вольных каменщиков. Вы не будете разводить Талант, как скот, получая нужные свойства, не будете ставить эксперименты на людях ради своего удовольствия и не получите власть. Быть может, императорская власть и не идеальна, но уж ваша точно не ведёт в Царство Божие.

Оба Орлова торжествующе ухмыльнулись и, держась за оружие, сдвинулись в сторону масонов. Панин и Елагин, оба полноватые, в партикулярном платье, смотрелись против боевых офицеров мальчиками для битья. Вот только это было обманчивое впечатление — Таланты у них были непростые и даже в неактивном состоянии давали плотный эфирный фон.

— Вы!

Панин выставил палец и указал на меня.

— Вы заигрались, Константин Платонович! Думаете, если вы помогли императрице, так вам всё позволено? Сейчас я покажу вам...

— Погоди, Никита, — Елагин положил ему руку на плечо, отодвинул в сторону и вышел вперёд, — с некротом разберусь я.

Боковым зрением я заметил молчавшего до этого времени Суворова-старшего. Черты лица его заострились, глаза прищурились, он взялся за шпагу и двинулся наперерез Елагину. Кажется, он тоже был на моей стороне и собирался включиться в начинающуюся бучу.

— Некрот, — Елагин смотрел на меня тяжёлым гипнотизирующим взглядом, — не стоило переходить нам дорогу. Неужели ты думал, что у братства вольных каменщиков нет средств против таких, как ты?

Он призвал Талант, и в тот же миг Анубис встал рядом со мной, оскалившийся и с горящими глазами. Волны силы покатались навстречу друг другу и столкнулись, разбрызгивая крохотные молнии.

Все присутствующие невольно отступили, оставив нас с Елагиным в центре большого круга. Даже Орловы и Суворов сдали назад, с восторгом и ужасом наблюдая за начинающейся схваткой.

Но никаких всполохов, «молотов» и прочих визуальных эффектов они не дождались. В руках Елагина появился жезл, обвитый двумя змеями. Он взмахнул им, и я почувствовал накатывающую дурноту. Елагин не собирался воевать со мной заклятиями — вместо этого он пытался вытащить меня куда-то за грань. Только не туда, где я привык бывать, а в некое странное место. Сквозь стены дворцовой комнаты стали проступать белые мраморные колонны, паркет под ногами превращался в гранитные плиты, истёртые временем и тысячами ног, а над головой зажглось яркое южное солнце. За спиной же Елагина возникла высокая статуя обнажённого юноши. Надменное каменное лицо взирало на меня с «гастрономическим» интересом. Ещё миг-другой, и я окончательно бы вывалился туда.

Вот только совершенно не хотелось там оказываться. И позволять творить с собой подобное я не собирался. Елагин тащит меня невесть куда? А если я сам утащу его, понравится

ему такой вариант?

В ладонь легла ледяная рукоятка Скудельницы. Я взмахнул рукой и со всей силой хлестнул Елагина кнутом. Н-на, получай!

Он выставил жезл и принял удар на него. Кнут обвился вокруг палки со змеями, крепко сцепившись с ней.

— Ах-х-хр!

Елагин попытался взмахнуть жезлом, чтобы стряхнуть кнут, но не тут-то было. Я не стал дожидаться, пока он освободит своё оружие, и потянул Скудельницу на себя.

— Нет!

Елагин упёрся ногами в пол, превращающийся то в паркет, то в гранитные плиты, то покрывался ломкой травой. Мы застыли, стараясь перетянуть каждый в свою сторону. Вокруг творилась настоящая свистопляска — дворцовые стены сменялись то колоннами, то белёсым туманом. Далёкие возгласы людей смешались с криками чаек и хрустом сухой травы. На мгновение показалось, что у меня снова вытянутая пасть шакала, а у противника птичья голова с длинным и узким клювом.

Я чувствовал, как горит эфир вокруг моих ладоней, бурля, как вода в закипающем котелке. Даже ощущал запах палёной кожи и треск костей, не выдерживающих напряжение. Но страшнее всего был взгляд статуи — каменный юноша смотрел прямо на меня, будто великан, разглядывающий дерзкого муравья. Ещё секунда — он поднимет руку и раздавит наглую букашку!

Мой противник уже не выглядел прежним холёным вельможей. По бледному лицу текли капли пота, рот распахнулся в беззвучном крике, а глаза выпучились, бессмысленно пялясь перед собой.

Злость накатила на меня. Проиграть вот этому? Придурочному масону с перекошенной мордой? Да никогда в жизни! Я закричал и дёрнул кнут Скудельницы, вырывая жезл из рук Елагина. Вот тебе, сволочь! Вот!

Мир перестал трюиться и остановился на единственном варианте. Вокруг меня была пустая степь, сухие стебли травы и бесконечный белый туман. А рядом на земле силился встать на ноги мой противник. Поднимался, охал и снова падал, ещё не понимая, что проиграл.

Глава 26

Воронцов

Здесь, за гранью, плеть Скудельницы покрылась длинными шипами и стала будто живой. Кнут извивался и змеёй полз в сторону Елагина.

— Ненавижу, — прошипел тот и встал на четвереньки, глядя на меня с дикой ненавистью, — ненавижу ваше некротское семя! Мертвятники!

Легко встряхнув рукой, я позволил Скудельнице добраться до него. Словно удав, она обвила его, прижимая руки к туловищу и впиваясь в тело шипами. Он закричал от боли, изогнулся и зло выплюнул:

— Он возьмёт тебя! Заставит страдать вечно!

Скудельница сжала Елагина в объятьях, заставляя хрустеть кости.

— Трисмегист раздавит тебя! Повесит твою дохлую хозяйку... — хрипел он.

Конец плети захлестнул его голову.

— А-а-а-ы-ы-мммм...

Острые шипы проткнули губы, вынырнули из кожи окровавленными остриями и загнулись на концах. Накрепко зашивая рот, чтобы даже звука не вырвалось. Елагину оставалось только вращать глазами, буравить меня взглядом и мычать.

— Дохлую, говоришь?

Из тумана вышла Великая Уравнительница. Покачивая головой, она неспешно подошла к масону и улыбнулась так, что даже у меня по спине пробежал холодок.

— Мммм!

Он пытался отползти, извиваясь раздавленным дождевым червём. Скудельница в ответ сильнее сжала хватку, ещё глубже вонзая шипы.

— Что же твой господин сам не пришёл, если он так силён, чтобы повесить меня.

Она наклонилась, заглядывая Елагину в глаза.

— Почему ты молчишь? Почему отводишь взгляд, дружок? Боишься? И господин тебе не помогает? Какая жалость! Бедненький раб Трисмегиста, ты слишком понадеялся на своего

господина. А он и не спешит спасать тебя.

Хозяйка провела пальцами по щеке пленника.

— Как интересно. Столько тайн, столько секретов в таком маленьком человечке. Знаешь, а ведь я очень любопытная. Так что придётся вывернуть тебя наизнанку и посмотреть, что ты скрываешь.

Схватив за шиворот, Хозяйка поставила масона вертикально. Скудельница тут же выпустила жертву, упала на траву и с шорохом поползла ко мне. Елагин же обвис, будто из него выпустили воздух, и сделался похож на сдутую куклу.

— Костя, — Хозяйка обернулась ко мне, — ты несказанно меня порадовал. Сейчас я занята, — она встряхнула добычу, — но чуть позже ты получишь всё причитающееся.

И волоча Елагина по траве, как мешок, ушла в туман. А я сделал глубокий вдох, сбрасывая напряжение, закрыл глаза и вывалился из-за черты в реальный мир.

* * *

Здесь ничего не поменялось за время моего отсутствия. Напротив стоял Елагин, вытянув вперёд руку, будто сжимал в ней оружие. Остальные присутствующие замерли у стен, отброшенные вихрем эфира. Орловы и Суворов застыли, пытаясь достать шпаги из ножен. Екатерина прижала ладони ко рту, не позволяя себе закричать. Дашкова, наоборот, беззвучно распахнула рот. Я словно попал в музей восковых скульптур, запечатлевших сцену схватки некроманта и масона. И только Таня улыбалась и наблюдала за мной ясным взглядом.

Через мгновение время перестало запинаться и продолжило свой бег. Сразу же обрушился целый водопад звуков. Закричала Дашкова, взвизгнули шпаги, извлекаемые из ножен, загрохотал упавший на пол стул с резной спинкой. А Елагин, уже мёртвый, зашатался и рухнул ничком на пол.

Я опустил руки, одёрнул камзол и громко объявил:

— От восторга в связи с восшествием на престол императрицы Екатерины Алексеевны нашего дражайшего Ивана Перфильевича хватил удар.

Обведя всех присутствующих взглядом, я остановился на Панине. Он уставился на меня с ужасом и ненавистью. Его Талант был активирован на полную мощь и угрожающе

гудел, не предвещая ничего хорошего.

Скудельница послушно взметнулась невидимым бичом, но в последний момент я придержал её, чтобы не тратить чёрный песок. Кто знает, сколько его понадобится в ближайшие дни? Вместо этого кнут обвился вокруг шеи Панина и сдавил её.

— Х-р-р-х...

Он схватился за горло, хрипя и царапая кожу ногтями. Разорвал ворот рубашки, пытаюсь вдохнуть, дёрнул себя за камзол, но с каждой секундой лицо его наливалось дурной кровью, а губы синели.

Панин выкатил глаза, но смотрел не на меня, а на Екатерину. Талант его спрятался и даже тенью в эфире не напоминал о себе.

— Х-р-р!

— Константин Платонович! — Екатерина подскочила ко мне и схватила за руку. — Прошу вас, отпустите его. Никита Иванович осознал ошибочность своих суждений. Он нужен нам, Константин Платонович!

Панин задёргался всем телом — не слишком это было похоже на кивок, но я не стал настаивать. Опустил ладонь и отпустил скудельницу.

— Х-х-а! Х-а! Х-а!

Согнувшись в три погибели, Панин хватал воздух ртом.

— Никита Иванович, вы осознали?

— Х-х-да!

— Чудно, — я улыбнулся. — Полагаю, на этом споры закончены. Екатерина Алексеевна, манифест и присяга уже написаны?

Императрица кивнула.

— В таком случае не будем терять время. Но прежде чем мы займёмся неотложными делами, все присутствующие присягнут Екатерине Алексеевне. — Я перехватил взгляд Панина и добавил: — А кто откажется, увы, будет вынужден задержаться в этой комнате на некоторое время.

Ни Панин, ни Иван Шувалов возражать не стали. Орловы, Суворов и Бярятинский с неприкрытой усмешкой наблюдали, как они приносят присягу императрице в первых рядах. А следом и все остальные отрезали себе дорогу назад и присягнули на верность.

Через полчаса Екатерина в сопровождении своих

сторонников отправилась в Сенат. Я задержал Панина буквально на минуточку и тихо спросил:

— Никита Иванович, надеюсь, между нами не осталось недопонимания и обид? Всё, что было сделано, — исключительно во благо России.

Он зыркнул на меня, поморщился, но ответил:

— Никаких обид, Константин Платонович. — Он машинально потёр шею. — Даю слово, что не буду мстить и даже близко к вам не подойду.

— Очень мудрое решение.

— Но ваше «благо», — у него дёрнулась щека, — не совпадает с моим видением. Даже не надейтесь, что я теперь буду во всём с вами соглашаться и поддерживать.

— Вот и чудесно, Никита Иванович! Вы образованный честный человек, мне будет приятно с вами поспорить.

Панин так на меня глянул, что было понятно — он бы меня придушил вместо всяких споров. Но больше так подставляться ни за что не будет.

— Идите, Никита Иванович, я вас не задерживаю.

Жаль, что Екатерина не дала мне довести дело с ним до конца, одним недоброжелателем было бы меньше. С другой стороны, ему сейчас придётся доказывать ей свою лояльность и во всём поддерживать. И пользы от него живого может оказаться больше, чем от мёртвого. А я пригляжу, чтобы он не вышел за рамки дозволенного. В крайнем случае его всегда может навестить Киж.

* * *

Пока Екатерина принимала присягу у Сената и Синода, я с гетманом Разумовским, старшим Суворовым и князем Вяземским занимался «рутиной революции». Мы рассылали курьеров в провинцию к гражданским и военным начальникам, а также к генералам войск, находившихся в Пруссии. Отправили послам официальные уведомления о перемене царствующей особы. По всем трактам были расставлены пикеты, а дорога на Ораниенбаум была перекрыта заслоном с артиллерией.

Из всей этой суеты запомнился забавный случай. Оказалось, что Вяземский ещё вчера арестовал наборщиков типографии

Академии наук. Их вежливо, но настойчиво погрузили в экипажи и отвезли на гауптвахту одного из пехотных полков под Петербургом. Там накормили, напоили и с удобствами устроили по камерам. А сегодня вернули обратно и поручили печатать официальные распоряжения, воззвания и манифест императрицы.

Ещё одно дело я взял на себя лично. Из каждого гвардейского полка забрал по роте и отправил их в Летний дворец для защиты наследника. Командирам сделал строгое внушение, что они головой отвечают за Павла. Только, услышав задание, они начали высказывать недовольство — считали, что полкам придётся драться против голштинцев или ещё кого, и желали отличиться в бою. А я, по их мнению, лишал их славы и наград. Пришлось пообещать, что без орденов они не останутся, и я лично буду хлопотать за них перед императрицей. Но старшим над ними всё-таки назначил Кижя — ему доверия у меня больше, чем любому из гвардейцев.

Вместе с вояками отправился и Васька. Прохиндей сумел прошмыгнуть в Зимний дворец мимо всех караулов и нашёл меня среди той неразберихи, что там творилась. Подавать чай и носить багаж мне не требовалось, а вот подле наследника с телеграфной табакеркой он был как раз к месту. Я приказал сразу отстучать мне, если возникнет опасная ситуация.

— Ваше высокоблагородие, — ко мне подбежал молодой камер-паж, — Её императорское величество Екатерина Алексеевна срочно желает вас видеть.

Пока мы шли переходами Зимнего дворца, мальчишка то и дело косился на меня. С восхищением, обожанием и немного страхом, как будто я мифическое чудовище, явившееся во дворец из старинных легенд. Стало даже любопытно, что такого обо мне рассказывают после сегодняшних событий? И кто такой умный разносит эти байки?

— Прошу, ваше высокоблагородие!

Караул перед залом, где ждала императрица, пропустил меня без лишних вопросов. Причём их взгляды были точно такие же, как у мальчишки-пажа. Нет, точно надо взять одного из них и потрасти, чтобы пересказал все слухи.

— Ваше Величество, я вынужден настаивать. Ваше бегство и заигрывание с гвардией недопустимы! Его императорское величество Пётр Фёдорович...

Екатерина сидела за письменным столом, поджав губы и сведя брови к переносице. А напротив стоял канцлер Воронцов с папкой в руке и строгим тоном выговаривал ей.

— Кхм.

Я слегка хлопнул дверью, чтобы привлечь внимание. Они обернулись и, увидев меня, отреагировали совершенно по-разному. Екатерина сразу же расплылась в улыбке, а Воронцов спал с лица и прижал папку с бумагами к груди.

— Константин Платонович, как я рада вас видеть! Вы вовремя как никогда.

Она поднялась со своего места и вышла мне навстречу. Протянула руку для поцелуя, а после взяла мою ладонь и вздохнула.

— Простите, что отвлекла вас от дел, Константин Платонович. Я знаю, как вы заняты, но здесь дело чрезвычайно деликатное. А как я сегодня убедилась, вы большой мастер их решать. Вот, Михаил Илларионович приехал от моего мужа и хочет чего-то странного. Вы не могли бы обсудить с ним и всё решить?

— Конечно, Ваше Величество, — я поклонился и посмотрел на Воронцова, — не думаю, что это сложная проблема.

— Тогда я вас оставляю.

Екатерина снова улыбнулась и величественно двинулась к выходу.

— Екатерина Алексеевна! — крикнул ей вслед Воронцов, взмахнув папкой. На лице у канцлера появились отчаяние и обречённая тоска.

— Все вопросы решите с Константином Платоновичем. До свидания, Михаил Илларионович.

И она вышла из комнаты, оставив меня наедине с Воронцовым. Он тяжело вздохнул и грузно опустился на стул, глядя рассеянным взглядом куда-то в угол. Да уж, ситуация! Кажется, после стычки с Елагиным, Екатерина действительно считает меня за эдакого личного монстра, решающего сложные проблемы.

Я не стал торопиться. Подошёл к окну, отдёрнул штору и заложил руки за спину. Несколько минут разглядывал гвардейцев, стоящих перед Зимним дворцом, пушки с расчётами и экипаж, подъехавший к входу. И даже сдержал смехок, когда увидел, что из кареты выбирается Александр

Шувалов. Что, крысы уже побежали с тонущего корабля императора? Или этот тоже хочет уговорить императрицу вернуть всё как было?

— Константин Платонович, — Воронцов не выдержал и заговорил первым, — что вы собираетесь со мной делать? Убьёте?

Глава 27

Шувалов

Не спеша обернувшись, я впился в Воронцова пристальным взглядом. Граф от такого внимания слегка побледнел и опустил глаза. По рассказам, что мне приходилось слышать, он был хитрый, изворотливый и очень осторожный. Говорили, что Воронцов брал деньги у всех европейских послов и при этом умудрялся никому ничего не обещать. К этой характеристике я бы добавил, что передо мной сидел патологический трус. На лбу у него выступили бисеринки пота, пальцы еле заметно дрожали, а глаза бегали из стороны в сторону, как испуганные зайцы. Уж не знаю, как он решился давить на Екатерину, но на меня даже смотреть боялся.

— Ну что же вы говорите, Михаил Илларионович? Разве я похож на убийцу?

Воронцов вытащил из кармана платок и нервно вытер лоб.

— Я не знаю, на кого вы похожи, Константин Платонович. Зато слышал, что о вас говорят.

— И что же такого обо мне рассказывают?

Он всё-таки посмотрел на меня серыми водянистыми глазами.

— Что вы некромант и «Кунерсдорфский мясник», убивший Фридриха. Что без колебаний расправляетесь со своими врагами.

Я улыбнулся, и Воронцов, вздрогнув, отвёл взгляд.

— Да, что есть, то есть.

Не торопясь, я подошёл к графу и встал за его спиной. Он заёрзал на стуле, но не решился обернуться. Я наклонился и вкрадчивым шёпотом спросил:

— А разве вы мне враг, Михаил Илларионович?

— Н-н-нет, — Воронцов замотал головой, — не враг. Но Екатерина Алексеевна...

— Просила разобраться с вашим делом, не больше. Расскажите же мне, Михаил Илларионович, что вы хотели от императрицы?

— Я... — он вдруг икнул и прижал ладонь ко рту, — прошу прощения, это нервическое.

— Продолжайте, Михаил Илларионович, я слушаю.

— Я приехал от Петра Фёдоровича...

— Так-так.

— Чтобы...

— Да?

— Усовестить её. Она должна приказать гвардии вернуться в казармы, а сама ехать к императору и молить о снисхождении.

— Вот как, понятно. Это Пётр Фёдорович вас направил? Или вы сами вызвались?

Воронцов вздохнул.

— Кто-то должен был это сделать, Константин Платонович. Я не предполагал, что встречу здесь вас. Император считает, что вы умерли.

— Да вы что! Ах, как неудобно получилось перед императором. Но, увы, увы, дорогой Михаил Илларионович, исправить это упущение никак не получится.

Я вздохнул и снова отошёл к окну. Заложил руки за спину и принялся рассматривать улицу, держа паузу. Прошла минута, другая, Воронцов занервничал и не выдержал.

— Константин Платонович, вы не сказали...

— Ах да, ваше дело! Боюсь, Михаил Илларионович, что ваше предложение выполнить никак невозможно. Я бы даже сказал, что ситуация требует поступить наоборот.

— Что вы имеете в виду?

— Это вам, — я обернулся и выразительно поднял бровь, — придётся принести присягу императрице. Если, конечно, вы хотите выйти отсюда живым и здоровым.

И всё же, каким бы продажным и скользким вельможей ни был Воронцов, у него имелось определённое чувство чести. Или его трусость дошла до предела, и он перестал бояться.

— Простите, Константин Платонович, но я не могу поступить подобным образом.

Он вытер вспотевший лоб и посмотрел с вызовом.

— Вот как?

— Именно. Моя честь...

— Оставьте, Михаил Илларионович. Все знают, что на посту канцлера вы брали деньги от послов Англии, Австрии, Пруссии и Франции, обещая повернуть политику России в нужное им русло. Причём обещали разное, обманывая при этом всех.

— Вы не понимаете, Константин Платонович. Это другое!

— Другое? А может, вы не хотите присягнуть императрице

из-за своей племянницы?

— Э...

— Фаворитки Петра Фёдоровича, на которой он обещал жениться, избавившись от Екатерины Алексеевны.

Воронцов изобразил на лице возмущение, но не слишком старательно.

— Впрочем, — я махнул рукой, — не буду вас неволить. Не хотите — не нужно. Вам только придётся задержаться здесь и немного посидеть под арестом. Не беспокойтесь, никакой тюрьмы и пыточных застенков. Во дворце достаточно комнат, где вы будете чувствовать себя наилучшим образом.

На его лице мелькнуло облегчение, и он расслабленно откинулся в кресле. Пожалуй, я ненароком оказал ему услугу: если победит Пётр, то он освободит канцлера, а если верх возьмёт Екатерина, Воронцов всегда может передумать и присягнуть ей. Он спокойно дожждётся окончания кризиса и выйдет из него с минимальными потерями. А мне сейчас нет особого резона давить на него — Воронцов не та фигура, которая может что-то изменить в раскладе переворота. Хотя у меня имелся ещё один интерес к канцлеру.

— Но, прежде чем я позову гвардейцев, ответьте мне на маленький вопросик, Михаил Илларионович.

Я подошёл к нему, наклонился и заглянул в глаза.

— Кто приказал врачу-цвергу дать яд Елизавете Петровне?

Воронцов побледнел так, будто собирался свалиться в обморок.

— Да как вы...

— Смотреть мне в глаза! Смотреть, я сказал!

Канцлер попытался призвать Талант. Но Анубис только этого и ждал, одним ударом чистого эфира вбив того обратно. Я тут же схватил Воронцова за запястья и прижал его руки к подлокотникам стула.

— В глаза мне смотри! Кто приказал дать яд? Ты?

— Я ничего не знаю! Ничего не видел! — он сорвался на визг. — Это не я!

— Кто?

Анубис снова ударил Воронцова силой наотмашь.

— Отвечай!

— Не знаю! Я уехал в сенат за завещанием императрицы! Сашка Шувалов попросил меня не торопиться, сказал, они

отговорят её!

— Они? Вторым был его брат?

— Волков!

— Кто это?

— Дмитрий Васильевич, — Воронцов затараторил, глядя мне в глаза. — Он тогда был секретарём конференции министров. А после смерти Елизаветы Петровны стал личным секретарём Петра Фёдоровича. И секретарём особого совета при императоре. Он там всё решает и пишет указы для Петра Фёдоровича.

Волков, значит. Секретарь в кубе какой-то, вращающийся вокруг императоров. Интересная картина вырисовывается: это ведь он привёл врача к Елизавете тем вечером, а затем стал доверенным лицом Петра. Вызывает, знаете ли, подозрения.

— Они ещё что-то тебе говорили? Отвечай!

— Нет, нет!

Анубис усилил давление через эфир, а я сильнее прижал его руки. В расширенных от страха зрачках Воронцова отразилась оскаленная пасть шакала, и он окончательно «поплыл».

— Сашка Шувалов уже после просил меня не рассказывать, что Елизавета хотела изменить завещание, — захныкал он. — Чтобы избежать лишних кривотолков и не подрывать власть Петра. А Волков всем говорит, что приехал во дворец уже после смерти Елизаветы, будто его там вовсе и не было.

— И всё?

— Да! Честное слово! Я больше ничего не знаю! Не надо, пожалуйста!

Я отпустил его, отстранился и отряхнул руки. На Воронцова было жалко смотреть: дрожащими пальцами он пытался утереть лицо платком, при этом шмыгал носом и тихо всхлипывал.

— Ну, Михаил Илларионович, успокойтесь. Ничего плохого я вам не желаю и не сделаю.

— Не говорите им, — прошептал Воронцов, — что я об этом рассказал.

— Обещаю, этот разговор останется строго между нами.

* * *

Третиловать Воронцова я больше не стал. Вызвал гвардейцев,

приказал посадить его под «домашний» арест во дворце и приставить охрану. Пусть себе отдыхает, пока Екатерина не решит, что с ним делать. Может, он ей на дипломатическом фронте пригодится, а может, отправит в отставку и дело с концом. В любом случае, мне уж точно нет дела до его судьбы.

А вот к Шувалову и Волкову появились конкретные вопросы. Первый уже здесь, и мне может представиться случай его допросить. Всё зависит от того, согласится он присягнуть императрице или нет. А вот Волкова придётся искать и тихонько захватить, скажем, с помощью Кижя. Я собирался докопаться до истины и воздать убийцам императрицы по заслугам.

Кстати, забавная штука всплыла в памяти. Именно Волкова просил убить Бестужев во время последнего разговора. Чувствую, этот секретарь успел отдавить ещё и мозоли бывшего канцлера. Экий деятельный дядечка, однако.

Бубух!

Пол под ногами вздрогнул. Следом послышался жуткий грохот, а меня окатило волной эфирного перегара. Судя по всему, кто-то не очень умный кинул «молот» прямо во дворец. Нападение? Покушение на императрицу? Немедля я бросился к месту взрыва.

Пробежав несколько залов, я увидел сорванные с петель двери, криво висящие в проёме. Рядом, стоя на коленях, двое гвардейцев раскачивались из стороны в сторону, прижимая ладони к ушам. Не обращая внимания на контуженых, я отшвырнул покорёженные створки дверей и ворвался в комнату.

Внутри царил настоящий разгром. Мебель была расколочена в щепки, паркет на полу вздыбился, а на стене тлела разорванная портьера. Возле окна застыла Екатерина, зажмурив глаза и прижав руки к груди. Её закрывал Орлов, выставив перед собой магический щит. В порванном мундире, с вымазанной кровью щекой и гудящим от напряжения Талантом. Он пошатывался, оглушённый взрывом, но упорно качал эфир в защиту.

Посреди зала лежали трое мёртвых гвардейцев, будто куклы, у которых злой ребёнок оторвал ручки-ножки. Пушистый ковёр под ними потемнел от крови, и пятно с каждой секундой становилось всё больше и больше.

А у противоположной стены с пола поднимался Александр Шувалов. Он тряс головой, держался за стену и то и дело сплёвывал розовую слюну. Без сомнения, это он бросил «молот». Вот только армейское заклинание, сработавшее в комнате и отражённое Орловым, оглушило и его самого.

Рядом с Шуваловым, лёжа на полу, стонал седой старичок в мундире полковника Преображенского полка. Ага, вот и сбежавший командир гвардейцев нашёлся!

Анубис отреагировал на мгновение раньше, чем я успел сориентироваться. Мощный поток эфира вырвался из меня и рухнул на тела гвардейцев. С ковра взметнулся фонтан крови и закрутился в воздухе, превращаясь в тонкие диски. Визжа на пределе слышимости, циркулярные пилы ринулись на бывшего главу Тайной канцелярии.

Даже оглушённый, он был очень силён. Три диска разбились о его щит кровавыми брызгами, пачкая стены и обломки мебели. Ещё два он развеял движением руки, будто отмахнувшись от назойливых мух. Но следующий, летящий почти у пола, достал его. Словно скальпель хирурга полоснул Шувалова по колену и отсёк ногу.

— А-а-а-а!

Он страшно закричал и упал на четвереньки. Вскинулся, не понимая, что лишился ноги, и пытаюсь встать. И в этот момент последняя пила добралась до его шеи. Голова всесильного вельможи с глухим стуком упала на пол и покатилась, как мяч для страшной игры.

* * *

В комнату вбежали гвардейцы, поднялся шум и крики. Старичка, оказавшегося князем Трубецким, арестовали. Труп Шувалова накрыли какой-то тряпкой, а тела погибших преображенцев унесли их товарищи.

Вместе с Орловым мы увели Екатерину в тихую комнату, подальше от разгрома и удушливого перегара эфира. К счастью, туда прибежали Сашка и Таня и взялись приводить императрицу в чувство.

— Это я виноват, — Орлов достал флягу и хорошенько к ней приложился, — спровоцировал Шувалова.

— Что именно произошло?

— Они с Трубецким стали угрожать, что император приведёт сюда войска. Шувалов велел Кате распустить гвардию и ждать мужа. Она пыталась его вразумить, но он только заводился и требовал. Ну я и не выдержал, приказал арестовать их обоих.

Орлов поморщился и потёр расцарапанную щёку.

— Еле успел щит поставить, когда он по мне влупил. Катю я прикрыл, а вот остальных накрыло откатом.

— Не надо!

Екатерина поднялась с кушетки, отстранив Сашку с Таней. В её взгляде горели злость и решительность.

— Он хочет войны? — императрица погрозила кулачком невидимому Петру. — Он её получит! Гриша, собирай гвардию — мы выступаем на Петергоф!

Глава 28

Кронштадт

Смерть, прошедшая рядом с Екатериной и на мгновение показавшая свой лик, будто сломала в императрице внутренние барьеры. Она отбросила сомнения и решительно взялась доводить переворот до финала.

Переодевшись в военный мундир, она приказала построить гвардейцев. Вышла к ним и объявила себя полковником Преображенского полка. От радостных криков в Зимнем дворце зазвенели стёкла, а у меня чуть не заложило уши. И сразу же, как стихли восторги, Екатерина выкрикнула, что начинает поход на Петергоф. Чтобы низложить императора и привести в порядок дела России.

Я стоял позади императрицы в толпе её приближённых. Среди князей, высших сановников и сенаторов. Там же крутились и мои девчонки, тоже переодетые в гвардейские мундиры, только не офицерские, а солдатские. Судя по всему, Екатерина благоволила им, и даже Дашкова посматривала в их сторону с лёгкой ревностью.

Импровизированный смотр гвардейцев закончился радостными криками и слитным гулом. И тут же полки начали перестраиваться в походные колонны, чтобы двинуться в поход. Екатерине подвели лошадь — она лично собиралась возглавить свою маленькую армию и повести их против мужа. Но прежде чем сесть в седло, она нашла меня глазами и жестом подозвала к себе.

— Константин Платонович, у меня будет к вам небольшая просьба.

— Всегда к вашим услугам, Ваше Величество.

— Я приказала адмиралу Талызину отправиться в Кронштадт. Привести гарнизон и экипажи кораблей к присяге и не допустить захвата флота и бегства, — она поморщилась, — моего мужа в Пруссию.

Что же, я мог только одобрить подобный приказ. Если Пётр получит флот и с ним уйдёт в Кёнигсберг, к стоящим там войскам, то ситуация крайне осложнится. Конфликт перейдёт в затяжную фазу, а после в настоящую войну.

— Но адмирал уже немолод, — продолжила Екатерина, —

да и людей у него почти нет. Не могли бы вы вместе с князем Барятинским сопроводить его? Уверена, ваш Талант может решить любую проблему. К тому же пушки в Кронштадте находятся не в лучшем состоянии, а вы занимались артиллерией. Я ведь правильно помню?

— Всё верно, Ваше Величество. Буду рад выполнить вашу просьбу.

Екатерина улыбнулась и коснулась моей руки.

— Сегодня вы снова спасли меня. Я перед вами в неоплатном долгу, Константин Платонович. Будьте уверены, я найду, как вас отблагодарить.

— Не стоит сейчас о наградах, Ваше Величество, оставим до нашей полной победы.

Она кивнула.

— Пусть так. Вы что-то хотели спросить?

— Ваше Величество, полагаю, моего присутствия в Кронштадте будет достаточно. Есть ли смысл посылать ещё и князя Барятинского?

— Ох, Константин Платонович, — императрица досадливо дёрнула плечом, — брат князя — флигель-адъютант моего мужа. Они не ладят после смерти отца, и Фёдор Сергеевич рвётся в бой, чтобы встретиться с братом во время сражения. А мне бы не хотелось, чтобы он лез на рожон и погиб по глупости.

Вот оно что! Братья оказались по разные стороны баррикад и хотят решить личные разногласия под шумок переворота. Да уж, забавная в некотором роде ситуация, но такое уже не раз бывало в истории. Да и сейчас наверняка таких историй будет не одна и не две, когда дело дойдёт до прямого столкновения.

* * *

Адмирал оказался коренастым мужчиной лет шестидесяти. С большими залысинами, двойным подбородком и массивным носом, похожим на нос корабля. Наше с Барятинским появление он воспринял с раздражением и смотрел крайне враждебно.

— Мне не нужны сухопутные штафирки, — он с отвращением покосился на мой камзол, проигнорировав мундир Барятинского. — Вы мне что собаке колесо, понятно?

Возвращайтесь к Екатерине Алексеевне и передайте, что одного адмирала будет достаточно, чтобы разобраться с флотом.

Барятинский вспыхнул и уже открыл рот, чтобы высказать Талызину всё, что думает, но я успел схватить его за локоть и крепко сжать. Ссориться с адмиралом не было никакого смысла, а вот нормально поговорить и объясниться стоило попробовать.

— Иван Лукьянович, не стоит судить по одежке. — Я соорудил доброжелательную мину. — Начнём с того, что я полковник, а не штафирка.

Талызин в ответ громко и недоверчиво хмыкнул.

— Во-вторых, я не собираюсь вмешиваться в ваши морские дела. Признаю — ничего в кораблях и флоте я не понимаю. А вот с пушками как артиллерист помочь смогу. Нет, если все орудия в Кронштадте содержатся в идеальном порядке, то мы даже заикаться не будем, чтобы ехать с вами. Поверьте, Иван Лукьянович, у нас и так хватает дел.

На лице адмирала мелькнуло сомнение. С одной стороны, ему не хотелось делиться славой и заслугами перед императрицей. А с другой, Талызин знал о реальном состоянии пушек. Уверен — пока шла война с Пруссией, всех стоящих деланных магов отправляли в войска. И не факт, что флот получил обратно своих специалистов. Могу поспорить: половина орудий разряжено, если не больше.

— Погодите, — Талызин всмотрелся мне в лицо, — вы же Урусов? Что же вы сразу не сказали, голубчик! Наслышан, как вы с единорогами работали.

Адмирал тут же схватил меня под руку и потащил в сторону пирса, где ждал корабль.

— Да мне вас само провидение послало! Только вчера обсуждали на адмиралтейств-коллегии, как нам приобрести хоть одного толкового оружейника. Не хотите перейти во флот? Подумайте, я лично похлопочу, чтобы вы получили следующий чин.

На Барятинского адмирал всё так же не обращал внимания, но и прогонять передумал. Князь гордо вздёрнул подбородок и молча следовал за нами.

— Сейчас требуется поторапливаться, до Кронштадта ещё добраться надо. Но после, голубчик, я вас не отпущу. Флоту нужны такие люди, как вы! Будьте уверены, вы станете

первостатейным моряком, если согласитесь!

* * *

Шлюпка скользила по тёмной воде, приближаясь к пристани Кронштадта. В сумерках громада форта казалась гигантским левиафаном, выбросившимся на берег. Ярко горящие огни на стенах, похожие на глаза чудовища, словно наблюдали за нами с ленивым интересом. Сожрать сейчас или подождать, пока букашки в лодочке подойдут ближе?

Барятинский, сидевший рядом со мной, нахохлился и мрачно глядел вперёд.

— Всё в порядке, Фёдор Сергеевич? — шёпотом спросил я его.

— А? Да нет, ерунда. Просто дурные предчувствия.

На его голос обернулся Талызин, сидевший впереди.

— Судари, — он окинул нас тяжёлым взглядом, — Константин Платонович, князь. Когда высадимся на берег, я прошу вас молчать. Я знаю коменданта Нуммерса, он старый служака и верен присяге. Мне необходимо переговорить с ним наедине, чтобы не было лишних осложнений.

— Конечно, Иван Лукьянович. Мы здесь чтобы помочь вам, а не устраивать бучу.

Барятинский кивнул, подтверждая мои слова. Их с Талызиным неприязнь оказалась взаимной, но оба в первую очередь думали о деле, а не о личных склоках.

— Благодарю.

На пирсе нас уже ждали несколько матросов и седой невысокий цверг во флотском мундире.

— Густав! — Талызин вышел из шлюпки и протянул руку цвергу. — Давненько не виделись!

— Рад фидеть, Иван Лукьянович, — комендант склонил голову. — Что там происходит ф Петербурге? Перефорот?

— Не знаю, Густав, не знаю. Я был в имении, туда новости с трудом доходят. Услышал, что там какие-то беспорядки, и решил, что должен приехать сюда. Моё дело быть с флотом, что бы ни случилось.

Комендант часто закивал, одобряя такой подход.

— Ферно, ферно. Пройдёмте, — пригласил он нас жестом, — фечер прохладный, не помешает фыпить стакан грога.

Идти не пришлось далеко, дом коменданта располагался в пяти минутах ходьбы от порта. Небольшой двухэтажный особнячок, выстроенный из того же камня, что и стены укреплений. Даже окна в нём напоминали бойницы для пушек, будто указывая, что комендант денно и ночью несёт свою нелёгкую службу. Едва мы вошли, Нуммерс позвал служанку и велел приготовить горячий грог.

— Присаживайтесь, судари.

Комендант совершенно не заинтересовался моей личностью и Барятинским. Мол, начальство знает, кто мы, а ему это неинтересно. Но при этом оставался вполне радушным хозяином.

— Могу предложить фам ужин, если желаете.

— Густав, — Талызин снял плащ и повесил на спинку стула, — не хотел говорить при твоих подчинённых, чтобы избежать слухов и паники. Сегодня Екатерина Алексеевна объявила себя самодержавной императрицей и взяла власть. Гвардия уже признала её и сейчас движется к Петергофу, чтобы низложить Петра.

Нуммерс хмыкнул и покачал головой.

— Так я и подозревал. Дафно было пора дать укорот этому мальчишке.

— Мне предписано привести к присяге гарнизон Кронштадта и экипажи кораблей.

Талызин достал скрученную в трубочку бумагу и протянул коменданту. Тот вытащил из кармашка пенсне, нацепил на нос и развернул документ.

— Я, я, фижу. «Что адмирал Талызин прикажет, то исполнить». Хороший приказ.

В комнату проскользнула служанка с подносом в руках и расставила на столе глиняные кружки, исходившие паром. Комендант вернул бумагу Талызину, взял одну из кружек и залпом выпил до дна.

— Есть маленькая сложность, Иван Лукьянович. За час до фас прибыл посланник Петра Фёдоровича, Пётр Антонович Девиер. Он приказал прифести корабли в полную готовность и ждать императора.

Талызин нахмурился.

— Я на фашей стороне, Иван Лукьянович! — комендант выставил ладони. — Готоф прифести всех к присяге и признаю

Екатерину Алексеевну. Но посланник императора может поднять бунт, если фы с ним ничего не сделаете.

— Мы его арестуем, — вмешался я. — Где он?

— Ф соседнем доме, — махнул рукой комендант. — Пейте грог, у нас полно фремени. Они, наферно, уже спят.

— Они?

— Да, с ним ещё какие-то люди.

— Нет времени, чтобы пить. Чем быстрее арестуем, тем лучше.

С сожалением глядя на остывающий грог, комендант вздохнул, но спорить не стал.

— Идёмте, здесь рядом.

* * *

На улице, где стоял дом коменданта, было всего три фонаря. Один возле самого особняка, другой мерцал где-то далеко справа, а третий всего в тридцати шагах слева. Вот около него мы и столкнулись с небольшой компанией. Я шёл позади Нуммерса и Талызина и увидел, как в круге света они оказались лицом к лицу с высоким надменным мужчиной в генеральском мундире, молодым офицером и тремя солдатами в голштинской форме с «огнебоями» на плечах.

— Какая неожиданная встреча! — генерал застыл на месте. — Что вы здесь делаете, Иван Лукьянович?

Талызин церемонно поклонился.

— Несу службу, Пётр Антонович. А что вы забыли здесь ночью?

Я узнал генерала. Покойный Девиер, убитый Серафимом, был один к одному похож на своего отца, генерал-аншефа. Отличная встреча! Не придётся его будить, чтобы арестовать.

— Выполняю приказ императора.

— Фёдор?!

Сопровождавший Девира офицер шагнул вперёд, и свет фонаря упал на его лицо. С чертами один в один с лицом князя Барятинского, только чуть старше.

— Иван, — князь тоже вышел вперёд, — какая удача, что я встретил тебя здесь.

Они уставились друг на друга с такой ненавистью, как могут ненавидеть только родные люди.

— Так-так, — Девиер мрачно усмехнулся, глядя на эту встречу, — кажется, я должен вас арестовать, Иван Лукьянович.

— Меня? И за что же?

— Неважно, — Девиер покачал головой, — был бы человек, а вина найдётся. Хотя бы за то, что вы здесь, а не со своим императором.

— Скорее, это я вас арестую, — Талызин положил руку на рукоять шпаги.

— Вы? — Девиер рассмеялся. — Адмирал, не вам тягаться со мной. Я могу раздавить вас одной левой и даже не вспотею.

— Тогда я вас арестую, — я вышел из тьмы и улыбнулся, — тоже за что-нибудь. Например, за бесчестную попытку воровства.

— Вы?!

Девиер уставился на меня, выпучив глаза, а затем резко активировал Талант.

Глава 29

Прочь!

Ни я, ни Девиер не успели наколдовать даже простейший всполох. Оба князя Барятинских, наш Фёдор и их Иван, обнажили клинки и бросились друг на друга.

Запела сталь, скрещиваясь и разбрасывая яркие голубые искры. Магическим зрением я видел, что бой не обошёлся без колдовства — Таланты обоих поединщиков работали в полную силу, качая эфир в шпаги. Каждый их взмах оружием порождал волны силы, которые сталкивались и горели невидимыми эфирными молниями. Полагаю, это магия из родовых секретов, как раз для подобных дуэлей на холодном оружии. Увы, слишком напряжённой была сила вокруг них, так что подсмотреть детали плетений оказалось невозможным. А жаль, я бы с удовольствием использовал подобные приёмчики.

— Ненавижу! Это ты виноват!

— Нет!

Что я с Талызиным с одной стороны, что Девиер с солдатами с другой вынуждены были отступить, чтобы не попасть под магические удары князей. Эти двое отплясывали по-настоящему красивый и грациозный танец. Вот только закончиться он должен был смертью одного из них.

— Убью!

Иван Барятинский расхохотался, продолжая фехтовать и качать эфир в плетения.

— Давай! Убей! Покажи, что ты не рохля!

— Вот тебе! На! На!

От сильного удара шпаги высекли настоящий фонтан искр, от которого стало светло как днём.

— Убей, если сможешь! Ну, что же ты? Цыплёнок!

Фёдор Барятинский зарычал и выдал серию пируэтов, в конце прочертив кончиком шпаги полосу поперёк груди брата.

— На! Получай!

Пошатнувшись, Иван Барятинский слишком далеко отвёл шпагу, и в следующий момент получил укол ниже сердца.

Он закачался, схватившись рукой за клинок. Посмотрел на брата и горько усмехнулся.

— На мне нет греха, братишка. Отец уже был мёртв, когда я

пришёл к нему. А вот тебе придётся рассказать матушке, что это ты меня убил.

Ноги у него подкосились, и Иван Барятинский осел на мостовую.

— Нет! Брат!

Фёдор кинулся к брату и упал рядом с ним на колени.

* * *

Наблюдать за семейной драмой было некогда. Едва поединок закончился, как Девиер заорал:

— Огонь! Убейте их всех!

И швырнул в меня целый ворох огненных всполохов. А солдаты вскинули «огнебои» и выстрелили слитным залпом.

То ли Девиер меня недооценивал, то ли понадеялся на внезапность, но он просчитался и ничего не добился. Я мгновенно поднял щит, прикрыв заодно и Талызина с комендантом. И тут же метнул в ответ «молот». Заклятье грохнуло взрывом, и солдат разметало, как кегли, оставив только облако удушливого эфирного перегара.

Так, стоп! А где Девиер? Я прищурился, вглядываясь в темноту, и заметил вдалеке убегающую фигуру. Вот же скотина! Это он меня отвлекал, чтобы самому под шумок смыться. Ну уж нет, дружок, не уйдёшь!

— По моему хотенью, по моему велению... — прошептал я на бегу, кинувшись за ним в погоню.

Фигура впереди споткнулась и кубарем полетела на землю. Отлично! Пусть «волшебные ручки» его немного успокоят, пока я лично до него не доберусь.

Увы, я ошибся, и Божедомский вертеп сегодня встретил противника по силам. Девиер практически сразу вскочил на ноги и вскинул ладонь. Вокруг него зажёгся хоровод огненных шестиконечных звёзд, принявшихся плевать огнём в мои «ручки» и отшвыривать их прочь.

Ёшки-матрёшки, да он же из марранов! Я не раз натыкался в книгах на описание их магии — главным оружием были вот такие огненные звёзды. Изгнанные из Испании, они осели по всей Европе и частенько оказывались на службе у королей. А отец Девиера прибил к Петру Великому и умудрился получить дворянство и графское достоинство.

Божедомскому вертепу приходилось несладко. Шестиконечные звёзды оказались крепким орешком и лупили огненными стрелами по атакующим рукам. Но блеск их пламени постепенно тускнел, а вот мёртвые кисти, наоборот, становились всё злее и настойчивее. Но всё имеет свою цену — Божедомский вертеп невидимой нитью присосался к Анубису и качал из него силу. Я стал его «батарейкой», подзаряжая магический конструкт и восстанавливая сожжённые руки.

Мой резерв оказался больше, чем у Девиера. Через минуту шестиконечные звёзды погасли и генерала захлестнула чёрная шевелящаяся волна. По тёмной улице прокатился крик ужаса и боли, а следом раздалось влажное чавканье, будто кто-то шлёпал по мокрой тряпке ладонью.

Когда я приблизился к Девиеру, от того мало что осталось. На мгновение запалив над ладонью магический огонёк, я взглянул в дрожащем свете на месиво, лежащее на брусчатке. И тут же погасил свет, не желая это разглядывать. Нет, пожалуй, Вертеп надо использовать очень осторожно — руки не умели останавливаться и не знали полумер.

* * *

Обоих Барятинских унесли в дом коменданта. Фёдор тоже получил удар шпагой в бедро, но в пылу схватки этого не заметил. И пока он хлопотал над братом, успел потерять порядочно крови и свалился рядом с ним. К счастью, ни один из них умирать не собирался — крови много, выглядит страшно, но, по заверению вызванного лекаря, не опасно для жизни.

Оставив раненых, мы с Талызиным и комендантом двинулись в порт. По тревоге подняли гарнизон крепости и экипажи кораблей. Построили их и под крики «ура!» привели к присяге на верность Екатерине. Я с удивлением отметил, что моряки не любят императора и искренне радуются его свержению. Ладно, гвардейцы обиделись из-за прусских мундиров, а эти-то чего?

После этого адмирал взялся усиливать посты и караулы, проследил, чтобы гавань закрыли бонами, и приказал всем быть в боевой готовности. В последующие пару часов он несколько раз объявлял учебную тревогу, поддерживая всех в

тонусе.

А я в это время занялся пушками, как и обещал. В провожатые мне выделили моряка, больше похожего на пирата. самого лихого вида, с трубкой в зубах и золотой серьгой в ухе. Не хватало только попугая на плече, но, увы, в нашем климате такие птички не приживались.

— Мичман Кожухов! — представился он. — Куда прикажете, ваше высокоблагородие?

— Давай-ка, братец, посмотрим ваши пушки на бастионе.

Чадящий факел я велел потушить. Вместо него взял короткую палку и наложил на неё пару Знаков, сияющих магическим светом. Вот с этим «светильником» мы и облазили весь бастион, прикрывающий порт.

Скажу честно: тот десяток пушек, что я осмотрел, могли довести до нервного смеха любого деланного мага. Все бронзовые орудия были начищены до блеска и содержались в идеальном порядке. Вот только Печати в них едва теплились, доведённые саморазрядом до распада. Последние годы из них практически не стреляли, а проводить штатную зарядку никто и не думал. Ну а зачем, правда? Так что в случае нужды вышел бы не выстрел, а невнятный «пук», которым не напугать даже младенца. И то, если бы нашёлся пальник с целой Печатью — эти вообще разрядились в ноль и не могли работать.

Времени на полную продувку и переоснастку не было, так что перепрошивать пушки я не стал. Ругаясь и матеря военноморских умников, ещё раз обошёл все орудия и с помощью Алубиса влил в Печати эфир. Получилось вполне неплохо: выстрелов по тридцать пушки сделать смогут, ну или простоят ещё пару лет до разряда. Пальники я приказал собрать в одном месте и почти час накладывал на них связки small wand'ом. Под конец аж взмок от напряжения — даже в армии я не работал в таком темпе.

— Устали, ваше высокоблагородие? — участливо спросил мичман. — Вот, выпейте, не побрезгуйте.

Он протянул стеклянную флягу, обмотанную кожей оплёткой. Я с подозрением принюхался и сделал маленький глоток. А ничего так! Крепко, но вполне себе приличная выпивка, даже у Кижы порой хуже бывает.

Мичман, видя мою реакцию, ухмыльнулся.

— Мы, ваше высокоблагородие, в питейных делах

понимаем. При Елизавете Петровне в поход на Мальту ходили, так и в Авалон заходили, и во Францию. И в каждом порту пробовали местное, да лучшее бочонками в трюм закатывали. Капитан нас в строгости держал, на борту ни капли не позволял. А вот на берегу — всегда пожалуйста.

Слушая его болтовню, я обернулся в сторону моря и разглядел там приближающиеся огни.

— Бей тревогу. У нас гости.

* * *

В предрассветных сумерках к Кронштадту подошли три корабля: пятидесятивосьмипушечный линкор, галера и хрупкая яхта. Линкор встал на некотором отдалении, а галера и яхта направились в порт. Вот только подойти к причалу не смогли из-за выставленных бон. Они остановились так близко, что можно было рассмотреть фигуры на палубе. Вытащив small wand, я нарисовал в воздухе два Знака, создавая воздушные линзы, и связал их эфирными нитями. Заглянул в магическую подозрную трубу и улыбнулся. А вот и император!

Естественно, он был там не один. Какие-то офицеры, адъютанты и прочая свита. А кроме того, целая куча придворных дам в пышных платьях, париках, даже с комнатными собачками в руках. Бог ты мой! Зачем он потащил их с собой, а? Вместо того, чтобы решительно подавлять переворот, он ездит с кучей придворных, теряя время, инициативу и мобильность. Это ведь не развлекательная прогулка, а серьёзное дело. Да уж, Екатерина в этом отношении куда более практичная.

— Фух! — Громко топая и тяжело дыша, к нам на бастион поднялся Талызин и тут же опёрся о стену, пытаясь перевести дух. — Константин Платонович, какие указания дала вам Екатерина Алексеевна на этот случай?

— Что вас смутило, Иван Лукьянович?

Он, отдуваясь на каждом шаге, подошёл ко мне и указал на корабли.

— Там свита императора. Если мы откроем огонь... Будет много жертв.

— И что?

— Константин Платонович, я не дам ломаного гроша за

наши жизни, если погибнут эти... ммм... придворные. Их семейства не пожалеют сил, забудут старые разногласия, объединятся, но накажут нас за гибель своих родичей. Мы не можем по ним стрелять!

— Согласен.

— И захватить не можем. — Палец указал на линкор. — С такой-то поддержкой. Что будем делать?

Я пожал плечами.

— А что тут думать? Если мы не имеем возможности их атаковать и захватить, то просто не дадим сойти на берег. Кожухов!

— Здесь, ваше высокоблагородие!

— Рупор есть? Будешь вести переговоры. Ругайся, кричи матом, угрожай, но чтобы они даже не пытались сойти на берег.

Мичман радостно осклабился.

— Слушаюсь! Сделаю всё в лучшем виде!

Ждать долго не пришлось. С галеры спустили шлюпку, и она подошла к бонам.

— Эй, там! Убрать боны!

Приглядевшись к кричащему из шлюпки офицеру, я ухмыльнулся. Опять старый знакомый! Черкасов, флигель-адъютант императора и друг покойного Девьера.

— Не велено!

Никакой рупор мичману не понадобился. Он приложил ладони ко рту, изобразив раструб, и заорал так, что слышали даже на линкоре. Силён мужик, ох и глотка!

— Убирай! Приказ императора!

— Ты, что ли, император? Непохож! А ну, шлюпку прочь, или я буду стрелять!

— Да как ты смеешь?! Я флигель...

— Вот и плыви, флигель, откуда приплыл!

— На галере приплыл...

— Плавает дерьмо, а моряки ходят! Не знаю никакого императора!

— Да я тебя!

— Наводи!

Ствол пушки дрогнул и стал опускаться. Черкасов спал с лица и принялся что-то приказывать матросам в шлюпке, размахивая руками.

В этот момент не выдержал уже сам император. Выхватив у кого-то из свиты рупор, он закричал:

— Впустите меня!

— Не велено! — заорал в ответ мичман.

— Это я, твой император! Или ты не узнал меня, матрос?

— Нет императора! Есть только матушка-императрица Екатерина Алексеевна!

Пушка снова дёрнулась, наводясь на галеру.

— Уводи корабли! — орал разошедшийся Кожухов. — А то стрелять буду!

— Уедем, уедем! — отчаянно заголосил кто-то с корабля. — Дайте время отчалить!

— Галеры прочь! Да здравствует матушка-императрица!

Мне было видно, как Пётр побледнел и уронил руки. На его лице появилась растерянность и обречённость. Стало абсолютно ясно — император пал духом и Екатерина уже победила.

Глава 30

Голова

С первыми лучами солнца я уже стоял на палубе корабля, направляющегося обратно в Петербург. Талызин пока остался в Кронштадте, чтобы навести порядок и в случае необходимости возглавить флот. Братья Барятинские лежали в доме коменданта и, кажется, помирились. Мне же, несмотря на уговоры адмирала, надо было срочно вернуться в столицу — начали терзать слишком дурные предчувствия.

Что-то всё слишком гладко идёт, на мой вкус. Да, император мечется и не решается пойти на столкновение. Скорее всего, Екатерина сможет добиться его отречения и арестовать без боя. Но что там с третьей силой, старыми родами, устроившими нападение на Петергоф? Не думаю, что они остановятся и примут всё как есть. А кто у нас сейчас слабое звено? Уж не наследник ли? Так что требовалось срочно прикрыть это направление, ну и решить ещё один вопрос, пока в столице нет лишних глаз.

Ветер оказался попутным, и уже в девять часов утра я сошёл на берег и напрямик отправился в Зимний дворец. После отъезда Екатерины здесь оставались рота гвардейцев, несущих караулы, немногочисленная челядь да посаженные под арест сановники.

Будете смеяться, но мне снова пришлось встретиться с Талызиным. Только не адмиралом, а его племянником Александром, подпоручиком Семёновского полка. Он командовал охранявшей дворец ротой и оказался страшно рад меня видеть.

— Константин Платонович, какое счастье, что вы приехали! А я уж думал, так и просижу здесь в одиночестве, пока другие воюют. Какие новости? Что происходит? Где Екатерина Алексеевна? До нас вообще никаких вестей не доходит.

— Простите, Александр Фёдорович, ничем не могу вас утешить. Сам едва вернулся из Кронштадта и не знаю обстановки. Думал, вы мне что-то расскажете.

— Увы, — он развёл руками, — мы тут в полном неведении.

Я немного слукавил. Таня с Сашкой регулярно слали сообщения — выступив достаточно поздно, Екатерина с

гвардией остановилась на ночёвку где-то под Стрельней. И до сих пор ещё оставались там, раздражая меня своей медлительностью. Впрочем, чего ожидать от гвардии, давно уже не сражавшейся как следует? Но я не стал рассказывать всего этого Талызину. Мало ли кому он сболтнёт, даже не нарочно.

— Александр Фёдорович, я здесь по важному делу. Скажите, труп Шувалова выдали родственникам?

— Ммм... Дайте вспомнить, — он поморщился и задумчиво уставился вверх. — Нет, кажется, нет. А зачем вам, Константин Платонович?

Я поманил его жестом, чтобы он наклонился ко мне, и шёпотом сказал:

— Необходимо проверить, не напал ли он на Екатерину Алексеевну под действием ментальной магии. Может статься, его зачаровали и заставили это сделать.

— Ах вот оно что! — также шёпотом ответил Талызин и покачал головой. — Никогда бы не подумал, что такое возможно.

— Только прошу, т-с-с! Никому!

— Ни единого слова, Константин Платонович, буду нем как рыба. Сейчас, погодите минутку, я найду, кто уносил тело.

Он и правда быстро справился. Нашёл двух дворцовых слуг, которые оттаскивали покойного Шувалова в подвал и укладывали на ледник.

— Константин Платонович, я вам обязательно нужен при осмотре тела? Не хотелось бы оставить моих молодцев без присмотра.

Судя по его взгляду, Талызин просто не хотел смотреть на труп и искал благовидный предлог, чтобы не ходить со мной.

— Не беспокойтесь, Александр Фёдорович, я справлюсь сам. — От моих слов на лице подпоручика появилось облегчение. — А вы не могли бы подыскать лошадь? Мне потом ехать по делам дальше, а не на чем.

— Легче лёгкого, Константин Платонович. Не успеете вернуться, а конь уже будет ждать вас.

* * *

Слуги проводили меня в ледник, но заходить внутрь не

спешили. Было видно, что безголовое тело бывшего начальника Тайной канцелярии внушает им панический ужас.

— Холодно здесь. Ты, — я указал на одного из них, — бегом на кухню, приготовь мне горячий чай. А ты найди перо и бумагу, чтобы написать протокол.

Судя по звукам шагов, донёсшихся из тёмного коридора, они бегом понеслись из страшного места. Я ухмыльнулся, плотно закрыл дверь ледника и запер её простым Знаком. На всякий случай, чтобы ни одна душа не стала случайной свидетельницей некромантского ритуала.

— У-у-у!

Анубис обрадованно завыл, едва я взял голову Шувалова и поставил её вертикально. Холодный воздух ледника показался мне жаркой пустыней, когда от мертвеца дохнуло могильным холодом. Запах мокрой земли смешался с трупным смрадом и жёстким перегаром эфира. Умерший Шувалов оказался крепким орешком, и сил, чтобы вытащить его из-за грани, потребовалось много.

— Очнись, мертвец! Открой глаза и ответь на мои вопросы.

Веки покойника дрогнули, будто он пробудился от сна, и мёртвые глаза открылись. Мутный взгляд вперился в меня без ненависти, без любви, без чувств. Одна тоска по ушедшей жизни плавала в нём, но и та утонула в безразличии, будто сухой листок в мутном омуте.

— Зачем ты звал меня, некромант? Отпусти, не тревожь мою смерть.

Голос звучал еле слышно, хриплый и сухой. Анубис, умничка, качал через обрезанную трахею воздух, позволяя покойнику разговаривать.

— Здравствуй, Александр Иванович. Я хочу получить от тебя ответы на некоторые вопросы. Как только ты их дашь — позволю тебе уйти.

— Спрашивай, некрот. — Глаза жутко провернулись в глазницах, на мгновение показав лишь желтоватые белки. — Может быть, я отвечу тебе. Если захочу.

— Ты не смеешь мне лгать, мертвец.

— Не могу. — Голова дёрнулась, словно хотела кивнуть. — Но могу просто не отвечать. Попробуй заставь меня.

Синие губы еле слышно засмеялись.

— Каждый раз одно и то же, — я вздохнул. — Вы, мертвецы,

думаете, что способны меня обдурить. Хамите, безобразничаете и забываете, кто я. Некроманту не нужно согласие, чтобы получить память покойника.

Анубис выпустил тёмные щупальца силы, собираясь сделать из мертвеца послушную куклу.

— Стой! — захрипел он. — Сам всё скажу, только дай обещание! Замолви словечко за дочь мою, чтобы Катька на ней не отыгралась. Тебе несложно, а со мной время сэкономишь.

— Клянись посмертием.

Голова несколько секунд пожевала губами, а затем нехотя произнесла слова клятвы.

— Хорошо. А теперь расскажи мне о смерти Елизаветы Петровны. Кто приказал врачу подлить яд ей в лекарство?

Покойник выпучил на меня глаза и несколько секунд молчал.

— Знаешь. Откуда?

— Неважно. Отвечай на вопрос.

— Волков, — проскрипела голова. — Он в кулаке всех пруссаков держал, что возле Петра крутились. Хотел стать канцлером, чтобы вместо этого дурачка править. А когда Лиза приказала завещание привезти, почувал, что может потерять власть.

— И ты ничего не сделал? Императрица тебя вознесла, а ты...

— Не знал я! — взвизгнул он. — После уже узнал, когда поздно было! Он угрожал, что вину на меня переложит!

— Не хотелось отомстить за свою благотельницу? — я спросил с издёвкой. — Она ведь столько для тебя сделала.

Скривившись, покойник уставился в сторону, не отвечая ни слова.

— Что знаешь про детей Елизаветы?

— Один умер во младенчестве. Другая в Италии обретается, ей деньги Лиза каждый год посылала.

— И всё? Больше нет никого?

— Если и есть, то я не знаю.

— Есть другие наследники, кто может на трон претендовать?

— Иван Антонович. Он в Шлиссельбургской крепости под надёжной охраной содержится.

Я облегчённо выдохнул. Замечательно! Если уж бывший

глава Тайной канцелярии не знает про Татьяну, значит, девушка в безопасности и мне удалось сохранить её происхождение втайне.

— Это всё? — Голова выпятила подбородок. — Ты обещал отпустить меня.

— Отпущу, я слов не нарушаю. Но вопросы ещё не кончились.

Мы проговорили с Шуваловым ещё минут сорок. Допрос неслабо жрал мои силы, и я не рискнул тратить на мертвеца весь резерв. Впрочем, бывший начальник Тайной канцелярии не слишком-то вдавался в работу своих подчинённых, больше выполняя роль придворного, чем начальника спецслужбы. Выпытывать из него тайны елизаветинского двора было неинтересно, а действительно нужного Шувалов знал немного. Деятельностью тех же масонов он не интересовался, получив от Елагина «подарок» в виде породистых борзых щенков. В общем, я был разочарован его осведомлённостью и служебными качествами. Или просто не знал, какие вопросы нужно задавать.

Но кое-что интересное я всё же смог узнать. И по связям высших сановников, и пару мелких секретов императрицы, и про кое-какие скелеты в родовых шкафах. Сейчас эти сведения мне не нужны, но запас компромата карман не тянет.

— Прусского некрота берегись, — заявила голова под конец беседы, — он тебя с кашей съест, если ему дорогу перейдёшь. Против него даже князь Голицын, которого ты убил, щенком выглядел. — Мёртвые губы растянулись в подобие улыбки. — Хотел бы я видеть, как он тебя...

— Замолкни, падаль.

Я раздражённо кинул в него сгусток эфира, и мертвец застыл с разинутым ртом. Превратившись в обычный труп и на глазах покрывающийся трупными пятнами. На всякий случай я наложил на останки заклинания против подъёма и вышел из ледника. Сейчас горячий чай лишним не будет — за время допроса я изрядно продрог, и в носу предательски свербило, намекая на насморк.

* * *

По дороге в Летний дворец на меня неожиданно напала дурнота. В глазах потемнело, пришлось схватиться за луку

седла, чтобы не рухнуть с лошади. А в следующий момент я услышал шорох чёрного песка, сыплющегося в мои песочные часы жизни. Нескончаемая струя лилась и лилась, добавляя год за годом. Под конец я сбился и не сказал бы, сколько отмерила Хозяйка в награду. Сто лет? Больше? Не знаю, слишком много было этих лет, полученных за чужие смерти. Великая уравнильница расщедрилась и сделала мне царский подарок за неполных два дня сражений. Лишь один вопрос меня мучил — закончилась ли «жатва», или это начало и я получил «маленький» аванс.

Гвардейцы, охранявшие Летний дворец, меня знали и без промедления отвели в покои наследника.

— Константин Платонович! Ну наконец-то! — Киж встретил меня в дверях. Ужасно обрадованный, и только что обниматься не полез от переизбытка чувств. — Я уж и не надеялся, что вы здесь появитесь!

— Замучил тебя наследник?

— Что вы, Павел чудесный мальчик. А вот придворные, — Киж соорудил зверскую гримасу, — чуть душу не вынули. Одни пытались меня к ребёнку не подпустить, другие с порога начали подлизываться. — Он хохотнул. — Пара девиц женить на себе хотела. Спасибо, что Ваську прислали, он мне очень помог.

— А где Павел? — я обвёл взглядом гостиную, где на полу лежали оловянные солдатики, ещё недавно разыгрывавшие сражение.

— Спит, — Киж неожиданно тепло улыбнулся, — умаялся играть. Зато и обедать не пришлось уговаривать, целую тарелку щей умял.

Мне стоило большого труда, чтобы не выдать удивления. В голосе Кижы звучали неожиданные нотки, будто это его сын хорошо поел и он уложил его спать. Вот ведь как бывает — ребёнок, не нужный ни матери, ни отцу, обрёл заботливого родителя в виде поднятого мертвеца. У судьбы очень своеобразное чувство юмора, как я погляжу.

— Константин Платонович, нужно вам кое-что показать.

Киж подвёл меня к стене, дёрнул скрытый рычаг и открыл потайную дверь.

— Не волнуйтесь, — он кивнул в сторону спальни, — с наследником Васька, он приглядит за мальчиком. Да и нам

идти недалеко.

— Показывай уже, что ты там нашёл.

Мы пробрались по узкому коридору, спрятанному в стенах между комнатами. И оказались в небольшой «кладовке», где стояло несколько сундуков. Толстый пушистый слой пыли на крышках указывал, что поставили их здесь очень давно. Но, судя по следам на этой самой пыли, кто-то недавно их открывал, и этот кто-то стоял рядом со мной.

— Смотрите, Константин Платонович.

Киж откинул тяжёлую крышку.

— Закрывай. В остальных то же самое?

— Да, примерно.

В задумчивости я почесал щёку, хрустя небритой щетиной. Однако, хороший вопрос: что делать с кладом, давно забытым хозяевами. С учётом, что вся эта груда золота и драгоценных безделушек была пропитана запахом плохих смертей и пролитой крови.

Глава 31

Дурные вести

— Константин Платонович, я могу вывезти всё это на квартиру, которую снял.

Киж обвёл сундуки взглядом хомяка, жаждущего пополнить закрома.

— Даже не сомневайтесь, сделаю всё быстро и незаметно, ни одна живая душа не узнает. И украсть не смогут — я на них свой «плащ» накину, живые даже не подойдут.

Со своей колокольни Киж был прав: бесхозные ценности, забытые хозяевами, стоило прибрать к рукам. Полагаю, те, кто их сюда сложил, давно уже мертвы и не будут искать своё добро. С другой стороны, дворец-то императорский и всё, что в нём находится, принадлежит царствующей фамилии. Впрочем, для Екатерины я и так уже сделал больше, чем любой из её сторонников.

— Константин Платонович, — продолжал нудить Киж, приняв мои раздумья за сомнения, — подумайте о себе. У императрицы вся казна в распоряжении, огромные доходы от казённых земель и нет нужды в средствах. А вас за Фридриха и выигранную войну практически не отблагодарили. Будет справедливо, если вы подберёте брошенную мелочь.

— Хах, Дмитрий Иванович, ну ты и сказанул. Сколько весит эта мелочь?

— Всё меньше, чем государственная казна.

Кроме прочего, у меня нашёлся ещё один резон вывезти ценности из дворца — Бестужев очень просил спалить старое здание. Больше чем уверен, что «клад» просто растащат во время разбора пепелища. Так что стоит вывезти ценности, сохранить, а уже после решать, что с ними делать.

— Сколько тебе нужно времени, чтобы увезти сундуки?

— Пару часов хватит, не больше.

В глазах мертвеца вспыхнул алчный огонёк.

— Вот что. Вывози их, только быстро, а я побуду с наследником. Как справишься, поищи в стенах дворца другие тайники.

— Думаете...

— Бумаги. Где-то здесь спрятаны документы, связанные с

Бестужевым. Как минимум, я бы их с интересом почитал.
— Сделаю, Константин Платонович, в лучшем виде.

* * *

Наследник в первые минуты отнёсся ко мне недоверчиво. Спросил, где Дмитрий Иванович, и расстроился, когда я ответил, что он уехал по делам. Впрочем, у него и без Киха было с кем играть. Во-первых, Васька, к которому Павел относился слегка покровительственно, но с симпатией.

— Когда я буду императором, — заявил ему наследник во время полдника, — сделаю тебя графом, чтобы никто не мог выпороть на конюшне.

Васька посмотрел извиняющимся взглядом, мол, он о таком не просил и, вообще, не собирается оставлять должность моего камердинера.

Во-вторых, на запах горячего молока, поданного на полдник, из спальни наследника вышла наглая рыжая морда. Мурзилка прошествовал к столу, запрыгнул на стул напротив Павла и требовательно мяукнул.

— Конечно, ваше котейшество, — тут же кивнул наследник, налил в блюдце молока и пододвинул коту.

— Васька, — тихо спросил я, — а как Мурзилка здесь оказался?

Тот лишь пожал плечами.

— Я когда сюда попал, он уже тут был, Константин Платонович, — зашептал камердинер мне на ухо. — С Павлом Петровичем спит вместе, ест и играет. Утром лакея чуть не подрал, когда тот слишком близко подошёл к наследнику.

Это он может, верю, и не только подрать, но и много чего похуже. Кстати, с этим лакеем я бы побеседовал где-нибудь в подвале — Мурзилка просто так на людей не кидается. Как вернётся Киж, дам ему задание найти этого подозрительного слугу.

Едва закончив с молоком и печеньем, мальчик с котом удрали играть, а я занялся взрослыми скучными делами. И первым делом велел опричникам, охранявшим покои наследника, позвать старшего.

— Константин Еропкин по вашему приказанию прибыл!

На зов явился молодой человек с характерным семейным

профилем, восторженно заглядывающий мне в глаза.

— Тёзка, значит. Рассказывай, сколько у тебя людей.

— Двадцать пять, Константин Платонович. Бабушка отправила всех, кто был в имении.

— И тебя старшим. Боевой опыт есть?

— Так точно! — Рассказывая о том, как командовал отрядом на сибирских приисках Голицыных, он изо всех сил старался выглядеть старше и на носках приподнимался, чтобы казаться выше. Мальчишка, в сущности, но кой-какой опыт у него и правда был.

— Дежурства несём в три смены. Караулы стоят здесь у дверей, у лестницы и возле чёрного хода для прислуги.

— С гвардейцами проблем не было?

Еропкин замялся.

— Уже нет. Дмитрий Иванович запретил им нас задирать.

— Вели принести мне перо и бумагу и можешь быть свободен.

Вполуха прислушиваясь к возгласам наследника из соседней комнаты, я сел за стол и отстучал Тане по табакерочному телеграфу. В ответ она сообщила, что гвардия так и не двинулась дальше. Между Екатериной и Петром мотались туда-сюда вельможи и пытались решить дело мирным путём. Вроде как император готов был подписать отречение, но выставлял некоторые условия. Что же, такой вариант меня вполне устраивал, если только это не окажется военной хитростью, чтобы выиграть время.

— Константин Платонович, — в дверь заглянул молодой Еропкин, — к вам посетитель. Говорит, от вашего хорошего друга из Поречья. Привести его сюда?

Ага, вот и обещанный связной от Бестужева. Долго же он до меня добирался, однако.

— Нет. Найди подходящую комнату, где я смогу с ним переговорить без лишних ушей.

Подходящим, на взгляд Еропкина, оказался большой помпезный зал с золотой лепниной, шёлковыми обоями и практически без мебели. Только у одного из окон стояла кушетка на резных ножках. На ней я и устроился в ожидании вестника от бывшего канцлера.

— Рад видеть вас в добром здравии, Константин Платонович.

Посланник согнулся в низком поклоне, бубня приветствие бесцветным голосом. Да и сам он оказался серым, с незапоминающимся лицом и невыразительной мимикой. Похожий на амбарную мышь, одетую в потёртый камзол.

— Представьтесь, сударь.

— Моё имя, — человек-мышь покачал головой, — не имеет никакого значения. Я только голос пославшего меня.

Смотри, какой скрытный! Прямо хоть сейчас устраивай его в Тайную канцелярию.

— Как поживает мой друг из Поречья?

— Вашими молитвами, Константин Платонович, всё хорошо. Он надеется, что вскорости вы выполните свои обещания.

— Вы пришли напомнить мне об этом?

— Ни в коем случае, — он улыбнулся, показав мелкие острые зубы, — ваш друг не сомневается в вашей памяти. Я пришёл сообщить важные новости. Разрешите, я подойду ближе?

Я кивнул, и посланник, приблизившись, склонился ко мне и перешёл на шёпот.

— У меня плохие новости. Фельдмаршал Миних тянет время на переговорах — к нему должен подойти Тобольский пехотный полк, сохранивший верность Петру. Миних надеется, что с ним и голштинцами у него хватит сил, чтобы побить гвардию.

А вот это уже серьёзно! Нужно срочно заставить Екатерину действовать, пока сохраняется превосходство сил.

— Сколько до подхода полка?

— Не могу сказать. Быть может, ночь или чуть больше.

Увидев, что я хочу подняться, человек-мышь жестом показал, что не договорил.

— Это не всё, Константин Платонович. — Его голос стал ещё тише. — Два часа назад отряд опричников взял штурмом Шлиссельбургскую крепость. Гарнизон был перебит до последнего человека, а следом за ними и все узники. Кроме одного — некоего Ивана Антоновича. Полагаю, вы знаете, о ком идёт речь.

От этой новости у меня по хребту пробежал холодок. Гагарины, или кто там за ними стоит, всё-таки решились на авантюру и нашли подходящее знамя для свержения всей

императорской семьи. И Петра, и Екатерины, и Павла.

— А теперь прошу прощения, мне пора уйти.

Человек-мышь поклонился и быстро засеменил к двери.

* * *

Убедить Екатерину немедленно атаковать по телеграфу не удалось. По словам Тани, она уже чувствовала себя победительницей и была уверена, что Пётр подпишет отречение. Командиры гвардии тоже от моих предупреждений отмахнулись, уже празднуя победу. Вот же ж напыщенные дурни! Честное слово, я испытывал страшное желание бросить всё, отойти в сторону и посмотреть, как их раздавит Миних. У старого фельдмаршала достаточно опыта, чтобы разбить давно не воевавшую гвардию. А ведь ещё есть Гагарины с Иваном Антоновичем, с которыми только предстоит разбираться.

Едва я закончил очередной сеанс связи, как в комнату ворвался Еропкин.

— Константин Платонович, тревога!

— Что там? — Во мне кипело раздражение, и я едва сдержался, чтобы не сорваться на подвернувшегося под руку тёзку.

— Вооружённые опричники окружают дворец! Человек двести, не меньше!

— Где? Показывай!

Бегом мы добрались в правое крыло дворца. В угловом зале я осторожно отодвинул портьеру и выглянул в окно. Так и есть, молодой Еропкин не ошибся. В саду, опоясывавшем дворец с двух сторон, я разглядел магическим зрением фигуры бойцов. Они удачно скрывались за кустами и деревьями, взяв на прицел входы в здание. «Огнебои» в руках простых опричников были заряжены под завязку, светясь в эфире голубоватым светом. А между ними вздымались «тени» Талантов боевых магов, активированные и готовые ударить по сигналу. Вот только они медлили и пока старались не выдавать своего присутствия.

— Они везут пушки. — За спиной послышался голос Кижы.
— На соседней улице я видел пять орудий.

Я обернулся. Камзол мертвеца был забрызган кровью, но сам он довольно улыбался.

— Пришлось двоих зарубить, — пояснил он, — пока к вам

прорывался.

— Пушки, говоришь. Дмитрий Иванович, бегом к наследнику, головой за него отвечаешь. Понял?

Киж щёлкнул каблуками, развернулся на месте и быстрым шагом ушёл.

— Гвардия в курсе? — я обернулся к Еропкину.

— Да, это они мне сообщили.

— Есть пути отхода из дворца? Через реку никак не перебраться?

Еропкин на секунду задумался.

— Через Мойку ведёт старая галерея. Она ветхая, слуги нас предупреждали, что там ходить нельзя. Но может быть...

— Значит, попробуем. Идём.

Пока мы искали выход на эту галерею, вокруг нас будто сгустилась тишина. Дворец стоял вымерший, ни одного лакея или слуги — они словно почувствовали опасность и заранее разбежались.

— Вот она, Константин Платонович. Я сейчас найду ключ...

— Не надо.

Со злостью я ударом ноги выбил дверь в галерею. Еропкин покосился на меня с восторгом, как на кумира.

— Стой, — я придержал его за локоть, — не торопись.

Деревянный пол галереи натурально сгнил. Доски ещё держались, но кое-где уже были дыры, через которые виднелась тёмная речная вода. Я сделал шаг, осторожно пробуя ногой ветхое дерево. Под сапогом хрустнуло, но вроде бы удержало меня. Нет, здесь просто так не пройдёшь. Отступив, я огляделся по сторонам.

— Скатывай, — я указал Еропкину на ковровую дорожку в коридоре.

Он не стал задавать лишних вопросов и быстро скатал её в толстую «колбасу».

— Найди ещё пару таких и тащи сюда.

Еропкин умчался, а я вытащил из кармана small wand и нарисовал на скрученном ковре связку из нескольких Знаков. Переложил «колбасу» к входу в галерею и толкнул ногой. Дорожка покатила по гнилым доскам, пока не размоталась полностью. И я тут же начертил на ней Печать, превращающую мягкий коврик в негнущуюся полосу.

— Вот, Константин Платонович! Нашёл!

Вместе с Еропкиным мы устлали зачарованными дорожками всю галерею, так что можно было спокойно перейти из конца в конец. Не думаю, что Знаков хватит больше чем на несколько часов, но нам и этого будет довольно.

— Разрешите доложить!

Едва мы закончили работу, к нам подбежал гвардейский подпоручик.

— К вам парламентёр, ваше высокоблагородие! С белым флагом!

— Вот как? Кто именно приехал?

Поручик замешкался.

— Кажется, это князь Гагарин.

Мы спустились к одному из парадных входов дворца, где стояли все гвардейские офицеры.

— Судари, — обратился я к ним, — мы готовы к обороне?

— Константин Платонович, — вперёд выступил один из офицеров, — их слишком много. Боюсь, мы...

— Вы охраняете наследника престола. Кто-то из вас хочет отказаться от этой чести? Нет? Я так и думал. Вы и вы, — я указал на двух подпоручиков, самых боевых на вид, — пойдёте со мной на переговоры.

Резко распахнув тяжёлую парадную дверь, я вышел наружу. Вдохнул прохладный вечерний воздух и решительно направился к грузному мужчине с тростью, который стоял в компании пары опричников.

Глава 32

Дворец

Матвей Алексеевич Гагарин не отличался красотой и мужественностью. Ростом мне по плечо, оплывшая фигура, покатый лоб переходил в обширную лысину, а маленький рот всё время складывался в надменную улыбку. Но его Талант, даже не разбуженный, так фонил мощью, что князь казался на голову выше и наверняка виделся окружающим неотразимым. К счастью, Анубис был начеку, и я не попал под колдовское обаяние.

— Рад познакомиться с вами лично, Константин Платонович. — Гагарин и не подумал протянуть мне руку, сложив ладони на тяжёлом набалдашнике трости. — Много слышал о вас.

— Жаль, что знакомство происходит при таких обстоятельствах, — я усмехнулся, — не слишком подходящих для беседы.

— А по-моему, обстоятельства замечательные, и могут стать ещё лучше, если вы передадите мне Павла Петровича.

— Вам? Не припоминаю, чтобы Екатерина Алексеевна назначила вас воспитателем наследника.

— Константин Платонович, — Гагарин рассмеялся, — вы же всё прекрасно понимаете. Не будем играть в словесные игры, мы не на приёме, и поговорим без обиняков.

— Согласен, — я кивнул, — сам не люблю ходить кругами.

— Я здесь, чтобы сделать вам предложение от лица Иоанна Антоновича, единственного законного императора. Что обещала Екатерина за вашу поддержку? Деньги? Земли? Вернуть княжеский титул? Иоанн Антонович готов дать вам в два раза больше.

— За предательство и переход на вашу сторону?

— Нет. За то, что вы отойдёте в сторону и не будете вмешиваться. Заберите ваших людей, покиньте Летний дворец и предоставьте Павла его судьбе. Мы даже готовы подыграть вам. К примеру, я прикажу гвардии...

— Гвардии?

— Да, новой гвардии императора Иоанна Антоновича, — Гагарин повернулся и указал на своих опричников. — Не

смотрите на их вид, они не успели пошить полагающиеся мундиры. Так вот, я прикажу им отойти, будто вы сумели нас прогнать. Вы уедете, ну, скажем, в Зимний дворец. А в это время дело будет сделано.

— Вы и план успели придумать, — я покачал головой, — чтобы я со спокойной душой отдал на смерть невинного ребёнка.

Гагарин ехидно хмыкнул.

— Некроманту ли говорить о сострадании и невинности? Но если вы такой чувствительный, почему бы вам не исполниться состраданием к Иоанну Антоновичу? «Милостивая» Елизавета заключила его под стражу, когда он был намного младше Павла. Нет, не хотите?

С каждым словом князь распалялся, так что в конце он чуть ли не кричал мне в лицо. Но, к его чести, сумел взять себя в руки и успокоиться.

— В отличие от царя Петра и его потомков, Иоанн Антонович унаследовал милосердие от своего деда. Никто не собирается убивать Павла. Он будет отправлен под охраной в монастырь, где позже примет постриг. Никто и пальцем его не тронет.

Голос Гагарина звучал убедительно, но по глазам было видно — князь врёт. Я кожей чувствовал, как от него пышет ненавистью и жадой мести. Он хотел отыгаться на потомках Петра Великого за то, что тот сделал с его дедом. Если мечь надо подавать холодной, то Гагарин принёс её замороженной.

— Что скажете, Константин Платонович? Княжеский титул, пять тысяч душ и земелька где-нибудь под Москвой. Можем добавить миллион рублей золотом, чтобы было приятнее. Вам нужно всего лишь отвернуться.

Когда он посулил миллион, в его голосе послышалась фальшь. Никто ничего не собирался мне отдавать. Все эти переговоры всего лишь хитрая уловка, чтобы убрать меня с дороги и, если получится, тихонько закопать под кустом.

В любом случае, даже предложи они деньги прямо сейчас, я не собирался выдавать им Павла. И спускать покушение на себя тоже — я ничего не забыл и ничего не простил.

— Простите, князь, но вы плохой купец.

— Что?

— Вы пытаетесь купить то, что не продаётся. Мою честь.

Предложи вы подобное в других обстоятельствах, я вызвал бы вас на дуэль и пристрелил, как бешеную собаку. Но сейчас мы и так сойдёмся в бою. И я буду крайне рад оторвать вам голову.

Я провёл ладонью по горлу, показывая наглядно для доходчивости. В ответ Гагарин ощерился, демонстрируя испорченные зубы.

— Молокосос.

Его Талант пробудился и стал подниматься из глубины. От касания его силы похолодели пальцы, будто я дотронулся до ледяной глыбы. Его мощь была больше, чем у покойного Голицына или у Марьи Алексевны. Концентрированное могущество, без изящества и тонкости, привыкшее пробивать тараном любое препятствие.

— Я вырву тебе язык, отрублю руки-ноги и отдам на потеху своим дворовым. Мне доставит радость смотреть как ты подышаешь в навозной куче, когда я пью утренний кофий. А умирать ты будешь долго, я тебе это обещаю.

— Это мы ещё посмотрим, князь. Со своей стороны, могу обещать: вы трижды пожалеете, что связались со мной. Такой старик, как вы, должен сидеть в своей усадьбе и отмаливать старые грехи, а не пытаться устроить переворот.

Сняв треуголку, я изобразил насмешливо-издевательский поклон.

— С нетерпением жду, когда смогу укоротить вас ещё на пару вершков.

И, не желая больше с ним говорить, развернулся и пошёл обратно во дворец. За спиной бурлил эфир от гнева Гагарина, но нападать на меня со спины он не стал — всё же честь для него была не пустым звуком. Впрочем на всякий случай я держал руку на Скудельнице, готовый убить его первым.

* * *

Офицеры гвардии ждали меня с безрадостными лицами. Трусами они не были, но сил у нас было гораздо меньше, чем у противника. А с учётом пушек, которые скоро здесь появятся, наше положение казалось безнадёжным.

— Судари! — обратился я к ним. — Только от вас сейчас зависит судьба наследника престола.

— Жизнь готовы положить! — выкрикнул один из

подпоручиков, гордо выпятив грудь.

— Класть не надо. Вы должны выиграть немного времени, задержав противника. Обороняйтесь сколько сможете и отходите к галерее через Мойку. Как только наследник будет в безопасности, мы устроим предателям, — я кивнул в сторону сада, откуда уже чувствовалось нарастающее давление эфира, — хороший сюрприз. А теперь вперёд! По местам!

Поднимаясь на второй этаж, я услышал громоподобное ударных заклятий — опричники пошли на штурм дворца. Судя по возмущению эфира и запаху перегара, охранные заклятья сработали как надо. А следом начали отвечать уже мои гвардейцы, и в эфире стало невозможно разобрать хоть что-то из-за мешанины заклятий.

Впрочем, мне это не помешало подготовить «сюрприз» для атакующих. Я вытащил из воздуха Последний довод и на ходу принялся готовить огромный Знак под дворцом. Не такой глубокий, как в Преображенской слободе, а где-то на уровне подвалов. И влил туда столько мощи, сколько в него влезло без немедленной детонации. Посмотрим, как понравится князю деланная магия.

Молодой Еропкин ждал меня в коридоре у покоев наследника.

— Константин Платонович, там бой! Прикажете нам тоже атаковать?

— Собирай всех людей, мы уходим. Всех гвардейцев, что стоят на этаже в караулах, тоже собери. Бегом!

Юноша сорвался и умчался так, что пятки сверкали. А я распахнул двери и объявил:

— Мы уходим немедленно! Дмитрий Иванович, возьми Павла Петровича на руки и не отпускай его. Васька — на тебе Мурзилка. Быстро, быстро, времени нет!

— Мои солдатики! — Павел вывернулся на руках у Кижы, оглядываясь на своё игрушечное воинство.

— Павел Петрович, — я на ходу поднял одного оловянного солдатика и подал мальчику, — это ваш телохранитель. Остальные войска должны остаться, чтобы прикрыть ваш отход.

— Они все погибнут, — Павел посмотрел на меня печальным взглядом, — да?

— Это их долг, Ваше Высочество. Если придётся, любой из нас останется и будет драться до самого конца.

— И вы?

— И я тоже. А теперь постарайтесь не крутиться, чтобы Дмитрий Иванович вас не уронил.

Бегом мы одолели длинный коридор и свернули к входу в галерею. Нас догнали опричники во главе с Еропкиным и десяток рядовых гвардейцев.

— Проверьте, что на той стороне безопасно!

Опричники ринулись по галерее, а мы остановились в ожидании сигнала. Если Гагарин не дурак, он наверняка поставил засаду. Но пробиться здесь в любом случае будет легче, чем через развёрнутую «гвардию» перед дворцом.

— Константин Платонович, — наследник потянулся и шепнул мне, — а вы можете подарить мне Мурзилку? Хотите, я вас взамен графом сделаю? Потом, когда подрасту.

Я улыбнулся и потрепал мальчика по макушке.

— Мурзилка не вещь, чтобы его дарить. Как он сам захочет, так и будет.

— Мяу! — подал голос кот, удобно развалившись на руках у Васьки.

Мальчик вздохнул.

— Тогда он не пойдёт. У меня воспитатели строгие.

— Чисто! — с другого конца галереи закричал Еропкин, взмахнув рукой.

— Вперёд!

Пропустив Киж и Ваську, я задержался у входа в галерею. Прислушался к эфиру и недовольно поморщился. Охранные заклятья пали под ударами пушек. Гвардейцы попятились и начали отходить внутрь дворца. Мне не пришлось напрягаться, чтобы почувствовать чужие смерти — почти три десятка рядовых и пятеро офицеров остались лежать на развороченном взрывах первом этаже.

— Константин Платонович! — Киж заорал, добежав до другой стороны. — Мы вас ждём!

Не оборачиваясь, я поднял руку. Мертвец всё понял и больше не кричал. Так, ещё минуточку.

— Сюда!

Из-за поворота появились гвардейцы. Слегка перепачканные в саже, несколько раненых, но живые.

— Шевелитесь! Быстрее!

Пока гвардейцы пробежали мимо, я наблюдал через эфир за

внутренностями дворца. Через старые стены, пропитанные магией, смотришь будто через толстое мутное стекло. Да и не самих людей видно, а «тени» Талантов и заклятий. Но этого было достаточно, чтобы заметить приближающихся магов. А в первых рядах шёл настоящий титан, под которым прогибался эфир. Неужели Гагарин сам решил возглавить атаку? Это я его так задел за живое или он решил расправиться с наследником лично?

Дворец содрогнулся от тяжёлого удара, а в галерею влетел последний гвардеец. Вот теперь и мне пора двигаться — подожду Гагарина на другой стороне.

* * *

Бум! Бум! Бум! Не знаю, по кому стреляли маги во дворце, когда все гвардейцы оттуда ушли. Пол галереи вздрагивал от взрывов, будто от шагов приближающегося Командора.

— Вот вы где, Константин Платонович. — На противоположном конце галереи появилась фигура Гагарина. — Что же вы не дождались меня, чтобы выполнить своё обещание?

Он улыбнулся, и его Талант потянулся в мою сторону тёмным облаком.

— Как раз наоборот, князь. Я только вас и ждал.

Улыбнувшись, я щёлкнул пальцами, активируя гигантский Знак под дворцом.

Не было ни взрыва, ни звука, ни дрожи. Тихое, как весеннее половодье, из подвала вверх рвануло негасимое пламя. Одновременно жидкое, как вода, лёгкое, как воздух, и густое, как кисель. Пожирая перекрытия дворца, стены, мебель и людей с одинаковой лёгкостью. За два удара сердца огонь охватил всё здание до самой крыши.

Князь стоял на краю моей фигуры, и его тоже не миновала страшная участь. В одно мгновение остатки его волос сгорели, раскаленные языки охватили одежду, а лицо обуглилось до костей.

— А-а-а-а!

Жутко закричав, Гагарин бросился в мою сторону. Уже не жилец, он сопротивлялся силой Таланта и бежал, полыхая факелом. Глаза горели зелёным колдовским светом, пальцы

скрючились, целясь мне в горло, а из глотки рвался страшный болезненный вой.

— Нет.

Я ударил его силой, вытянув руку с посохом. Вложив в удар столько же мощи, сколько в Огненный Знак. Эфирный кулак врезался ему в грудь, сломав магическую защиту, проломив рёбра и отбросив тело назад. Будто тряпичная кукла, кинутая в костёр, Гагарин влетел в пылающий дворец. А следом со страшным грохотом обрушились стены и погребли под собой князя.

Глава 33

Царицынский мост

Галерея рухнула вслед за дворцом, пришлось прыгивать на землю с приличной высоты. Благо Анубис не подвёл и мягко затормозил меня воздушным потоком.

— Ну вы даёте, Константин Платонович! — Киж смотрел с восхищением и качал головой. — Вот так вот, раз — и нет целого дворца. Гениально! Если рассказать кому...

— Не надо рассказывать, а то потребуют компенсацию за разрушения.

Я хрипло рассмеялся, стараясь сбросить напряжение — после схватки чуть потряхивало от нервов и резкого опустошения резерва.

— Бросьте, Константин Платонович. Это если сарай спалишь, придут за деньгами. А когда можешь целый дворец одним махом — никто и не подумает связываться.

На руках у Кижы завозился Павел, глядя на меня с особым вниманием.

— Не волнуйтесь, Константин Платонович, я прикажу, чтобы с вас не требовали никаких денег. Вы ведь остались, чтобы меня спасти. — В его глазах мелькнуло совсем не детское выражение. — Я запомню это.

Улыбнувшись, я кивнул мальчику и скомандовал:

— Выдвигаемся в сторону Зимнего дворца.

Еропкин собрал своих опричников, офицеры построили уцелевших гвардейцев, и мы двинулись через Летний сад. Увы, ближайший мост через Лебяжью канавку зацепило огнём, и теперь он пылал ярким пламенем. Так что придётся идти до набережной Невы и воспользоваться Царицынским мостом.

— Тёзка, — позвал я Еропкина и тихо спросил: — Ты авангард выслал?

— Так точно, Константин Платонович, всё как положено. Дозорные, передовое охранение. А гвардия даже не подумала отправить дозоры, — пожаловался он шёпотом и покосился на ближайшего офицера.

Я только пожал плечами. Есть такое дело — гвардия давно не покидала столицу и не участвовала в боях. Хотя, будем справедливы, часть офицеров имеют боевой опыт —

переводились на время войны с Пруссией в обычные войска и неплохо воевали.

Мы почти дошли до набережной, когда впереди послышались редкие выстрелы. А через минуту примчался опричник и доложил мне:

— Впереди засада! На Царицынском мосту заняли оборону порядка сотни человек. Прячутся за временными укреплениями, просто так не выбить.

— Пушки у них есть?

— Пока ни одной не видели.

— Уже хорошо. Пойдём посмотрим, что там за гуси такие.

Ситуация сложилась не очень удачно. Теоретически у меня хватало сил, чтобы грохнуть всю сотню противников, создав что-нибудь убойное с помощью Последнего довода. На практике же — мост такого удара наверняка не переживёт. И что прикажете потом делать? Валить деревья в саду и сооружать временную переправу? Хотя можно воспользоваться Скудельницей, несмотря на затраты. Вот только не уверен, что мне хватит всего накопленного чёрного песка на такую прорву народа.

Осторожно выглянув из-за аккуратно подстриженного куста, я принялся разглядывать мост. Да уж, прямо настоящую баррикаду там устроили. Какие-то бочки, перевёрнутая карета, мешки с песком, кажется. И всё это добротнo прикрыто несколькими магическими щитами. Кстати, у меня возникло ощущение, что одна пушка там всё-таки есть, спрятанная как раз за мешками. Похоже, люди покойного Гагарина очень основательно подготовились к нашей встрече.

— Урусов!

Из-за баррикад появилась высокая фигура.

— Константин Урусов! Я знаю, что вы здесь!

Кто-то из опричников выстрелил, но комок раскалённого эфира не причинил кричащему никакого урона, рикошетом отскочив в воду Невы. В этот момент я узнал его — Франц Карлович, бывший дворецкий, бывший сотрудник Шешковского, а сейчас один из подручных Гагариных. И главное — «оборотень», иммунный к магии.

— Урусов! — он поднял руку. — Я хочу говорить с вами! Даю слово, мои люди не будут стрелять.

Рядом со мной появился Киж.

— Константин Платонович, я с вами. Вам одному идти нельзя.

— Где Павел?

— Задремал, его Васька баюкает, и пять опричников рядом.

— Что же, сходим, если так. Посмотрим, что этот фальшивый сударь нам скажет.

Я не собирался ни о чём договариваться с бывшим дворецким. Никакой веры ему после покушения на меня и близко не было. Но я собирался использовать переговоры как повод — подойти поближе и попробовать заложить под баррикады не слишком сильный Знак. Приказав гвардейцам приготовиться и заранее вынув из воздуха посох, я двинулся вместе с Кижом к мосту.

* * *

— Константин Платонович! Как я рад вас видеть!

Франц Карлович радушно улыбнулся и развёл руки, будто собирался меня обнять. Вот только в сочетании со «звериной» мордой и эфирными когтями это выглядело как угроза.

— Увы, не могу ответить взаимностью. Что вы от меня хотели?

«Оборотень» ухмыльнулся.

— Хотел поговорить, прежде чем мы начнём вас убивать.

— Вы слишком самоуверенны, сударь. Не боитесь, что это я вас убью?

— Ах, мой дорогой Константин Платонович! Мне так нравится ваша задиристость, что остаётся только пожалеть, что вы не на нашей стороне. Как было бы чудесно перебить всю гвардию за компанию с вами и вашим чудным покойником...

Пока он болтал, я расслабленно опёрся на посох и делал вид, что слушаю. А сам в это время со всеми предосторожностями накладывал на мост связку из Знаков.

— Как жаль, Константин Платонович, что вы отказались в прошлый раз пойти со мной.

Я закончил сотворять деланную фигуру и рассмеялся.

— Франц Карлович, ну зачем же лукавить? Вы ведь собирались убить меня в любом случае.

Он растянул губы в улыбке, отчего «волчья пасть» на лице оскалилась.

— Какой вы догадливый! Да, ваша смерть неизбежна — России не нужны некроманты. Но согласись вы тогда, и умерли бы безболезненно, даже с некоторой приятственностью. А теперь вам придётся помучиться. Я прослежу, чтобы вы протянули как можно дольше.

Зарычав, бывший дворецкий выпустил когти и шагнул вперёд.

— Разрешите я, Константин Платонович. — Киж сбросил «плащ мертвеца» и заслонил меня, обнажив палаш. — Давно мечтал посмотреть, как устроены оборотни внутри.

— А, и ты здесь? — Франц Карлович радостно засмеялся. — Очень хорошо, значит, не придётся тебя разыскивать. Никогда не понимал, за что тебя держал Василий Фёдорович — ты же смердишь за версту мертвечиной.

Киж раздражённо дёрнул плечом и резко пошёл в атаку. Сталь зазвенела о магические когти, посыпались яркие голубые искры, и дерущиеся закружили по мосту, попеременно делая выпады и пытаясь достать противника.

Пришлось отступить на несколько шагов, чтобы не мешать дуэли «оборотня» и мертвеца. Эти двое стояли друг друга — удары сыпались один за другим, при этом дуэлянты успевали переругиваться. Очень занимательная беседа у них получалась, на мой вкус. Я даже услышал пару забавных загибов и постарался их запомнить. Между делом они вспомнили какие-то старые счёты, ещё со времён службы Василия Фёдоровича в Тайной канцелярии.

— Вор! Подлец!

— Поганый мертвяк! Сдохни уже наконец!

«Оборотень» вдруг рыкнул, присел и перекувырнулся вперёд, прямо под ноги Киж. Сбил его с ног и ударил когтями левой руки в грудь. В правой ладони «оборотня» появился длинный стилет, и он со всей силой вогнал его в горло Киж. И тут же без паузы прыгнул на меня, выставив руки и целясь в горло.

— Н-на!

Отбиваться от собаки всегда легче с помощью палки. А у меня в руках был длинный grand wand, который подходил для этой цели ничуть не хуже. Я ударил посохом прямо в оскаленную пасть, надеясь сбить прыжок. Но вышло даже лучше — тяжёлый набалдашник, как сквозь масло, прошёл

через призрачную морду и впечатался в человеческое лицо. Навершие выбило зубы и вонзилось в рот, заставив «оборотня» выпучить глаза и хрипло вскрикнуть.

Совершенно забыв, что «оборотень» иммунный к магии, я выплеснул из посоха накопленную силу прямо ему в глотку. И это прекрасно сработало! Раскалённый эфир хлынул в него, сжигая изнутри.

«Оборотень» отшатнулся, освобождаясь от посоха, и тут же покатился по мосту. Завывая и раздирая себе грудь пальцами.

— У-у-у-у!

Звериная маска пропала вместе с когтями, и на земле бился в корчах обычный мужчина, не в силах унять жар внутри.

— Получи!

Над ним встал разъярённый Киж. Стилет всё ещё торчал у него из шеи, отчего вид мертвеца был страшен. Одним ударом палаша он отрубил бывшему дворецкому голову и захохотал.

— Собаке собачья смерть!

За баррикадой раздались крики, слышались щелчки взводимых курков и топот сапог. Медлить было нельзя, и я активировал Знаки.

Бабахнуло так, что у меня заложило уши, а сердце в груди на секунду перестало биться. В воздух взлетели обломки кареты, мешки с песком и прочий хлам, из которого была сложена баррикада. А вместе с ними полетели и опричники, будто безвольные тряпичные игрушки. Оглушённые ударом и ничего не соображающие.

Через секунду всё, взлетевшее с грохотом, обрушилось на землю, разлетаясь щепками и осколками. Опричники падали на землю, но ни один уже не мог подняться самостоятельно. И давать им время прийти в себя я не собирался.

— Вперёд! В атаку!

Гвардейцы с рёвом кинулись вперёд. Обошли меня и устремились между горами обломков на врагов. Зазвучали редкие выстрелы, через пару минут гроыхнул слитный залп, видимо, по остаткам опричников, и всё стихло. Сражение на мосту закончилось, и я повел всех дальше, к Зимнему дворцу.

* * *

Гвардия во дворце находилась в полной боевой готовности.

Пока я «развлекался» с Гагариным, их несколько раз атаковали, будто прощупывали оборону. Но пушки, расставленные на подходах к дворцу, и подготовленные позиции помогли с лёгкостью отогнать нападавших. Победа воодушевила гвардейцев, а вот Талызин разнервничался и набросился на меня с вопросами, едва мы вошли во дворец.

— Что происходит, Константин Платонович? Вы знаете, кто нас атаковал? Неужели император сумел направить в Петербург опричников верных родов?

— Тише, Александр Фёдорович. Сначала надо позаботиться о наследнике, а после мы поговорим.

Мальчик, уставший от переживаний, спал на руках у Васьки. Под моим присмотром камердинер отнёс его в одну из спален дворца и уложил в постель. Мурзилка тотчас улёгся рядом и принялся урчать, успокаивая тревожный сон ребёнка.

Я приказал выставить у дверей спальни караул из еропкинских опричников, а затем подлечил Кижю, влив в него силы. И только после этого вернулся к Талыzinу. Пришлось рассказать о бунте Гагариных и освобождённом Иване Антоновиче.

— Вот оно что, — Талызин нахмурился и принялся тереть переносицу. — Пренеприятнейшее известие.

— Хорошего мало, не спорю. И сейчас наша задача увезти из Петербурга наследника.

Талызин нахмурился ещё сильнее.

— Не сочтите меня трусом, Константин Платонович, но это не возможно. У меня людей совсем немного, у вас и того меньше. Мы не сможем прорваться из города и едва ли защитим Павла Петровича. Я высылал разведку — дорогу на юг перекрывает не меньше чем тысяча опричников. На их месте я бы уже взял штурмом Зимний, сил для этого достаточно.

Теперь уже я нахмурился и крепко задумался над положением. Видимо, задержка со штурмом случилась из-за смерти Гагарина. Он командовал сборной солянкой из отрядов опричников, и с его гибелью вертикаль управления расстроилась. Им потребуется время, чтобы назначить нового «генерала», собрать силы в кулак и отдать приказы.

— У меня здесь, — прервал мои размышления Талызин, — почти два десятка арестованных. Их ни в коем случае нельзя оставлять бунтовщикам. Прорываясь с боем, будет очень

сложно забрать их с собой. Может, попробуем отбиться?

Я только покачал головой. И так плохо выходит, и по-другому тоже дурно. Везти наследника пешком вместе с гвардией — идея не слишком хорошая. А экипаж на улицах города станет первой мишенью для атаки. Да и не уверен, что мы сможем прорваться: grand wand'ом в городе я действовать не смогу, а других средств уничтожить тысячи опричников у меня нет. Но оставшись во дворце, мы оказываемся в мышеловке, и нас просто задавят числом. Чёрт бы побрал Гагариных и их Ивана Антоновича!

Глава 34

Мышеловка

За Талызиным прибежал гвардеец, и они умчались решать какой-то срочный вопрос. А я остался в компании со своими тяжкими думами и нерешёнными проблемами. Может, взять пару экипажей и нахрапом попытаться вывезти наследника? Или сделать хитрей: на лодке переправиться через Неву, найти карету, отобрать, если потребуется, и кружным путём добираться до Екатерины с войсками. Вот только бросать гвардейцев в Зимнем на растерзание бунтовщикам не хотелось. Было в этом что-то подлое и противное.

С другой стороны, можно попробовать отбиться от опричников во дворце. Наложить Знаки вокруг, подпустить нападающих поближе и вдарить по ним. Поставить в окна на первом этаже пушки, зарядить под завязку и надеяться на крепость Печатей на стенах. А самому лупить с верхних этажей «молотами», благо резерва хватит надолго. В крайнем случае опять воспользоваться grand wand'ом, наплевав на ближайшие кварталы, и постараться не обрушить сам дворец. Рискованно, конечно: противников намного больше, и они могут задавить массой. Я просто не успею отбиться от всех разом.

— Кхм... — За спиной кто-то деликатно кашлянул. — Доброй ночи, Константин Платонович.

Я обернулся: в дверях стоял посланник Бестужева, серый человек-мышь.

— Как вы прошли через караулы?

По лицу посланника скользнуло довольное выражение, будто он услышал похвалу.

— Родовое умение, Константин Платонович, за него Алексей Петрович меня и держит. — Он закрыл за собой дверь и подошёл чуть ближе. — Насколько я понимаю, вы в некотором затруднении?

— Скорее, в мышеловке. Сложно назвать это «затруднением».

Он кивнул.

— Так и думал. Тогда я точно смогу вам помочь.

— Приведёте подмогу?

— Увы, войск у меня нет под рукой. Но я могу прислать за

вами корабль. Он заберёт вас с наследником с набережной за дворцом и доставит в Стрельну. Где вы передадите его в заботливые руки любящей матери. — В голосе посланника прозвучали нотки иронии. — Надеюсь, такой вариант вам подходит?

— Когда будет корабль?

Взгляд человека-мыши поднялся к потолку, словно он подсчитывал в уме.

— Примерно через два часа, Константин Платонович. Если слухи о вас хоть наполовину правдивы, вы легко продержитесь до его подхода.

— Давайте ваш корабль.

Поклонившись, человек-мышь бесцветно улыбнулся.

— Он уже в пути, ваше высокоблагородие. Как только прибудет, я лично сообщу вам.

И беззвучно юркнул за дверь, в этот момент ещё больше напоминая мышь.

* * *

Продержаться пару часов? Да легко! На худой конец можно пожертвовать дворцом. Екатерина себе ещё лучше построит, даже не сомневаюсь.

Первым делом я нашёл Талызина. Объяснил ему план: предупредить гвардейцев и артиллеристов, пусть дадут несколько залпов, а как станет жарко, так сразу отойдут во дворец — нет смысла зря бросать людей на убой. Также Талызин обещал послать людей за лодками, чтобы эвакуироваться на корабль как можно быстрее. Заодно он должен был определить команду, ответственную за арестованных, — оставлять бунтовщикам важных сановников нельзя было ни в коем случае.

Обсудив организационные моменты, я поднялся на чердак и выбрался на крышу дворца. Ух, какой отсюда шикарный вид на ночной Петербург! Ночь, правда, белая, но так даже лучше. Например, прекрасно видно, как суетятся опричники на ведущих к дворцу улицах. А если создать воздушную линзу, то можно рассмотреть, чем они занимаются, в деталях. Впрочем, ничего неожиданного я там не увидел — вражеские войска вяло готовились к штурму. Может статься, что они не успеют начать

до подхода корабля.

Но я не стал полагаться на разброд в стане врага и занялся деланной магией. Нервный принц сам прыгнул мне в ладонь, будто соскучился по настоящему делу. К моему удивлению, работать с ним стало гораздо легче, чем раньше. Такое ощущение, что последний раз, когда я прогнал через жезл массу раскалённого эфира, то выжег следы прошлого хозяина. Не до конца, middle wand всё ещё проявлял норы, но с Анубисом конфликтовать перестал и позволил подключиться напрямую.

Работа с покладистым Нервным принцем пошла как по маслу. Всего за четверть часа я густо раскидал по дворцовой площади Знаки Огня и соединил их в единую связку. А затем под самыми стенами поставил «сторожки» — едва волна нападающих достигнет их, как они активируют всё остальное. Но пока сигнализация была выключена, ожидая начало штурма и отхода гвардейцев.

Работа была почти закончена, когда на меня неожиданно накатила дурнота. Перед глазами поплыло, а колени подогнулись сами собой. Не-не-не! Только не сейчас! Я покачнулся и едва не сверзился с крыши, неловко переступив ногами. Стоять! Держаться!

В следующий момент меня оглушил шорох чёрного песка. Настоящий водопад обрушился в песочные часы моей жизни. Много, очень много, я даже не пытался считать годы. Столетие? Два? Может, даже два с половиной. Жатва, говорите? Вот это она и есть. За Гагарина и магов-опричников, сгинувших в огне Летнего дворца, Хозяйка отсыпала полной мерой.

Я как-то спросил Лукиана — как часто он пользуется Скудельницей? Не боится ли, что плата за неё вычерпает весь песок из часов? На что он только рассмеялся и сказал, мол, я сам разберусь, когда начну делать работу некроманта как следует. Сейчас я прекрасно всё понял: чтобы Скудельница вычерпала весь запас, надо уничтожить небольшой город.

Шорох песка и внезапная слабость прекратились так же внезапно, как и начались. Как я не упал с крыши, до сих пор не понимаю — в себя пришёл на самом краю с занесённой над пропастью ногой. Отшатнувшись, я несколько минут глубоко дышал и приводил чувства в порядок, а затем закончил работу со Знаками. Последним штрихом стали «подвешенные» в

воздухе над площадью Печати, готовые рухнуть по команде. Совершенно безопасные сами по себе, они подзарядят Знаки на брусчатке и позволят им выстрелить ещё раз.

Утомлённый от перерасхода эфира, я повесил Принца на кобуру и полез обратно на чердак. Очень надеюсь, что этих приготовлений хватит для обороны.

* * *

Спустившись на второй этаж, я собирался проверить наследника и отдать распоряжения Кижу. Но едва я отошёл от лестницы, как меня накрыла странная тишина. Ни единого звука не было слышно — ни шагов, ни голосов, ни даже собственного дыхания. Воздух мягкой ладонью упёрся мне в грудь, заставляя остановиться. В лицо дохнуло ледяным ветром, а волосы на голове начали вставать дыбом.

Справа беззвучно распахнулись высокие двери. Из них появилась женщина, будто плывущая над полом. Каблуки не стучали по паркету, а длинное платье не колыхалось от движения, а сама она напоминала мраморную статую. Призрак! Весьма и весьма сильный — несущий в себе тень бывшего Таланта.

Раньше я был уверен, что мёртвые не способны применять магию, но сейчас не стал бы спорить на этот счёт. Интуиция подсказывала, что с этим призраком не стоит связываться без нужды. И пытаться отправить его за грань насильно не стоит — не получится, как ни старайся. Слишком сильно от него веяло могуществом и силой.

Женщина подплыла ближе, остановилась в трёх шагах и пристально на меня уставилась.

Грузная, с полными руками, пальцами, унизированными перстнями, властным лицом и прямой осанкой. Весь её вид указывал, что при жизни она привыкла повелевать и не терпела возражений. Ко всему прочему, она была оркой. Если и не чистокровной, то на три четверти точно.

Стоять под её тяжёлым взглядом было неуютно. Я поклонился и нарушил молчание.

— Могу я быть вам полезен? Помочь ли вам уйти за грань?

— Т-с-с-с! — она приложила палец к губам. — Молчи. Слушай.

Лицо призрака исказила гримаса боли и гнева.

— Они хотят убить его. Сначала заперли, ещё ребёнком, а теперь готовы убить. Моего наследника, маленького Ванечку!

В этот момент я узнал её. Совершенно непохожая на свои портреты, передо мной стояла племянница Петра Великого, покойная императрица Анна Иоанновна. Мучительная смерть, перед которой она страшно страдала, наложила на призрак отпечаток — она говорила местами бессвязно, сбивалась и проглатывала буквы. Но продолжала пытаться донести до меня что-то важное.

— Они убьют Ванечку! Безвинную душу! Нельзя, нельзя!

— Ивана? Антоновича?

— Да! Да! — она на мгновение просветлела лицом, а затем нахмурилась. — Ты из тех, кто хочет его убить. Так?

— Я — не хочу.

— Ты из них. — Во взгляде мёртвой императрицы полыхнуло. — Но ты можешь спасти его. Можешь!

— Ваше Величество...

— Поклянись, что спасёшь, и я дам тебе награду.

Она переместилась чуть ближе и заглянула мне в глаза.

— Деньги, что ты взял, под проклятием. На часть из них построй церковь, где каждый день будут поминать раба божьего Александра Даниловича. Через год, как сделаешь, можешь распоряжаться ими.

Первой мыслью было: «откуда она знает»? Деньги ведь только Киж видел и перевозил. Верно я угадал — очень сильный призрак. Александр Данилович, значит? Очень интересно. Уж не Меншиков ли это был, проклявший отнятые у себя капиталы? Впрочем, неважно. Как чувствовал, что с этим золотом не всё в порядке, даже прикасаться к нему не стал.

— Поклянись, — императрица надвинулась на меня, — и я дам ещё один совет, как уберечь себя. Спасёшь Ванечку — и спасёшься сам. Решай, некромант! Жизнь за жизнь, чёрную свою за безвинную чужую. Решайся!

Мёртвые не лгут, я не раз в этом уже убедился. Могут недоговаривать, скрывать, но никогда не обманывают. Если призрак предлагает сделку, то будет соблюдать её.

— Клянусь, что спасу Ивана Антоновича, если это будет в моей власти.

От последних слов она поморщилась, но не стала возражать.

— Принимаю твою клятву. Я верю тебе и помогу. Слушай, некромант.

Мы стояли с ней лицом к лицу. Императрица была ниже ростом, но призрак парил в воздухе на одном со мной уровне.

— Ты собрал много врагов, некромант. Они все здесь, подле трона, страшатся и точат на тебя нож. Почитатели Трисмегиста хотят тебе зла.

Трисмегиста? Точно, Елагин о нём говорил, когда мы бились. Значит, масоны собираются меня убить?

— Если останешься при дворе — тебе несдобровать. Отравят кого ты любишь и направят след на твою ученицу. Попытаешься спасти, но потеряешь всех близких. А после убьют и тебя, когда будешь в горе. Беги от двора! Откажись от чинов и должностей, возьми только то, что можешь унести с собой. Скройся и не напоминай о себе.

— Спасибо, Ваше Величество. Сделаю всё, что в моих силах.

Призрак отшатнулся, собираясь уйти. Но в последний момент заколебался и снова подплыл ко мне. Близко-близко, обдавая могильным холодом.

— Такой молодой, — императрица пристально вглядывалась мне в лицо, будто увидела знакомые черты, — так похож на некроманта, служившего мне.

Впервые за нашу встречу она улыбнулась.

— Да, он служил мне душой и телом. Мы оба мертвы, а я помню. А ещё ты похож на... — Лицо императрицы внезапно потемнело, и она замолчала.

— На кого, Ваше Величество?

Губы у неё задрожали.

— Он умер. Очень давно умер, не став взрослым.

Она протянула руку и коснулась моей щеки ледяными пальцами.

— В память о нём я дам тебе милость. Спасёшь Ванечку — и я сотру память о тебе на дважды по десять лет. Враги забудут про тебя, и никто не станет преследовать, если ты уедешь.

Резко развернувшись, призрак полетел прочь и исчез в соседнем зале. Двери захлопнулись, и я остался один. А через мгновение исчезла ватная тишина, накрывавшая комнату. Сменившись далёкими выстрелами, грохотом пушек и визгом заклятий — опричники бунтовщиков пошли на штурм дворца.

Глава 35

Галера

Я поднялся на третий этаж. Оттуда из окон было отлично видно, как опричники пошли в атаку. Профессионально, со знанием дела продавливая оборону. Гвардейцы на их фоне смотрелись бледно, не сумев дать больше трёх залпов из пушек. Да и те почти без эффекта.

На счастье гвардейцев, я присоединился как раз вовремя и прикрыл их отход. Расстояние было великовато для прицельной стрельбы, но пущенный из middle wand'a Знак отлично работает по площадям. Пока опричники выставляли щиты и укрывались за ними от взрывов, гвардейцы успели отойти во дворец. Я прекратил попусту жечь эфир и включил «сторожки» на площади.

На развернувшемся полотне сражения дворец стал крепостью. Не похожий на неё внешне, он дал бы фору любому реду или замку. Защитные Знаки на его стенах рисовал настоящий мастер. Уж не знаю, кого приглашали из Европы, но он постарался на славу — стены легко держали даже армейские «молоты».

Фоном батальной картины стали рядовые, лихо стрелявшие из окон первого этажа. Им вторили офицеры: хоть и со слабыми Талантами, но они буквально засыпали нападавших огненными всполохами. Толку от них было немного — опричники, прикрываясь щитами, сжимали кольцо и шаг за шагом приближались к дворцу.

Главными же героями военного пейзажа стали «молоты», которые бросал я. Ослепительно яркие и грозно гудящие во время полёта. Они взрывались с жутким грохотом, оглушая опричников, разбрасывая вокруг брусчатку и оставляя глубокие воронки. Страшно прекрасное зрелище!

В какой-то момент мне даже показалось, что опричники отступают. Но нет, они всего лишь перегруппировались, выдвинули в авангард магов с щитами и рванули вперёд с новой силой. Опричников было слишком много на меня одного, и через несколько минут они хлынули на площадь как половодье. По окнам дворца ударил буран из выстрелов, заставляя гвардейцев прятаться и не давая им отвечать.

Я тоже перестал обстреливать — слишком велик был риск зацепить своё же плетение, разложенное на площади. Вместо этого я создал огромный щит, прикрывающий фасад здания. Умничка Анубис справился на пять с плюсом, вплетая в Талантливое заклятье мелкие деланные Знаки.

Опричники, решив что мы ушли в глухую оборону, заревели боевой клич и ринулись на штурм. Первые их ряды приблизились к парадному входу, на ходу бросая таранные заклятья в тяжёлые створки дверей. И в этот момент «сторожки» их почувствовали и активировали громадную деланную связку.

На мгновение Знаки на площади вспыхнули серебристым светом. Красивейшее зрелище, должен вам сказать. Будто огромная вышивка на чёрном бархате, загадочные письмена на тайном языке старинных мастеров. Никогда прежде я не видел, чтобы смертоносная магия была так прекрасна. Жаль, что это длилось всего одно мгновение.

— А-а-а!

Слитный крик ужаса потряс площадь. Знаки погасли, а вместо них к небу рванул поток гудящего пламени. Словно преисподняя разверзлась и оттуда вырвался адский огонь. Выше крыши дворца, будто желая достать и спалить само небо. А в нём страдающими грешниками метались опричники, и никакие щиты не могли их спасти сейчас.

Маги, шедшие в арьергарде, сумели вырваться из ловушки. Одни выбежали из области действия Знаков, другие пробили себе дорогу ледяными заклятиями. Но остальным не повезло — когда пламя потухло, на площади не осталось ни тел, ни оружия. Только угольно-чёрные тени в виде фигурок людей на брусчатке.

До меня долетел удушливый запах палёного, и я отвернулся от окна. Видит бог, продолжающаяся жатва не доставляла никакой радости. Множество людей умерло от моей руки, и кто знает, сколько ещё погибнет. Пока ситуация не придёт в равновесие и не утвердится новая власть.

* * *

Когда опричники отошли, я уронил подвешенные в воздухе Печати на площадь. Для постороннего наблюдателя, без опыта

деланной магии, ничего не изменилось. Но мне было видно, как Знаки на площади начали снова наливаться эфиром, перезаряжаясь для второй вспышки. Заодно я подрегулировал «сторожки» на срабатывание с задержкой. Пусть начнут штурм, потянутся всей массой — и тогда получают сокрушающий удар.

Впрочем, опричники не спешили начинать новую атаку, прячась в переулках и скрытно что-то готовя. Воспользовавшись паузой, я подтащил к окну кресло, уселся в него и откинулся на спинку. За последние трое суток я спал всего несколько часов, и тело жаждало отдыха. Но даже дремать сейчас было нельзя, и я отвлекал сам себя разными мыслями.

Раз за разом я возвращался к разговору с призраком императрицы. Имелось три причины дать ей слово. Во-первых, было откровенно жаль Ивана Антоновича. Чуть ли не с рождения запертый в тюрьме, лишённый родителей, детства, свободы и даже имени, он вызывал сочувствие. Он ведь ненамного младше меня, и несложно представить, что он чувствует. Оказавшийся в руках бунтовщиков, он растерян, оглушён и ничего не понимает. Могу поспорить, Иван мечтает вовсе не о мести, а лишь вырваться, удрать ото всех и обрести настоящую свободу. И от тюремщиков, и от своих «спасителей».

Во-вторых, у меня было предчувствие, острое, как бритва, и едкое, как кислота. Я чувствовал, что убийство невинного Ивана обернётся дурными последствиями для императорской династии. Не могу объяснить это ощущение, но оно было схоже с тем, как я «видел» приближающуюся смерть Елизаветы. Да, именно кончину династии, связанную со смертью Ивана Антоновича, я и ощущал. А не хотелось, чтобы династия менялась в ближайшее время, мне и текущей смуты хватило с лихвой.

Была и третья причина. Я знал, как спрятать Ивана так, чтобы никто никогда его не нашёл. Правда, этот метод я никогда не пробовал — Лукиан как-то обмолвился о нём, меня ритуал заинтересовал, и монаху пришлось объяснить, как его проводить. А тут такой отличный повод, чтобы опробовать на практике. Так что Ивану придётся стать подопытной «мышкой», если он хочет жить.

А что до предупреждения: мол, меня и Таню с Сашкой хотят убить — так ничего нового я не услышал. Тут даже гадать не надо: после того, как я расправился с Елагиным, масоны изо

всех сил постараются меня убрать. Да и кроме них найдутся «доброжелатели», кому я перешёл дорогу и кто не желает моего возвышения. И в первую очередь ударят по близким мне людям, а я не могу быть вечно рядом с ними.

И так-то не хотелось оставаться при дворе, а теперь тем более никакого резона не осталось. Что мне там могут предложить? Возглавить новую Тайную Канцелярию? Стать сенатором? Получить чин канцлера или тайного советника? Благодарю покорно! Чтобы испытать хоть какое-то удовольствие от них, надо или любить власть, или жаждать богатства и воровать. Ни того, ни другого я не хотел. А пользу России я могу принести, реализуя собственные проекты, тот же телеграф или эфирную дорогу.

Так что от любой должности буду отмахиваться руками и ногами. Единственное, надо поступить хитро — мой отъезд из столицы должен выглядеть, будто это враги отстранили меня от власти. Надеюсь, императрица сможет подыграть в такой малости.

* * *

Я ждал атаки со стороны площади, и взрыв, раздавшийся со стороны Невы, застал меня врасплох. Опрокинув кресло, я стремглав кинулся через анфиладу залов на противоположную сторону дворца. К счастью, это оказались не враги, а обещанный корабль. Не парусник, как я ожидал, а галера. Выстрелами из пушек она разрушила наплавной Исаакиевский мост через реку. Прошла в образовавшуюся брешь, развернулась и встала напротив дворца.

Эвакуация получилась шумная и суетная. По коридорам топали сапоги гвардейцев, кричали офицеры, и страшно воняло перегаром эфира. Громогласно возмущались арестованные сановники, грубо разбуженные солдатами. Но мне не было до всего этого дела, я занимался исключительно наследником.

— Спит как сурок, — улыбнулся Киж, вынося мальчика на руках.

Следом шёл Васька с дремлющим Мурзилкой. Кот смотрел на суету вокруг одним глазом, свесив лапы и дёргая кончиком хвоста. Даже погрузку в лодку он воспринял с безразличной флегматичностью.

— А вы? — уже сидя в лодке, посмотрел на меня Киж.

— Ждите меня на галере, я должен оставить нашим «друзьям» парочку сюрпризов.

Опричники, заметив шевеление во дворце, забеспокоились и снова начали подтягивать силы. Но ничего уже сделать не успели — к моменту, как они подступили к площади, я уже скомандовал последним гвардейцам уходить к лодкам и ждать меня там.

Ещё раз проверив «сторожки», я нарисовал в воздухе напротив парадного входа несколько силовых Знаков. Небольшой подарочек для того, кто решится заглянуть во дворец. Последним штрихом зачаровал лестницу на второй этаж простенькой связкой. Мраморные ступени теперь будут как облитые маслом — пока Знаки не развеются, никто не сможет подняться вверх. Мелкая пакость, конечно, но почему бы и не развлечься напоследок?

Ждавшие меня гвардейцы заметно нервничали. И только когда мы отчалили от берега, они выдохнули и посветлели лицами. Ох, не о том они беспокоились! Боюсь, что после соединения с Екатериной нас может ждать сражение похуже, чем сейчас.

Спиной я почувствовал чужой взгляд и обернулся. На набережной стоял призрак Анны Иоанновны и грозил мне пальцем.

— Помни, — пронёсся над водой шёпот, — ты обещал!

Я приложил два пальца к шляпе и поклонился. Обещал — значит, сделаю. Мёртвая императрица кивнула и растаяла дымом.

* * *

Галера вышла в море и медленно, против ветра двинулась в сторону Стрельны. Капитан корабля, молодой офицер с тонкими усиками, знал, кто в нашей компании главный, и предложил мне свою каюту. Так что я успел несколько часов подремать, прежде чем на рассвете меня разбудила телеграфная табакерка.

— «КП, у нас беда!»

— «Кто это? Что случилось?»

— «Саша. Ночью Тобольский полк атаковал голштинцев

императора».

— «В смысле? Они же, наоборот, шли ему на помощь».

— «Все так думали. Но они устроили резню, почти все голштинцы убиты. Фельдмаршал Миних привёз раненого императора к нам и передал Екатерине».

Обалдеть, какие новости! Ничего не понимаю, что происходит.

— «КП, Тобольский полк движется к нам, собираясь атаковать. Гвардия строится для сражения, мы вместе с Екатериной сидим под охраной».

Чёрт, чёрт, чёрт! Гагарины не зря рассчитывали на успех — Тобольский полк был их козырным тузом, выложенным на стол в критический момент. Они обманули всех, сделав вид, что полк верен Петру, а затем раздавили с помощью него голштинцев. Подлый удар ночью, когда никто не ожидал подвоха от союзника. Если бы не Миних, то император бы уже был мёртв.

— «Кто командует гвардейцами?»

— «Григорий Орлов».

Ничего плохого не могу сказать про Гришу, но не уверен, что у него достаточно полководческого таланта.

— «Миних принёс присягу императрице?»

— «Да, КП».

— «Пусть Таня убедит Екатерину назначить командующим Миниха».

Старому фельдмаршалу уже за семьдесят, он начинал ещё при Петре Великом, брал Данциг и воевал с турками. У него опыта больше, чем у всей гвардии вместе взятой.

Телеграфная табакерка замолчала на долгих полчаса, а затем пришёл ответ:

— «Императрица назначила командовать сражением Миниха».

— «Молодцы! Скоро я буду у вас, передай Екатерине, что мы везём наследника».

Время тянулось резиной, пока наша галера медленно ползла по беспокойному морю, а я ждал новостей. Мы дошли до Стрельни и начали спускать шлюпки, когда пришло сообщение:

— «Тобольский полк разбит, победа наша. Екатерина ждёт, когда вы доставите наследника».

— «Что с императором?»

Телеграфная табакерка замолчала на несколько минут, а затем отстучала:

— «Император попал под проклятие. Екатерина просит вас, КП, помочь ему».

Глава 36

Коллега

Гвардия понесла чувствительные потери. Семёновцы, измайловцы и преображенцы, давно не покидавшие столицу, едва не проиграли номерному пехотному полку, усиленному опричниками бунтовщиков. И только Миних, назначенный с моей подачи, сумел переломить ход сражения. Надеюсь, гвардия выучила этот урок и будет заниматься больше боевыми упражнениями, а не пьянством и переворотами.

Екатерина прислала за наследником карету и почётный караул из преображенцев. Так что до лагеря маленькой армией мы добрались со всеми удобствами. Уже через полчаса я вошёл в шатёр императрицы, держа Павла за руку.

— Константин Платонович!

Императрица поднялась навстречу и подала руку для поцелуя.

— Я безмерно рада видеть моего сына в вашем сопровождении.

Она благосклонно кивнула и занялась Павлом. Пока Екатерина разговаривала с мальчиком, я обменялся взглядами с Таней и Орловым, которые находились здесь же. Судя по всему, Таня отлично вписалась в ближний круг императрицы и была подле неё не только для связи со мной.

— Танечка, — позвала Екатерина, — отведи Павла Петровича в его палатку, проследи, чтобы его накормили завтраком. — Она обернулась ко мне. — Константин Платонович, не возражаете, если ваши люди останутся с Павлом Петровичем, пока мы не вернёмся в Петербург? У меня здесь одни гвардейцы, а им поручать ребёнка уж точно нельзя.

Павел выглянул из-за матери, с надеждой глядя на меня. Маленький хитрец не желал расставаться с Васькой, Кижом и Мурзилкой. Проводить с ними время ему нравилось гораздо больше, чем с Паниным и другими воспитателями. И уж точно полезней и безопасней, на мой взгляд.

— Конечно, Ваше Величество, буду рад оказать наследнику услугу.

Таня взяла Павла за руку и повела к выходу из палатки. Когда она проходила мимо, мы обменялись взглядами и на

краткий миг соприкоснулись рукавами. Как же я по ней соскучился!

— Вы просто незаменимый человек, Константин Платонович, — императрица устало присела за походный столик. — Что бы я без вас делала?

— Благодарю, Ваше Величество, — я поклонился, — за столь лестную оценку.

— Это я должна вас благодарить. И уже придумала, как это сделать, — она хитро улыбнулась. — Впрочем, об этом мы поговорим после, когда всё закончится. А сейчас расскажите мне о событиях в Петербурге.

Орлов встал за спиной императрицы, и они вдвоём, не перебивая, слушали мой доклад о Гагариных и сражении с опричниками. Освобождение Ивана Антоновича из Шлиссельбурга не стало для них новостью — я уже сообщал известие через Таню. Но когда о нём зашла речь, Екатерина зло поджала губы: ещё один претендент на престол мог обрушить все её планы. А вот новость о разрушении Летнего дворца вызвала у императрицы грустную улыбку.

— Спасибо, Константин Платонович. Дворец был такой старый, что его давно требовалось снести. Но у меня связано с ним столько хороших воспоминаний, что рука не поднималась. Простите, что перебила. Продолжайте, пожалуйста.

Дослушав до момента, когда мы садились на галеру, не выдержал уже Орлов.

— Надо было и Зимний к чертям взорвать вместе с бунтовщиками!

Екатерина обернулась к нему.

— Гриша!

— А что? Ты бы потом ещё лучше построила, а так разом кучу бунтовщиков бы положили.

Неодобрительно покачав головой, императрица сделала мне знак рукой:

— Продолжайте, Константин Платонович.

— Я практически закончил, Ваше Величество. Галера доставила нас в Стрельну, а дальше вы знаете.

Кивнув, почти минуту она молчала. Её пальцы терзали платок, выдавая нервное состояние.

— Константин Платонович, есть ещё одно дело, для которого я хочу попросить вашей помощи. Император болен...

Платок не выдержал издевательств и с треском разорвался пополам. Впрочем, императрица не обратила на это никакого внимания.

— Я не врач, Ваше Величество.

— Магически болен. Его поразило проклятье...

В её голосе прозвучал нескрываемый ужас. Императрица боялась даже говорить об этой «болезни».

— Будет лучше, если вы навестите императора и сами всё увидите. А после мы поговорим снова, и вы скажете своё мнение. Гриша, — она обернулась к Орлову, — проводи Константина Платоновича, пожалуйста.

* * *

Палатка императора, видимо, специально располагалась на другом конце лагеря. Пока мы шли туда, Орлов весело болтал со мной — непонятная «болезнь» Петра его совершенно не волновала.

— Чертяка ты, Костя! Это же надо — чуть ли не половину Петербурга разнёс. Зарево от пожара, что ты устроил, даже мы отсюда видели.

— Ну извини, — я развёл руками, — так получилось.

— Получилось! — Орлов расхохотался. — У всех бы так получалось, как у тебя. Вся гвардия завидует, какой ты разгром устроил.

Нашли чему завидовать! Я бы с удовольствием отказался от сомнительной чести разрушать дворцы и сжигать опричников.

— Спросить тебя хотел, — Орлов покосился на меня, — на кой ляд ты старику Миниху протекцию устроил? И без него бы нашлось кому командовать.

Судя по тону, Орлов не сомневался, что справился бы не хуже престарелого фельдмаршала.

— Он победил, — я усмехнулся, — это сейчас главное.

— Ага, и забрал себе всю славу.

— Ты видел, сколько ему лет? Ещё год-другой, и он уйдёт на покой. И тебя от императрицы он подвинуть точно не сможет.

Орлов что-то недовольно пробурчал.

— Гриша, не дуйся. Я за дело переживаю, а не за славу. Екатерина тебя не хуже наградит, чем Миниха, могу биться об заклад. А сейчас пусть старик сделает всю грязную работу за

тебя.

— В смысле?

— Нам ещё Петербург отбивать у мятежников. Наверняка не обойдётся без разрушений и случайных жертв. Понимаешь?

— Ах вот ты о чём! — протянул Орлов и почесал в затылке.

— Тогда, конечно, пусть лучше Миних...

Григорий неожиданно замолчал и встал как вкопанный. Впереди, возле палатки императора, стоял мужчина. На вид лет сорока, чуть ниже меня, с сильными залысинами, орлиным носом и ледяными глазами. Талант у незнакомца был приоткрыт на самую малость, будто дверь в бездну. И из-за неё сквозило могильным холодом и чернильным мраком. Не было ни единого сомнения — передо мной тот самый прусский некромант, приглашённый Петром.

— Кхм... — Орлов закашлялся и прошептал: — Костя, держи.

Он попытался незаметно сунуть мне в руку рукоять «громобоя». Но я отрицательно покачал головой и не стал брать оружие. С таким противником магический пистолет не поможет справиться.

— Гриша, оставь нас пока.

— Уверен? Я могу...

— Да, без сомнения. Тебе не стоит на это смотреть.

Если дойдёт до прямого столкновения, лишний человек рядом будет только мешать.

— Хорошо, я тогда пойду, — громко произнёс Орлов и шёпотом добавил: — Приведу гвардейцев, на всякий случай.

— Не надо. Я сам разберусь.

Орлов ушёл, и вокруг не осталось ни души — ледяное дыхание Таланта некроманта разогнало всех свидетелей. Я улыбнулся и пошёл к нему. Ну-с, коллега, давайте обсудим, что вы забыли на моей территории. А заодно выясним, как проходят дуэли некромантов.

* * *

— Никак, милейший Константин Платонович, — словно прочитав мои мысли, ответил некромант приятным баритоном.

— Хозяйка запрещает устраивать склоки в рабочее время.

— А в свободное?

Некромант рассмеялся. На русском он говорил совершенно без акцента, лишь иногда ставя в словах неправильные ударения.

— Мы всегда на службе, Константин Платонович. Даже когда спим. У нас, дорогой мой, не бывает выходных и отпусков, как и у нашей госпожи.

Я подошёл ближе, держа руку на Скудельнице и готовый выставить щит в любой момент. Но некромант, похоже, и правда не собирался со мной конфликтовать. И даже приглушил Талант, спрятав его внутри.

— Не стоит беспокоиться, — он примирительно поднял ладони, — я не намерен на вас нападать, молодой человек. Неужели Луциан не рассказал вам правила? Впрочем, старый параноик всегда относился ко мне с предубеждением. Представляете, он подозревал, что я хочу занять его территорию! А ведь знал, что я не люблю здешний климат.

Убирать ладонь со Скудельницы я не торопился, присматриваясь к некроманту. Он болтал без умолку, улыбаясь и радуясь встрече. Кажется, вполне искренне.

— Вы не откажетесь со мной выпить, прежде чем я уеду? Редко удаётся пропустить стаканчик в компании понимающего человека. Кстати, что же это я! Совершенно забыл представиться. Готлиб Джурьефф, к вашим услугам. Можете называть меня Глеб Андреевич.

— Вы русский?

— Не думаю, что можно так говорить. — По его губам скользнула грустная усмешка. — Я слишком много времени провёл в Европе и давно стал пруссаком. Не возражаете прогуляться со мной? — он указал на берёзовую рощицу за палаткой императора. — Подальше от лишних ушей.

Я кивнул, и мы молча двинулись прочь от лагеря.

* * *

Некромант не торопился начинать разговор. Достал из кармана флягу, отвинтил крышку и понюхал с видимым удовольствием.

— У меня лучшие винные погреба во всей Пруссии. За прошедшие века я собрал отличную коллекцию. Будете рядом — обязательно заезжайте, мне нравится принимать гостей.

Он вытащил из воздуха два крохотных серебряных

стаканчика и налил в них янтарную жидкость.

— Попробуйте, очень редкий напиток, — он протянул один стаканчик мне, — в том году был отличный урожай. Петрарка как раз закончил свою Книгу песен, и виноград словно напоен стихами.

Не дожидаясь, пока я выпью, он залпом осушил свою порцию. Не чувствуя в жидкости яда, я последовал его примеру.

— Ну как? Замечательный вкус.

— Скажите, Глеб Андреевич, — мне надоело разводить бесполезные политесы, и я спросил напрямую, — зачем вы здесь?

Усмехнувшись, некромант пожал плечами.

— Пётр Фёдорович боялся поднятых мертвецов. Кажется, он мельком увидел того, что ходит за вами, и страшно испугался. А я должен был охранять его от мести покойников. Подозреваю, что это могла быть ваша месть, Константин Платонович. Вас ведь собирались казнить?

Не собираясь вдаваться в подробности, я кивнул.

— Сейчас же, когда император в таком состоянии, в моих услугах больше нет нужды. И я собираюсь сегодня же отправиться домой. Ждал только вас, чтобы свести знакомство.

— Для чего?

Он звонко рассмеялся и панибратски похлопал меня по плечу.

— Молодой человек, пройдёт ещё лет пятьдесят, и вы сами захотите поговорить по душам. Нам, живущим долгие столетия, периодически нужен понимающий собеседник, которому не приходится всё объяснять. С занудой Луцианом не может общаться никто из наших, а вы выглядите очень интересной личностью. Так что всегда буду рад видеть вас в своём замке. Посидим, выпьем по маленькой, пригласим прелестных артисток и будем развлекаться, пока не надоест.

— Не слишком вызывающее поведение для некромантов?

Джурьефф всплеснул руками.

— Луциан дурно на вас влияет, Константин Платонович. Кто, кроме нас, заглядывающих в смерть, может во всей полноте оценить жизнь? Именно мы, некроманты, умеем радоваться отпущенным дням лучше всех. Не бойтесь, я научу вас этому искусству.

Он снова расхохотался.

— А Луциану передайте, что он старый ханжа и не умеет веселиться.

Спрятав флягу, Джурьефф поклонился.

— Мы познакомились, и я могу со спокойной душой уехать. Не забудьте, я буду ждать вашего визита.

— Погодите, Глеб Андреевич. Что с императором? Что за «состояние», из-за которого вы решили его покинуть?

— Вам разве не сказали? — он удивлённо вскинул брови. — На Петра Фёдоровича наложили проклятье «Эльфийской проказы». Не слышали о таком? О, это страшная штука, любимое орудие авалонцев. Человек испытывает страшные мучения, медленно теряя силы и жизнь. Хуже всего, что у несчастного будто «гниёт» душа.

— А вы не можете его снять?

— Я похож на безумца? Даже приближаться к авалонской пакости небезопасно. Скажу больше: если кто-то убьёт Петра, чтобы облегчить мучения, проклятие перейдёт на него. Подозреваю, это касается и некроманта, попытавшегося увести императора за грань. Так что я рекомендую вам держаться от несчастного подальше и не рисковать понапрасну.

Глава 37

Три желания

— Вы не вняли моим предупреждениям.

Джурьефф догнал меня у палатки императора и схватил за локоть.

— А вы собирались немедленно вернуться в свой замок.

Он пожевал губами и неопределённо хмыкнул.

— Мне будет неприятно, если вы умрёте раньше срока.

— В самом деле?

Я послал ему насмешливый взгляд. Как-то не слишком верится во внезапно вспыхнувшие дружеские чувства.

— Россия слишком велика для Луциана. Хозяйка прикажет мне «окормлять» часть земель, а я не люблю дальние поездки. Константин Платонович, пообещайте, что не будете приближаться к «Эльфийской проказе».

— Увы, не могу дать такого слова. Я крайне любопытен и должен хотя бы взглянуть.

— Да что вы за человек такой! Сказано же — это смертное неснимаемое проклятие.

— Вот с этого момента подробнее: кто именно пробовал его снять?

— В смысле? Никто ни за какие деньги братья за подобное не будет. Это общеизвестный факт.

— Ах, общеизвестный, — я улыбнулся. — Не от авалонцев ли?

Без сомнения, эльфы с Авалона великие искусники в магии: и Талантливой, и деланной. По всей Европе о них идёт слава самых крутых колдунов, спорить с которыми не может никто. Лучшие волшебные амулеты — с Авалона. Лучшие механические лошади — с Авалона. Самые убойные заклятья и Знаки — оттуда же. Вот только меня терзало стойкое подозрение, что репутация у них «слегка» раздута.

Посудите сами: несколько столетий механические лошади считались чуть ли не авалонским чудом, а потом какой-то механик-цверг разобрался в их устройстве и коней начали производить на континенте. Похожие истории случались и с другими магическими устройствами. Может, и проклятье не такое уж и не снимаемое? Просто никто не пробовал

разобраться, как оно работает.

Так что я собирался как минимум посмотреть, что это за «Эльфийская проказа» такая. Во-первых, из научного интереса — всегда полезно подсмотреть устройство чужих заклятий. А во-вторых, чтобы прикинуть, как от него защищаться. Кто знает, вдруг и на меня захотят наслать подобную пакость? Лучше уж подготовиться заранее, а может, и выйдет снять эту гадость с Петра.

— Глеб Андреевич, будьте добры, отпустите мою руку. И не отвлекайте меня, пожалуйста, пока я не осматрю ваше проклятье.

— Оно не моё, — недовольно буркнул Джурьефф, но разжал пальцы и отступил на шаг.

Осторожно отодвинув полог, я заглянул в палатку Петра.

* * *

Всеми брошенный, император Российской империи лежал на узкой походной кровати. Лицо бледное, лоб блестит от пота, кожа на руках почернела и покрылась язвами. Глаза были закрыты, но подрагивающие веки и хрипкое отрывистое дыхание указывали — он испытывает тяжёлые страдания.

Злая ирония! Когда он был в силе, вокруг вились десятки людей. Угадывавших любое его желание, готовые исполнить любой приказ. А сейчас ни одна живая душа не пришла, чтобы подать ему хотя бы стакан воды. Бедный, бедный Пётр! Впрочем, я не собирался жалеть своего врага больше, чем он того заслуживал.

Переклочившись на магическое зрение, я пристально вгляделся в его фигуру. Искать проклятье не пришлось — в груди императора угнездилась чёрная эфирная клякса, пронизавшая тонкими «корешками» всё тело. Даже на расстоянии чувствовалось, какая это опасная и убийственная дрянь. И если сейчас она исчезнет, скорее всего, Пётр уже нежилец. В какой-то момент даже показалось, что проклятие специально поддерживает в нём жизнь, чтобы продлить мучения.

— Видите? — прошептал Джурьефф, заглянувший в палатку следом за мной. — Оно взяло его и будет убивать долго, очень долго. Лишая сил и заставляя страдать. Тут ничем уже не

поможешь, идёте!

Я отмахнулся от него и прищурился. Так-так, посмотрим, как устроено заклятье.

Нет, это вовсе не бесформенная «клякса», как представилось в первый момент. Если приглядеться, то можно разглядеть внутренние структуры. Похоже на «бутерброд» из нескольких слоёв. Вернее, «сэндвич» — две связки Знаков, между которыми зажат чёрный эфирный «мазок». Последний наверняка сделан Талантом, именно он и убивает носителя. А вот деланная обёртка отвечает за «неснимаемость» и смену носителя в случае убийства жертвы.

— Хватит, — на ухо прошипел Джурьефф и потянул меня наружу, — идёте отсюда.

Сопротивляться я не стал и дал вывести себя из палатки. В голове роилась целая куча мыслей, и главная: я не был первым! Авалонцы раньше меня додумались объединить деланную и Талантливую магию, по крайней мере для создания «Эльфийской проказы». Вот поэтому никто и не мог снять эту дрянь — деланные маги не занимаются лечением подобных вещей, а Талантам не хватало знаний, чтобы зацепить проклятье.

— Довольны? Насмотрелись? Надеюсь, теперь вы не будете приближаться к этой штуке.

— Не могу обещать, — раздумывая над увиденным, я почесал переносицу, — зависит от политических обстоятельств.

— Господи, вы хуже Луциана! Ещё упрямее и непослушнее. Молодой человек, я же вам ясно сказал — проклятье нельзя снять. Вы добьётесь, что оно перескочит на вас, и проведёте остаток дней в поисках несуществующего лекарства.

— Глеб Андреевич, вы изучали деланную магию?

Джурьефф фыркнул.

— Вот ещё! Таланту неуместно тратить время на низкую науку черни.

— Зря, очень зря, — я посмотрел на него с иронией. — Наука не бывает низкой или высокой. А знания не бывают лишними даже Талантам. Прошу простить, но я вынужден откланяться, меня ждут неотложные дела.

Екатерина была занята. У неё в палатке шло совещание с Минихом и старшими офицерами гвардии. Судя по доносившимся голосам, обсуждали план возвращения в Петербург и поимку мятежников. Врываться к ним я не стал — пусть войки сами разбираются, а меня сражения и затянувшаяся жатва успели утомить. Поймав мальчишку камер-пажа, я велел показать дорогу к шатру наследника.

Идти пришлось недалеко. У входа стоял караул преображенцев, лица которых показались знакомыми. Солдаты тоже меня узнали, отдали честь и не стали задерживать. Я вошёл внутрь и улыбнулся, увидев Павла.

Мальчик, с влажными от умывания волосами, с озабоченным лицом раскладывал на столе ровными рядами печенье. И серьёзным тоном объяснял Кижу, что это солдаты и они будут разыгрывать штурм Летнего дворца, в котором мертвец станет командовать опричниками. На меня эта парочка не обратила никакого внимания.

А вот кое-кто, наоборот, впился в меня взглядом голубых глаз. Таня стояла, опустив руки, и смотрела так, что сердце пропускало удары. Я улыбнулся ей со всей нежностью, накопившейся в душе, и кивнул. Она улыбнулась в ответ и подошла ближе.

— Какие ужасы о ваших приключениях рассказывают, — шепнула она. — Говорят, аж земля тряслась от заклятий.

— Привирают, словоблуды. Постреляли немного, Летний дворец сгорел, да и только.

Сейчас было не время и не место говорить о личном. Мы перебрасывались фразами о всякой ерунде, просто радуясь встрече после разлуки. Наши руки, вроде бы случайно, соприкоснулись, и мы незаметно сплели пальцы. Я почувствовал, как Таня сжала мою ладонь — со страстью и нежностью.

— Как тебе подле императрицы?

Она тихонько вздохнула.

— Устала ужасно. Очень хочется домой, в Злобино.

— А как же придворная жизнь? Всё это великолепие, кавалеры, балы и праздники? Скоро волнения закончатся, и подле императрицы будет самая интересная жизнь.

— Интересная! — Таня фыркнула. — Вот уж спасибо. Наряды, танцы и развлечения? Я бы с удовольствием

променяла их на наши занятия магией, телеграфом и эфирной дорогой. Они гораздо лучше бесполезной мишуры.

— А если я буду вынужден остаться в Петербурге? Императрица может предложить мне высокий чин, и придётся жить в столице.

Она на мгновение нахмурилась и тут же ответила:

— Если ты останешься, тогда и я тоже. Что без тебя делать в Злобино?

Мы посмотрели друг на друга и крепче сжали руки.

— Константин Платонович!

В палатку влетела Сашка и укоризненно уставилась на меня.

— Я вас обыскалась. Екатерина Алексеевна желает вас срочно видеть!

— Раз желает, значит, увидит.

Я кивнул Тане и шепнул:

— Вечером увидимся. — Обернулся и махнул рыжей. — Пойдём, чудо, исполним желание императрицы.

По дороге Сашка непрерывно тараторила, рассказывая какие-то незначительные подробности о том, как они путешествовали с Екатериной и наблюдали сражение.

— Скажи мне, Александра, — прервал я её, — ты хоть мужу написала? Он там весь извёлся, наверное, ждёт дома.

— Ой, Константин Платонович, написала, конечно! Сказала, чтобы собирался и готовился ехать в Петербург.

— Зачем?

— Ну как же! Я ведь теперь статс-дама, мне покидать двор никак нельзя. Так что Петя должен срочно перебраться сюда, снять нам дом, устроить всё. Да и неприлично, если я без мужа в столице буду.

— А может, тебе к мужу возвратиться?

— Да что вы говорите, Константин Платонович! Как же я императрицу оставлю без поддержки? Вокруг неё одни лизоблюдки и глупые девицы выются. Да и нехорошо будет от должности, государыней пожалованной, отказываться.

Вот, значит, как всё повернулось. Сашке, в отличие от Тани, придворная жизнь пришлась по душе и по сердцу. Жаль, конечно, будет отпустить их с Бобровым, придётся самому разбираться с организацией производства в Павлово. С другой стороны, если я собираюсь вернуться в Злобино, свои люди при дворе не помешают. А если Сашка сумеет здесь закрепиться, я

получу немалую поддержку в делах.

— Прощу, Константин Платонович, — Сашка откинула передо мной полог шатра, пропуская внутрь, — Её Величество ждёт вас.

* * *

— Вы просите меня о невозможном, Ваше Величество.

— Константин Платонович! — императрица молитвенно сложила ладони перед собой. — Только вы можете помочь!

— Я не могу...

— Умоляю!

— Ваше Величество, вы хотите, чтобы я стал убийцей Петра Фёдоровича. Это...

— Не убийцей, спасителем! Вы же знаете, как он страдает! Мой врач говорит, что это может продолжаться и неделю, и месяц, и год. Он же сойдёт с ума от такой пытки! Вы видели, на что стали похожи его руки?

— Но...

— Когда я была маленькая, то слышала от матери об «Эльфийской проказе». Один из моих дядюшек получил её в «награду» от Австрийского императора. Он умирал несколько лет! Под конец напоминал живой труп с торчащими костями! И совершенно потерял разум. Этого вы хотите для Петра Фёдоровича? Вы знаете, что я не люблю его как мужа, что хотела отстранить от власти. Но даже мне невыносима мысль, что с ним будет такое. Умоляю, Константин Платонович! Вы же некромант! Помогите ему умереть!

Я поднял ладонь, призывая императрицу к молчанию.

— Дайте мне сказать, Екатерина Алексеевна.

Она устало опустила руки и кивнула.

— Во-первых, нет никакой гарантии, что я смогу это сделать. Быть может, сам попаду под действие проклятья и умру вместе с императором. Во-вторых, если я всё же сумею совершить невозможное, остаётся Павел. Наследник рано или поздно взойдёт на престол, и что он сделает с убийцей собственного отца? «Добрые» люди донесут до него событие в нужном им ключе. Нет, не перебивайте, выслушайте до конца. В-третьих, есть дворяне, сторонники вашего мужа. Будут ли они мне мстить? Наверняка.

Я сложил руки на груди, показывая непоколебимость. Может, Екатерина и испытывала сострадание к мужу, но мне виделся тонкий расчёт: его смерть развязывала ей руки и позволяла спокойно взойти на трон. Ради этого я не собирался трогать «Эльфийскую проказу». Посмотреть издали, подразнить коллегу-некроманта — это всегда пожалуйста, но не лезть руками в опасное колдовство.

— И самое главное: для чего я должен рисковать жизнью? Чтобы спасти от страданий того, кто хотел моей смерти? Он послал магадава, чтобы тот убил меня без суда и следствия. Не говоря уже о муках, которые я испытывал от лишения Таланта. Мне кажется, вы просите слишком много. Отправьте Петра Фёдоровича в монастырь — молитвы облегчат его участь и помогут спастись душе.

Императрица вздохнула и отвернулась.

— Идите, Константин Платонович. Я должна подумать над вашими словами.

Глава 38

Флаконт

Мои планы встретиться вечером с Таней пошли прахом. Её и Сашку вызвала к себе Екатерина, и они пробыли в шатре императрицы до поздней ночи. А ко мне заявился Джурьефф с бутылкой чего-то крепкого и желанием поговорить. Дядька явно маялся со скуки, но уезжать не собирался.

— Да как же тут уедешь?! — возмутился он на мой вопрос.
— Вы же, Константин Платонович, можете попытаться снять заклятие, а этого допускать никак нельзя.

— Неужели вы прониклись ко мне такой симпатией, что решили оберегать?

Он посмотрел с прищуром и хмыкнул.

— Вопрос сложнее, чем личная приязнь. Смерть любого некроманта — это удар по Хозяйке, а значит, и по каждому из нас. Пройдёт лет сто, и вы сами будете приглядывать за младшими коллегами.

— И всё же...

— Дайте слово, что не будете трогать «Эльфийскую проказу», и я перестану мозолить вам глаза.

— Боюсь, Глеб Андреевич, дело складывается так, что ситуация требует поступить наоборот, и моё желание роли не играет.

Джурьефф осуждающе покачал головой.

— Вы, мой дорогой, идёте по скользкой дорожке. Некромант должен всячески избегать подобных ловушек и не брать на себя лишние обязательства. И вообще, желательно держаться от властителей подальше. У вас перед глазами наглядный пример вашего дяди, чем заканчиваются подобные игры.

— А вот с этого момента подробнее, пожалуйста. Что такого случилось с Василием Фёдоровичем?

— Он умер слишком рано для некроманта, — Джурьефф пожал плечами. — Подробности я не знаю, спросите об этом Луциана.

Спрошу, обязательно спрошу. Подозреваю, что Василия Фёдоровича свели в могилу его политические игры, которые он затеял с Ушаковым. Хотя, может, там случилось ещё что-то нехорошее. В любом случае это стоит выяснить, чтобы не

попасть в ту же яму самому.

— Именно поэтому я и говорю вам, — продолжал некромант, — не подходите к проклятию. Бросайте всё и уезжайте подальше от придворных интриг, склок и переворотов.

— Хозяйка дала мне другие инструкции. А вы, чем повторять одно и то же, лучше бы помогли мне.

— Как? Я же говорил, что не знаю средств борьбы с авалонским волшебством.

— Вы были рядом, когда проклятие наложили на Петра Фёдоровича?

— В общем-то да. Шагах в тридцати, но видел этот момент отчётливо.

— Кто это сделал?

— Не могу сказать. Проклятие прилетело, будто ядро из пушки, со стороны вражеского строя. Ударило императора в грудь и опрокинуло на землю, подняв клубы дыма. На ноги он подняться уже не смог и кричал от боли.

— Сумеете найти место, где это случилось?

— Вполне, — Джурьефф кивнул, а в его взгляде мелькнула заинтересованность. — Там остались явственные следы, даже в темноте мимо не пройдёшь.

— Тогда едем прямо сейчас.

* * *

Мы выехали из лагеря верхом и направились к месту сражения голштинцев и Тобольского полка. Я одолжил механическую лошадь у гвардейцев, а у Джурьеффа имелся свой конь — здоровенная зверюга рыжей масти. Задумавшись, я не сразу разглядел, что он не механический и не живое существо, а некро-магический конструктор на основе лошадиного скелета. Заметив мой удивлённый взгляд, Джурьефф пояснил:

— Очень удобно, знаете ли, двести лет на нём езжу. Никаких ломающихся механических частей, никаких болезней живых. К тому же Бурушка умён и умеет сам находить дорогу.

Пока мы ехали, я пристально рассматривал поднятого коня, подмечая детали. Надо будет дома, в Злобино, попробовать сделать себе такого же. Скорее для практики, чем для езды — механические лошади мне ближе, чем мёртвые.

— Где-то здесь, — Джурьефф дёрнул повод, останавливая коня, и принялся крутить головой.

Ночь была тёмная, но магическим зрением я легко разглядел большое поле, усеянное страшным урожаем трупов. Никто не пришёл хоронить павших: тела голштинцев лежали вперемешку с тобольцами и опричниками мятежников, ничем не отличимые друг от друга. А над ними парили какие-то полупрозрачные эфирные «медузы», сядившиеся на лица мёртвых и лениво взлетевшие при нашем приближении.

— Падальщики, — заметив их, Джурьефф поморщился, — питаются остатками эманаций боли и смерти. А ну, пошли отсюда!

Он вскинул руку и послал перед собой волну призрачного огня. «Медузы» кинулись врассыпную, частью сгинув от пламени.

— Так, где-то здесь.

Джурьефф спешился и наклонился к земле, что-то разглядывая.

— Сейчас сориентируемся. Мы уезжали туда, проехали отсюда, а стояли где-то вон там. Ага, прошу за мной, Константин Платонович.

Широкими шагами он двинулся вперёд, переступая через покойников. Мёртвый конь всхрапнул, покосился на меня и мотнул головой вслед хозяину. Мол, давай за ним, человеке, а я покараулю твою глупую механическую игрушку.

Я прыгнул с седла и пошёл за Джурьеффом.

— Да, вот здесь. Чувствуете, Константин Платонович? Ещё остались эманации проклятия.

Пришлось пройти по кругу, прежде чем я обнаружил на земле тёмные эфирные пряди, складывающиеся в фигуру человека.

— А стреляли, — я втянул носом воздух, принохиваясь к эфиру, — вон оттуда?

— Примерно, не могу точно сказать.

Точность и не нужна была — в воздухе виднелся опалесцирующий эфирный след, оставленный проклятием. Смазанный и нечёткий, но ещё ощутимый. Так что я двинулся по нему, надеясь найти место «выстрела», если так можно выразиться.

— Не понимаю, что вы ищете, Константин Платонович. Вряд

ли по следам можно отыскать колдуна.

Отвечать я не стал. Джурьефф, как и любой Талантливый маг, видел ситуацию несколько однобоко. А у меня имелись некоторые соображения, основанные на структуре «Эльфийской проказы». Такие связки Знаков, как я увидел в ней, не нарисуешь за пару минут, слишком сложный рисунок. Да и швырнуть её было непросто без дополнительной подготовки.

По некоторому размышлению я пришёл к выводу, что никаких авалонцев на поле боя не было. А имелся некий сосуд, в котором и хранилось проклятие. Некто «прицелился» в Петра и выпустил дрянь наружу, будто выстрелил из пистолета. Но токсичная пакость наверняка зацепила и самого «стрелка», слишком уж едкие у неё эманации. Вот я и хотел поискать — вдруг он этот сосуд, хранилище проклятия, обронил, когда получил по щам?

— А вы удачливы, мой дорогой.

Джурьефф только покачал головой, когда увидел мою находку.

— Никакой удачи, Глеб Андреевич, чистый расчёт.

На земле лежал мертвец с искажённым мукой лицом. Перед смертью он закричал, почуяв подвох авалонцев, но сделать уже ничего не мог. Ядовитый выхлоп «Эльфийской проказы» убили его за несколько секунд.

Так-так, а что это у нас тут? Тёмный хрустальный флакон, пышущий эфиром от наложенных на него Знаков. Рядом валяется пробка с нарисованной Печатью. Вот я и нашёл то самое.

Опустившись на колени, я внимательно рассмотрел флакон. Из руки ещё одного трупа я взял пистолет и я перевернул им сосуд на другую сторону, чтобы не прикасаться руками. Пробку пришлось вертеть несколько раз — на ней авалонский искусник выписал целую вязь Печатей. После этого я осмотрел мертвеца и обнаружил у него на шее медальон с авалонским рисунком. Кажется, именно он отвечал за прицеливание проклятия.

Джурьефф всё это время стоял рядом и внимательно наблюдал за моими манипуляциями.

— Это же деланная магия, верно?

— Да, она самая. — Отряхнув руки, я поднялся на ноги. — Идёмте, я уже закончил.

— Константин Платонович, вы нашли что-то? Я, простите, в

деланных Знаках ничего не понимаю.

— Кстати, очень зря, Глеб Андреевич. Соединение Знаков и Талантов порой даёт поразительные результаты.

— Вроде «Эльфийской проказы», — Джурьефф передёрнул плечами, — нет уж, увольте. Я уж как-нибудь так, по старинке.

Уже на подъезде к лагерю он сказал:

— Как будете снимать проклятие, позовите меня.

— Хотите увидеть, как я это сделаю?

— Подстрахую, на всякий случай, — буркнул он и пришпорил мёртвого коня, показывая, что разговор закончен.

Я только улыбнулся. Никакая страховка мне не нужна: Знаки с хрустального флакона получится нарисовать на любой бутылке. Пробка тоже не проблема. А вытащить чёрную дрянь из самого Петра можно с помощью хитрости. Осталось только обдумать, как не подставиться со смертью императора.

* * *

Рано утром явился офицер-семёновец и попросил следовать за ним. Я даже не удивился, что привёл он меня к палатке императора, ожидая увидеть внутри Екатерину. Опять будет меня уговаривать? Но нет, там был один Пётр, измученный, с почерневшей кожей и запавшими глазами. Он был в сознании, но не мог даже сесть. Сил у него хватило только дёрнуть рукой и прокрипеть:

— Подойти, некрот.

Я не боялся, в отличие от других, что проклятие перескочит на меня. Магический конструкт был занят только своей жертвой и не собирался её бросать. Так что спокойно подошёл и остановился за шаг до походной кровати.

— Радуешься, что я умираю?

— Нет, — я пожал плечами, — не вижу повода.

Он еле-еле усмехнулся.

— А ты радуйся, теперь тебя не отправят ф Сибирь.

Помолчав почти минуту, он прошептал:

— Хочу, чтобы меня убила та же рука, что и дядюшку Фридриха. Желаете стать убийцей дфух императороф?

— Пётр Фёдорович, вы не поверите, — я наклонился к нему и тихо сказал: — Не хочу.

Он посмотрел на меня с ужасом.

— Не смей отказываться! Не смей!

Увидев, что я отрицательно качаю головой, он затрясся, как в лихорадке.

— Хоть ты не будь трусом! Не остафляй меня гнить, убийца! Я дам тебе награду. Будешь прафить миром, если захочешь! Ну?!

В его груди шевельнулось проклятие, и император забился в судорогах. Его выгнуло дугой, заскрипели сжатые зубы, но он даже не застонал. Уважаю! Даже в таком состоянии не позволяет себе малодушничать. Жаль, что мы оказались по разные стороны баррикад.

Приступ продолжался почти минуту, а затем император обессиленно откинул голову.

— Той же рукой. Что и его, — прошептал он. — Ф подфале, ф Ораниенбауме, бумаги. Там заклятие, Чудо Фридриха. Фозьми его.

Вот это неожиданность! Описание Чуда Бранденбургского дома? Как интересно! Откуда же он его взял? Впрочем, неважно. Мне оно вряд ли пригодится, а вот уничтожить бумаги стоит, чтобы не попали в чужие руки.

— На.

Пётр протянул руку и разжал ладонь. На земляной пол шатра упал толстый медный ключ.

— Обещаю: вы умрёте.

Император облегчённо закрыл глаза.

— Когда?

— Сегодня.

Я развернулся и пошёл к выходу.

— Той же рукой, — догнал меня шёпот, — что и Фридриха.

* * *

Возле палатки императора меня уже ждали семеро гвардейцев. То ли почётный эскорт, то ли конвой, чтобы не сбежал.

— Константин Платонович Урусов, извольте следовать за нами. Её Величество Екатерина Алексеевна желает вас видеть.

Ага, кажется, Екатерина решила на меня надавить. Что же, придётся «поддаться» и пообещать смерть императора. Но подобное обращение я запомню.

Меня провели через весь лагерь к шатру Екатерины.

Старший офицер на секунду заглянул внутрь, вышел и указал на полוג.

— Вас ждут, проходите.

Екатерина ожидала меня в компании Павла, Сашки и Тани. Мальчик выглядел расстроенным, глаза у него покраснели, будто он плакал.

— Девушки, — холодно приказала она, — проследите, чтобы нас не подслушивали.

Таня и Сашка беззвучно выскользнули из шатра, обменявшись со мной испуганными взглядами.

— Я обдумала ваши слова, Константин Платонович. Вы много сделали для меня, спасли наследника престола, храбро воевали и давали верные советы. Требовать большего, взваливая на вас ещё и беду Петра Фёдоровича будет с моей стороны чёрной неблагодарностью.

Она вскинула ладонь, не давая мне ответить.

— Молчите! Сначала выслушайте меня. Да, неблагодарностью. И прежде, чем я всё-таки вас попрошу... — Павел, сидевший на стульчике, шмыгнул носом. — Прочтите это.

Императрица шагнула вперёд и протянула свёрнутые в трубку листы бумаги.

Глава 39

Удел

Я развернул бумаги и тихонько хмыкнул. Передо мной был указ, написанный каллиграфическим почерком, с нарисованным гербом и сургучным оттиском Большой государственной печати внизу.

«Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская, Московская, Киевская, Владимирская, Новгородская, Царица Казанская, Царица Астраханская, Царица Сибирская, Государыня Псковская и Великая Княгиня Смоленская, Княгиня Эстляндская, Лифляндская, Корельская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская и иных Государыня, и Великая Княгиня Новгорода, Низовския земли, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская, Белоозёрская, Удорская, Обдорская, Кондийская и всея Северныя страны Повелительница и Государыня, Иверския земли, Карталинских и Грузинских Царей и Кабардинския земли, Черкасских и Горских Князей, и иных наследная Государыня и Обладательница повелеваем...»

Полное титулование я пробежал глазами, а дальше завяз в хитросплетении вычурного официального языка. Почти половину листа многословно говорилось о монаршей воле, божьей милости, благе подданных и устранении споров дворянских родов. И только после этого началась содержательная часть.

«Земли, что за краем Чукотским, от мыса святого Лаврентия, где река Юконка в океан впадает...»

В Сорбонне я обожаю рассматривать атлас мира, представляя себя путешественником и мысленно объезжая разные страны и города. Так что сейчас легко вспомнил, где это находится, — речь в указе шла о перешейке, соединяющем Чукотку и Америку.

«...край Алеутский и далее, земли, Америкой называемые, до пределов иных держав, кои свои границы там обозначают. А также острова Алеутские, начиная от острова Беринга, и всё, что за ним последующие на восток...»

Длинный список островов я пробежал, не вчитываясь.

«...Всё вышеозначенное да будет отныне княжеством

Алеутским, уделом и вотчиной. Дабы управлялось одной рукой да прирастало жителями и богатством во славу Российскую».

О как! Ход, конечно, интересный. Только зачем Екатерина мне показывает этот указ? Ответ нашёлся на втором листе бумаги, где был ещё один указ.

«Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская...»

Это я уже видел.

«...волею своей даруем титул светлейшего князя Алеутского первейшему нашему другу и спасителю наследника престола, дворянину Урусову Константину Платоновичу. И повелеваем именоваться светлейшим князем Урусовым-Алеутским ему и всем потомкам его по мужской линии».

В горле запершило, и я закашлялся от неожиданности. Князь Алеутский? Светлейший? Серьёзно?!

«Княжество Алеутское, что за краем Чукотским находится, даровать ему в удел, в коем будет он полновластным хозяином, должным подчиняться только слову императорскому».

Я поднял взгляд на Екатерину. Императрица смотрела на меня прямо, напряжённая, как струна.

— Ваше Величество...

— Я обещала отблагодарить вас так, как вы заслуживаете, Константин Платонович, и я держу слово. Уж вы-то точно достойны быть князем, больше чем кто-либо в этом лагере. Боюсь, даже этого будет мало, чтобы выразить мою признательность. Но я постаралась устроить ваше княжество там, где вам не придётся сталкиваться с могущественными родами

Я приложил руку к груди и поклонился.

— Вы сделали для меня больше, чем я мог мечтать, Ваше Величество.

Подарок оказался действительно царским, а Екатерина вряд ли понимала, что именно отдала мне. Далёкие американские земли? Неосвоенные и дикие? Так это же золотое дно!

Ни у каких Голицыных, Шереметевых и прочих семейств там нет сейчас значимых интересов, и не придётся идти с ними на конфликт. Границы внутри континента между Францией, Испанией и Авалоном ещё не определены, и если поторопиться, то можно откусить западное побережье Америки. Княжество и так вышло размером с пару Франций, но есть шанс сделать его

ещё больше.

Что же до удалённости, я усмехнулся про себя, то моя эфирная дорога легко устранит этот недостаток лет за десять-пятнадцать. А есть ещё и другие идеи, как сократить расстояние. Кстати, про золотое дно я не только в переносном смысле. Должно быть там золото, обязательно!

— Теперь, — императрица жестом подозвала к себе Павла и положила руку ему на плечо, — когда я уменьшила свой долг перед вами, выслушайте меня и моего сына.

— Ваше Величество, вы ничего не должны мне. Я помогал вам не ради награды.

— Тем проще мне будет просить вас. Помогите моему мужу!

Пальцы императрицы сжали плечо мальчика. Павел бросил на мать быстрый взгляд, увидел кивок и повернулся ко мне.

— Константин Платонович, дайте моему папе... — он едва не всхлипнул, но сдержался, — умереть.

Екатерина смотрела на меня с мольбой и надеждой. А Павел принялся тереть кулаком глаза, размазывая слёзы.

Я подошёл к ним и опустился перед мальчиком на колено.

— Ты понимаешь, чего от меня хочешь?

Он кивнул, стараясь не смотреть мне в глаза.

— Так надо, — Павел зажмурился, — папа сам об этом просит.

Отвернувшись, он уткнулся в мать, сдерживая плач. Пусть она его не слишком любит, но сейчас мальчику требовалась любая поддержка.

Встав на ноги, я склонился перед императрицей. Она отлично всё рассчитала! Даже не дай я ранее согласие Петру, сейчас не удалось бы отказаться. После подобного подарка нельзя плюнуть в протянутую руку, да и просьба Павла имела немалый вес. Пожалуй, у Екатерины есть все шансы удержаться на троне и стать неплохим монархом — управлять людьми она умеет отлично.

— Сделаю всё, что в моих силах, Ваше Величество. Пётр Фёдорович уйдёт легко и достойно, как и полагается императору.

Ещё раз поклонившись, я пошёл к выходу.

— Когда?

Я обернулся. На лице императрицы было написано облегчение. А вот Павла сотрясали беззвучные рыдания. Что

же, так даже лучше: пусть мальчик поплачет сейчас, но запомнит эти события. Чем через десяток лет ему расскажут выдумку и озлобят местью. А я постараюсь в будущем помочь ему не совершать отцовских ошибок.

* * *

Полночь мы встречали вчетвером. Я, Джурьефф, Киж и Пётр. Впрочем, последний был в беспамятстве и принимал участие в нашем «сабантуе» только в качестве объекта.

В отличие от Лукиана, прусский некромант проявил к Кижу живейший интерес.

— Вы только посмотрите!

Он принялся ходить вокруг мертвеца, цокая языком и рассматривая его со всех сторон. Киж под его взглядом смутился, как девица, которую незнакомый мужчина застал в бане голой.

— Сударь, что вы на меня так пялитесь?

— Да вы же просто чудеснейший экземпляр, дорогой мой! Вас в кунсткамере надо показывать и деньги за просмотр брать!

— Нет уж, извините, — Киж поджал губы и боком начал отодвигаться от Джурьеффа, стараясь прикрыться мной, — мне такой чести не надо.

— А как насчёт парочки экспериментов? Я давно разыскивал некродобровольца, чтобы проверить одну теорию.

— Увольте, сударь, не желаю никаких «экскрементов». На себе ставьте, если угодно.

А Джурьефф будто специально подзуживал Киж и старался подкрасться поближе.

— Так ведь ничего страшного я вам не предлагаю. Ап — и всё!

— Никаких апов! Отойдите от меня!

— Да ладно вам, дорогой мой. Вам совершенно ничего не грозит.

— Нет, я сказал! Руки прочь от свободного поднятого! Не дам себя калечить!

— Да что вы за покойник такой! — Джурьефф искренне возмутился. — Я некромант с огромным стажем, у меня никто не калечится. Даже оздоравливаются, хе-хе, местами. Вы же фехтуете? Во-о-от! А если бы у вас была третья рука для ещё

одной шпаги?

— Изыди! — Киж взвыл. — Никаких лишних рук! Мне моих довольно!

— Голубчик, это не больно!

Тут уже я не выдержал.

— Прекратить балаган, вы меня сбиваете.

Рисунок Знаков на бутылке всё не желал складываться в правильную связку, и споры начали раздражать.

— Молчу-молчу, — Джурьефф примирительно выставил ладони и отошёл в сторону.

Но тут же поманил пальцем Киж. Тот демонстративно сделал вид, что ничего не видит. Вытащил из-за пазухи плоскую флягу, отвинтил крышку и сделал глоток.

Джурьефф принялся и удивлённо вскинул брови.

— Сударь, а можно вас на минуточку?

— Я же сказал — нет.

— Забудьте, опыты отменяются. А что это у вас во фляге?

— То самое, — усмехнулся Киж, — пятилетней выдержки.

— Как интересно. И почему не трёх?

Мертвец высокомерно посмотрел на Джурьеффа.

— Букет не тот, знаете ли. Не хватает нот сандала и кожи.

— Вы их различаете?! — Джурьефф постучал себя по носу. — Никогда бы не подумал! Надо срочно это проверить. Идите сюда, мой дорогой. Да не бойтесь, не укушу.

Он тоже полез в карман и вытащил свою флягу, стаканчик и налил Киж.

— Давайте, пробуйте. Какие основные запахи вы чувствуете?

Киж с сомнением посмотрел на рюмку, но всё-таки взял и неторопливо выпил.

— Что-то фруктовое. Ещё ваниль и немного кофий.

— Кофий? Погодите-ка.

Джурьефф отобрал стаканчик, снова налил и выпил сам.

— М-м-м... Да, пожалуй, вы правы, есть что-то кофейное. А давайте-ка попробуем ещё вот это. — На свет появилась новая фляга. — Что скажете?

Пока я заканчивал подготовку, рисуя small wand'ом Знаки, эти двое спелись на почве выпивки, уселись на походные стулья в углу и принялись дегустировать на двоих. Да и пусть, меньше меня отвлекают.

Бутылка, аж светящаяся от Знаков, была готова, как и

пробка к ней в пару. Кроме того, под походной кроватью Петра я начертил двухметровую связку-насос. Его-то я и включил первым делом.

Эфир над Петром дрогнул и потёк вниз, увлекаемый Знаками. Медленно, не спеша, но широким мощным потоком. Подождав пару минут, я переключился на магическое зрение и улыбнулся. «Корешки», которыми проклятие пронизало тело императора, начали отрываться и тянулись вслед за эфирным ветром. Ага, получается!

Магический конструкт «Эльфийской проказы», хоть и был вершиной колдовского искусства, но интеллект имел на уровне таракана. Когда «корешки» начало выдёргивать, он принялся отрачивать новые, чтобы не упустить жертву. Но и их сносило эфирным ветром, и тупое проклятие выбрасывало всё новые и новые нити.

Через десять минут под кровать было страшно заглядывать — будто тысячи тонких чёрных щупалец свисали к полу, шевелясь и вибрируя. А вот сам конструкт в груди Петра истончился и уже не выпускал новых отростков: резерва эфира у него не осталось.

— Пора! Дмитрий Иванович, иди сюда.

Киж вернул некроманту недопитую флягу и подскочил ко мне. Я вручил ему зачарованную бутылку и указал на висящие «корешки».

— Видишь эту дрянь? Твоя задача поймать её, когда она вывалится.

— А чем её пихать сюда? — Киж с сомнением посмотрел на узкое горлышко.

— Бутылка сама её втянет, твоё дело направить, а затем заткнуть пробкой.

— Понял, сделаю.

Джурьефф подходить к нам не стал, отсалютовав флягой.

— Встань там, Дмитрий Иванович, начинаем.

Я закрыл глаза, пробудил Анубиса и потянулся некромантским даром к императору. Тому, кто должен умереть, пришла пора уйти за грань.

Расчёт оказался верен. Ослабленное эфирным ветром проклятие не могло держать императора во всю силу. Я ухватил его и дёрнул с максимальным усилием — прочь, за черту!

Но я недооценил врага. Едва Пётр стал уходить, «Эльфийская проказа» взвизгнула и вцепилась в него, вереща, как банши.

Мы застыли в шатком равновесии между жизнью и смертью, между реальностью и полем в тумане. Я тянул в одну сторону, проклятие в другую, а Пётр завис между двух миров.

— Дрянь!

Дёрнув в очередной раз, я увидел, как император открыл глаза. Посмотрел на меня, на проклятие и скривился в усмешке.

— Фперёд! Шагом марш!

Гаркнул он командным голосом, приказывая сам себе. Вспыхнул изнутри, пылая силой. Отбросил мои руки и плети «Эльфийской проказы» и сам шагнул за грань. Чеканя шаг и держа равнение на невидимое знамя.

Проклятие взвизгнуло и исчезло, а я кинулся вслед за Петром. Не останавливать, не говорить бесполезные слова, а достойно проводить императора. Слабого правителя, но настоящего воина, победившего непобедимое и ушедшего с честью.

Глава 40

На веслах

Единственный, с кем я разговаривал о смерти императора, был Павел. Мальчик имел право знать, как умер его отец, и гордиться им. Магических подробностей я не упоминал, конечно, но о мужестве Петра рассказал.

— Он ушёл как настоящий рыцарь, с отвагой, без тени страха. Я горжусь, что проводил Петра Фёдоровича в последний путь.

Естественно, Павел был расстроен и сильно переживал. Но держался достойно и не стал плакать.

— Константин Платонович, вы, — мальчик запнулся на мгновение, — вы можете отомстить тому, кто сделал это с папой?

— Выпустивший проклятье уже получил своё. А тому, кто отдал приказ, — я кивнул, — постараюсь вернуть долг сполна.

Запечатанная бутылка с проклятием лежала у меня в багаже. Надеюсь, её содержимое «порадует» второго Гагарина, когда мы встретимся.

— Спасибо, — мальчик шмыгнул носом и украдкой вытер глаза, — я не забуду вашей помощи.

Надеюсь, он действительно запомнит, как было дело. Жизнь некроманта долгая, и я ещё увижу, как этот мальчик взойдёт на престол. Не хотелось бы, чтобы у будущего императора была ко мне неприязнь из-за случившегося.

* * *

Тем же утром в шатре императрицы состоялся военный совет. Миних с остальными офицерами настаивал, что нужно идти на Петербург и атаковать мятежников. Никаких отсрочек, только немедленная атака! Нескольких скептиков, предлагавших дать гвардии день-другой на подготовку, просто задавили большинством.

В принципе, фельдмаршал был прав. Да, гвардия после сражения с тобольцами слегка не в форме. Да, опричники лучше натренированы и свежее. Но на стороне гвардии большинство, насколько я могу судить. И самое главное, нельзя

давать мятежникам время. Пока они не нашли новых союзников, пока не подошли резервы, надо добивать гадов!

Впрочем, я со своим мнением не лез. Командовать предстоит Миниху, а не мне, да и я больше по артиллерии, а не по стратегии. Но под конец совета Екатерина бросила на меня вопросительный взгляд. Я молча кивнул, и императрица приказала начать наступление.

— Благодарю вас, судари! Делайте что должно и помогай вам бог!

Офицеры потянулись к выходу, а следом и я.

— Константин Платонович, — не дал мне уйти голос императрицы, — а вас я попрошу остаться.

Она дождалась, пока мы останемся одни и укорила меня:

— Вы не сказали ни слова во время совета.

— Я не полководец, Ваше Величество.

— Ах, какой же вы невыносимый, Урусов! Я же разрешила вам в неофициальной обстановке называть меня по имени-отчеству. И без вас хватает паркетных шаркунов, которые знают наизусть мой полный титул и готовы величать меня им, даже подавая кофий.

Пряча улыбку, я поклонился.

— Обещаю исправиться, Екатерина Алексеевна.

— У вас будет на это время, Константин Платонович. После коронации я собираюсь воссоздать Тайную канцелярию, распущенную моим мужем. И хочу видеть вас её главой.

Ничего себе новость! Без сомнения, кандидатуру Екатерина подобрала отличную: после того, что я устроил в Петербурге, на этой должности я буду внушать немалый страх. Вот только я не хочу играть роль пугала на имперском огороде! Что, у меня не найдётся занятий интересней, чем по подвалам заговорщиков допрашивать? Нет уж, увольте!

Императрица не дала мне возразить:

— Но это всё после. А сейчас у меня к вам другое дело: прибыл посланец от нашего общего знакомого.

Она взяла со стола колокольчик и коротко позвонила. Тут же в шатёр проскользнула «рука Бестужева» — знакомый мне человек-мышь. Он низко поклонился и устоял на императрицу с преданным вниманием. Екатерина кивнула, и посланник заговорил:

— По достоверным сведениям, войска мятежников

собираются дать бой. На подступах к Петербургу, подле казарм измайловского полка, готовят флеши и устанавливают артиллерию.

Я совершенно не удивился такой новости. В стане врага тоже не дураки сидят, понимают что к чему. Но зачем это рассказывать мне?

— А фельдмаршал Миних об этом знает?

Екатерина кивнула и махнула рукой посланнику, чтобы тот продолжал.

— Глава заговора князь Гагарин Сергей Васильевич, а также известный вам Иван Антонович находятся сейчас в Зимнем дворце. Принимать участие в сражении они не будут, так как занимаются, — человек-мышь подпустил ехидства в голос, — «государственными» делами.

— Благодарю, — императрица обернулась ко мне. — Константин Платонович, в Стрельне ещё стоит галера, на которой вы прибыли.

— Вы хотите отправить галеру с войсками и захватить верхушку заговора?

— Не захватить. Галера не перевезёт потребное количество войск, — в её глазах мелькнула сталь. — Их надо уничтожить. Вы можете сделать так же, как с Летним дворцом? Сжечь их, чтобы даже пепла не осталось.

— Боюсь, что нет, Екатерина Алексеевна. Зимний слишком хорошо заколдован, с ним подобный фокус не пройдёт.

Императрица поморщилась, недовольная моим ответом. А меня будто стукнуло — надо ловить удачу за хвост, если я собираюсь исполнить обещание призраку. Это единственный шанс добраться до Ивана Антоновича и дать ему шанс выжить. Если я въеду в Петербург вслед за гвардией, то несчастного мальчишку уже ничего не спасёт.

— Екатерина Алексеевна, у меня есть другое предложение. Я отправлюсь на этой галере в Петербург и разберусь с главой бунтовщиков лично.

— А люди? Корабль небольшой, как вы будете штурмовать дворец?

— Мне не нужны гвардейцы, я возьму только своего помощника.

— Константин Платонович, вы серьёзно?! Что толку от вашей гибели?

— Не нужно беспокоиться. У меня есть средства проникнуть во дворец без боя. А там, — я улыбнулся и приоткрыл Талант, выпустив наружу облачко ледяного могильного эфира.

Человек-мышь вздрогнул, а следом за ним и императрица. Страшно? Вот-вот, не стоит недооценивать некроманта.

— Если вы уверены, Константин Платонович...

— Уверен. Абсолютно. И мне нужно поторопиться, чтобы успеть к нужному моменту

* * *

Галера подошла к Петербургу и встала в устье Малой Невы. Здесь нас не могли заметить наблюдатели мятежников, а мне будет замечен условный сигнал. Нужно было точно подгадать время, чтобы между гвардией и опричниками завязалось сражение.

Ждать пришлось почти час, прежде чем я увидел, как вдалеке, за крышами города, в небо впился ослепительный луч раскалённого эфира. Ага, вот и сигнал! По моей просьбе Орлов подал его после начала атаки. Следом донёсся приглушённый грохот пушек, и я не удержался от улыбки.

— Пора! — бросил я Кижу и махнул матросам, чтобы спускали шлюпку.

— Константин Платонович, вы точно уверены? — человек-мышь, молчавший всю дорогу, хмурился и смотрел на меня с тревогой. — Вам не справиться с охраной дворца. Там несколько боевых магов и сотня опричников. Штурмовать дворец в одиночку...

— Я знаю, что делаю. Кстати, когда в Петербург собирается прибыть ваш начальник?

— Полагаю, как только закончится стрельба, — человек-мышь усмехнулся. — Алексей Петрович не любит шума. Желаете что-нибудь передать ему?

— Не стоит, я сам ему всё скажу лично.

Под скептическими взглядами команды и посланника Бестужева мы погрузились в лодку. Я занял место на корме, Киж сел на вёсла, и наше утлое судёнышко поплыло против течения. С каждым гребком мертвеца всё быстрее и быстрее.

На галере тоже дали ход, и корабль пошёл обратно. Едва он скрылся за Васильевским островом, я скомандовал Кижу:

— Накинь на нас «плащ мертвеца».

Мертвец тихонько пробурчал, что и грести ему, и маскировка на нём, а он, вообще-то, давно покойник и не должен так напрягаться после смерти.

— Дмитрий Иванович, тебе ещё и рубить опричников предстоит.

— Только это и примиряет, Константин Платонович, с грубой действительностью. Хоть душу нормально отведу.

Киж на мгновение закрыл глаза, а когда открыл обратно, на лодку навалился душный полог «плаща». Скрывая нас от досужих глаз и дозоров мятежников.

Едва он это сделал, на носу лодки появился из воздуха Джурьефф. Некромант вольготно расселся там с фляжкой в руке и задумчивым взглядом рассматривал здания на берегу. При этом он ещё и тихонько напевал что-то про остров, волны и расписные корабли.

— Кхм... Что вы здесь делаете?

На мой вопрос он не ответил, будто не услышал.

— Глеб Андреевич! Ау!

— А?! — он обернулся и уставился на меня.

— Что вы здесь делаете, сударь?

— Любуюсь городом.

— Я не спрашиваю, чем вы занимаетесь, меня интересует, зачем вы здесь.

Некромант посмотрел на меня с ехидцей.

— Вы же не думали, что я пропущу интересное зрелище? Мне крайне любопытно, как вы будете штурмовать дворец. Обожаю такие развлечения!

— А ничего, что я вас не приглашал?

— Оставьте, Константин Платонович, — Джурьефф только отмахнулся, — будто вам жалко. В молодости я увлекался стихосложением и весьма недурно сочинял, между прочим. Если вы погибнете, я сложу о вас героическую поэму.

Он расхохотался, увидев, как я нахмурился.

— Шучу, мой дорогой, шучу. Никаких стихов я не сочиняю. А с вами я поехал из научного интереса: там будет много трупов, и упускать шанс провести некоторые эксперименты будет непростительно. Дмитрий Иванович же отказался участвовать, придётся воспользоваться «добровольцами». Обещаю — мешать я не буду.

— А помогать? — подал голос Киж, продолжая грести.

— Дорогой мой! — Джурьефф всплеснул руками. — А зачем? Я ни на секунду не сомневаюсь в силе и квалификации Константина Платоновича. Да и в ваших способностях тоже. Так что не отвлекайтесь на меня, занимайтесь своим делом.

Он снова отвернулся, приложился к фляге и продолжил напевать себе под нос. Вот ведь жук такой, а! Скинуть бы его в воду за безмерную наглость. Судя по взгляду, Киж вполне разделял моё мнение о некроманте и с удовольствием бы заехал ему веслом. Хорошо хоть Зимний дворец уже был рядом, и заниматься воспитанием Джурьеффа было некогда.

— Подходим, Дмитрий Иванович. «Плащ» не снимай, часовых не трогай.

Киж удивлённо уставился на меня.

— Я тихо, Константин Платонович, никто ничего не услышит.

— Нет. Не хватало ещё, чтобы тревогу подняли раньше времени. Входим тихо, никого не трогаем, ищем Гагарина и Ивана Антоновича.

Лодка причалила, и мы выбрались на пристань. Джурьефф выскочил вслед за нами и растворился в воздухе, скрывшись под собственным «плащом». Да и ладно, пусть делает, что хочет, не до него сейчас.

— Вперёд, времени у нас в обрез.

Когда мы входили во дворец, часовой-опричник дёрнулся, почувствовав ледяное касание «плаща», покрутил головой, но ничего не обнаружил.

— Стой, — я тронул Киж за рукав.

Закрыв глаза и прислушался к эфиру. Давай, Анубис, нюхай! Где искать Гагарина? Талант проснулся и начал ткать «ловчую сеть». Минута, другая, третья...

— Нам навверх.

Лестница, которую я в прошлый раз зачаровал, была покрыта чёрной гарью. Кто-то выжигал мою «шуточку» эфиром, не сумев расколдовать. Кстати, на одной из ступенек я заметил обгорелый выбитый зуб и усмехнулся — пакость сработала, как и планировалось.

Прежде чем подняться на второй этаж, я вытащил middle wand и нарисовал на полу связку из Знаков Огня и Льда, активирующуюся с задержкой последовательно.

— Поднимаемся и направо.

Я чувствовал их. Гагарин, пожилой дядька, похожий на убитого мной родственника, и ещё двое заговорщиков сидели в одном из залов и пили горькую. Судя по выражению лиц, в победу они уже не верили.

— Вина!

Из комнаты, где сидела эта троица, вылетел лакей и кинулся в нашу сторону.

— Тащи нам вина, скотина! — нёсся ему вслед пьяный голос.

— Взять! — шепнул я Кижу.

Мертвец, оставаясь под «плащом», прыгнул наперерез лакею и схватил его за шиворот. Тот распахнул рот, чтобы закричать, но не успел. Кулак Кижы приласкал беднягу по макушке, и он обмяк тряпичной куклой.

— Сюда его давай, за фикус. Снимай с него куртку. Хорошо, а теперь надевай.

— Что?!

Киж искренне возмутился, брезгливо держа одежду лакея двумя пальцами.

— Дмитрий Иванович, делай, что говорю. Быстро надел!

С лицом оскорблённого короля, мертвец натянул на себя ливрею. Она оказалась ему маловата, но я рассудил, что и так сойдёт. Судари заговорщики не станут обращать внимания на такие мелочи.

— Держи, — я скинул со столика медную вазу, взял лежавший там поднос и сунул в руки Кижу.

— Зачем, Константин Платонович?

— За надом.

Я снял с плеча сумку и вытащил из неё бутылку тёмного стекла. Внутри плескалась первородная тьма, шевеля тысячей длинных «корешков».

— Отнеси сударям, пожалуйста. Они жаждут выпить? Здесь напиток как раз для них.

Киж осклабился, оценив шутку. Поставил бутылку на поднос, скинул «плащ» и неспешным шагом двинулся в комнату с заговорщиками. Как я и обещал Павлу, «Эльфийская проказа» возвращалась к отправителю.

Конец 7 тома

Nota bene

Книга предоставлена [Цокольным этажом](#), где можно скачать и другие книги.

Сайт заблокирован в России, поэтому доступ к сайту через VPN. Можете воспользоваться [Censor](#) [Tracker](#) или [Антизапретом](#).

У нас есть Telegram-бот, о котором подробнее можно узнать на сайте в [Ответах](#).

* * *

Если вам понравилась книга, наградите автора лайком и донатом:

[Дядя самых честных правил 7](#)